

**Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский педагогический государственный университет»
Институт истории и политики**

ИСТОРИЧЕСКОЕ МЕСТО СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

**Материалы Всероссийской научной конференции
г. Москва, 6 ноября 2015 г.**

Под общей редакцией А.Б. Ананченко

МПГУ
Москва • 2016

УДК 94(470)"1917/1991"
ББК 63.3(2)6
И90

Редакционная коллегия:

Ананченко Алексей Брониславович, директор Института истории и политики МПГУ, кандидат исторических наук (главный редактор сборника);

Пихоя Рудольф Германович, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, профессор, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Коваленко Валерий Иванович, доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова;

Бугай Николай Федорович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН;

Пляйс Яков Андреевич, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор и заведующий кафедрой «Общая политология» Финансового университета при Правительстве России.

Историческое место советского общества. Материалы Всероссийской И90 научной конференции. 6 ноября 2015 г.; Московский педагогический государственный университет. Институт истории и политики / Под общ. ред. А.Б. Ананченко. – М.: МПГУ, 2016. – 222 с.

ISBN 978-5-4263-0308-9

Сборник содержит доклады и статьи участников Всероссийской научной конференции, состоявшейся в Москве 6 ноября 2015 г. Они отразили возросшее внимание российского научного сообщества к истории советского общества, перенос акцента с критического подхода к углубленному анализу накопленного им позитивного опыта. Различие методологических подходов авторов позволяет объемно и всесторонне ставить проблему исторического места советского общества. Книга предназначена для специалистов-исследователей, аспирантов и студентов, изучающих проблемы истории советского общества.

УДК 94(470)"1917/1991"
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-4263-0308-9

© МПГУ, 2016
© Авторы, текст, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	6
ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ	7
Пихоя Р.Г. Власть. Номенклатура. Собственность. Об одной из причин распада СССР	7
Коваленко В.И. Историческая память как категория политической науки: к осмыслению уроков революции 1917 года.....	22
Бугай Н.Ф. Принудительные переселения – технология управления советским обществом, соотношение целей, использование мировой практики.....	29
Пляйс Я.А. Достижения и провалы советской системы власти	38
СЕКЦИЯ I. ИСТОРИЧЕСКОЕ МЕСТО СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА: ПОНИМАНИЕ И ОБЪЯСНЕНИЕ	47
Аллахвердян А.Г., Агамова Н.С. Наука СССР: науковедение и динамика научных кадров в послевоенные десятилетия (1950-1980-е гг.)	47
Астахов М.В. Результаты эпохи буржуазной социальной революции в России как предпосылки формирования советского общества.....	53
Жидченко А.В. Советский город середины XX века как квинтэссенция идеалов коммунистического общества: отечественный и зарубежный взгляд	56
Куренышева Е.П. Феномен советского общества в английской и американской историографии	66
Леонов С.В. Советская модернизация в исторической ретроспективе.....	75
Роготнев И.Ю. Воображая космос: мечты о покорении пространства в советской культуре	80
Смирнов А.Г. Образ Советского Союза в китайском обществе.....	82
СЕКЦИЯ II. ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА	90
Берлов А.В. Ученые российской эмиграции 1920-1930-х гг. об аграрной политике Советской России.....	90
Вдовин А.И. «Националистический нэп» в истории СССР	97
Горянина О.О. Развитие человека в СССР (сопоставление с нацистской Германией).....	118
Никитина Н. Н. Антирелигиозная политика советской власти в период коллективизации и раскулачивания (на примере Западной области)	129

Трубников С.С. Феномен массового культурного просвещения в первые годы советской власти. Война за смыслы в период Гражданской войны.....	135
Чураков Д.О. Эволюция взглядов Н.И. Бухарина и кризис левого коммунизма	139
СЕКЦИЯ III. СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН.....	147
Абдрашев А.Б. Конституционное развитие кыргызской государственности в советский период (на примере анализа Конституция Киргизской ССР 1978 г.).....	147
Березкина О.С. Индустриальное общество в СССР: сущность и судьба.....	150
Блинова Н.В. Актуализация советской модели решения вопросов местного значения: возврат к старому или политический ренессанс?	156
Бойко С.И. Советский проект федерации и проблема стабильности государства.....	158
Домрин А.Н. Чрезвычайное и военное положение: особенности советского законодательства и опыт применения	163
Ермишина Н.Д., Лопарёв А.В. Распад СССР как геополитическая катастрофа	174
Кочетков А.П. Советское общество как альтернативный проект мирового общественного развития.....	178
Шатилов А.Б. Дифференциация советской партийной элиты как пролог к свертыванию коммунистического проекта в СССР.....	184
СЕКЦИЯ IV. ЦЕННОСТИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА И СОВРЕМЕННЫЙ МИР	187
Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Шаповалов В.Л. Репрезентация ценностных ориентиров советского периода в сознании российской молодежи: по результатам социологического исследования.....	187
Селезнева А.В. Представления о советском прошлом в сознании российской молодежи	196
Тимофеева Л.Н. Политическая социализации молодежи в советский и постсоветский периоды	198
Шатров И.В. Советский период российской истории как этап развития российской цивилизации	201
Щукин Д.В. Детское (пионерское) движение как феномен, проект и часть социальной реальности советского общества	202

Черныш А.М. Автомобиль в СССР: историко-культурологический аспект	208
КРУГЛЫЙ СТОЛ. ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННЫХ ВУЗОВСКИХ И ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ.....	212
Глухарев Н.Н. Проблема отражения «трудных» вопросов истории советского общества в современных школьных учебниках на примере освещения причин массовых репрессий 1930-х гг.	212
Дзялошинский И.М. Молодежь России: фантомы исторической памяти	218

ОТ РЕДАКТОРА

Всероссийская научная конференция, материалы которой публикуются в данном сборнике, была посвящена историческому месту советского общества и вызвала большой интерес среди специалистов историков, политологов, философов и филологов.

Когда разрушался и исчезал Советский Союз, многим профессионалам казалось, что историческое место советского общества уже определилось как событиями, так и идеями. Возникло новое отношение и к советскому обществу, его истории, и к социализму. Это отношение, как казалось многим, давало ясное представление о сущности этих явлений и их историческом месте. Но прошло несколько десятилетий, и оказалось, что сложившееся отношение не позволяет стать синонимом нашего понимания советской истории.

Занимаясь советской историей, мы открыто столкнулись в историческом образовании и познании сразу с несколькими группами процессов:

– *историческое образование на всех его уровнях – важнейший компонент общественного сознания. Ключевым элементом такого образования должно стать воспитание позитивного отношения к своему прошлому (патриотизм), к своей истории при понимании всей её противоречивости и многомерности. Все наши достижения – результат жизни наших предков, всех периодов нашей истории;*

– *историческое место советского общества начинает осознаваться в профессиональном сообществе как научная комплексная проблема понимания истории, которая по-разному может решаться с точки зрения разных методологических подходов. Важно, чтобы в исследованиях советского общества закрепился переход от оценок тех или иных процессов к их углублённому анализу.*

Всероссийская конференция рассматривается нами как возможность в преддверии 100-летнего юбилея Великой русской революции 1917 года начать обсуждение многообразного комплекса научных, идеологических, мировоззренческих, образовательных и воспитательных проблем понимания истории и исторического образования.

*А.Б. Ананченко,
директор Института истории и политики МПГУ,
кандидат исторических наук*

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Пихоя Р.Г. Власть. Номенклатура. Собственность. Об одной из причин распада СССР¹

Аннотация. Статья раскрывает основные направления развития советской бюрократии и ее роль в распаде СССР.

Ключевые слова: власть, номенклатура, собственность, причины распада СССР.

Pihoya R.G. Power. Nomenclature. Own. On one of the causes for the collapse of the Soviet Union.

Abstract. The article reveals the main directions of development of the Soviet bureaucracy and its role in the collapse of the USSR.

Keywords: power, range, property, causes the collapse of the Soviet Union.

Исследование причин прекращения существования Союза Советских Социалистических Республик остается и, убежден, будут оставаться в числе важнейших проблем истории XX в. Удивляет стремительная самоликвидация политической системы в СССР. Поражает практически полное отсутствие защитников прежней политической системы. Возникает вопрос - а где же тот "новый класс", номенклатура, управлявшая Советским Союзом?² Почему тот социальный слой, который обладал реальной властью в государстве, перестал защищать эту власть?

Для того, чтобы найти ответ на этот вопрос, следует, для начала, проанализировать те изменения, которые произошли в этом «новом классе», если использовать определение М. Джиласа³.

Следует отметить, что в своём развитии номенклатура прошла несколько этапов. Для понимания того, что случилось на рубеже 80-90-х гг., коротко остановимся на её истории.

Номенклатура как инструмент управления была сформирована в начале 20-х гг., когда на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г. И. Сталин провозгласил задачу "охватить коммунистами все отрасли управления и весь промышленный состав, при помощи которого партия держит в руках аппарат и осуществляет свое руководство". Требования к этим работникам Сталин сформулировал с предельной ясностью: это должны быть «люди, умеющие осуществить директивы, могущие по-

¹ **Рудольф Германович Пихоя**, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, профессор, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Москва; ; rudolfpikhoia@rambler.ru.

² О номенклатуре см.: Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 197-209; Восленский М. Номенклатура. М., 1991 О составе и численности высшего слоя номенклатуры см. Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945-1991. Новосибирск, 2000. С. 5-7.

³ Восленский М. Номенклатура. М., 1991. С. 13.

нять директивы, могущие принять эти директивы, как свои родные, и умеющие претворить их в жизнь»¹.

Исполнительность как главная добродетель, беспрекословное следование линии партии при каждом её изменении, дополненное революционным прошлым – родовые признаки первого этапа истории номенклатуры СССР. Сделаю важное добавление. В советской политической системе существование номенклатуры исключало выборы как способ смены людей в составе управленческой элиты.

Последовательная национализация и ликвидация частной собственности обусловило право номенклатуры на владение и управление государственной (в советском варианте – социалистической, общенародной) собственностью². Позволим себе утверждать, что это право владения носило корпоративный характер. Фиксация этого права закреплялось политической системой и осуществлялось через номенклатуру, управлявшую производственными предприятиями, советскими и государственными органами путем выполнения решений партийных органов (от съездов и пленумов, решений Политбюро или бюро республиканских, областных и районных партийных комитетов)³.

В своем развитии номенклатура прошла несколько этапов. Первый – с начала 20-х гг. до, примерно, 1934 г. Исполнительность, революционная решительность и следование извилистой «линии партии», которую чертил её Генеральный секретарь, не требовала профессиональной квалификации, специального образования. Красные командиры с легкостью становились «красными директорами».

Однако по мере усложнения процесса управления страной выяснилось, что революционный опыт, исполнительность оказались недостаточными условиями для решения задач строительства новой промышленности, управления разросшегося государственного аппарата. Упрощая эти сложные процессы, можно сказать, что начался процесс замены "красных директоров" – "главными инженерами". Кроме преданности власти требовались профессиональные знания⁴. Следует согласиться со словами М. Джиласа, что, «наряду с иллюзиями, и вопреки им, новый класс выступал носителем объективных тенденций индустриализации»⁵.

¹ Сталин И.В. Соч., Т. 5. М., 1947. С. 209.

² Эта тема исследована в кн.: Пайпс Р. Собственность и свобода. М., 2001.

³ Подробнее см.: Гайдар Е.Т. Смуты и институты. Государство и эволюция. СПб, 2011. С. 217-239.

⁴ Технология вытеснения путём репрессий «красных директоров» и замены их образованными техническими специалистами на материалах Магнитогорского металлургического комбината исследована в кн.: Кучер В.Н. Дела и судьбы сталинских директоров. М., 2003. Любопытно, что подобная тенденция действовала во всех сферах государственного регулирования. В исторической науке, в частности, это разгром так называемой «школы Покровского», Института красной профессуры и возвращения к преподаванию и научной работе еще недавно репрессированных профессиональных историков дореволюционной выучки.

⁵ Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 198.

Новая управленческая элита, сформировавшаяся перед войной, состояла, как правило, из людей, получивших высшее техническое или военное образование уже в советских институтах, прошедших через ужас репрессий 1937-1938 гг. Им пришлось вынести на себе тяжесть управления промышленностью и государственным аппаратом в годы войны. Война со своими требованиями ослабила партийный контроль над номенклатурой. Достаточно отметить, что 10% всех генералов Красной Армии в 1944 г. не были членами ВКП(б)¹. Поэтому закономерно, что, пытаясь восстановить контроль над управленческой элитой, Сталин как глава номенклатурной вертикали власти обрушил репрессии на верхушку военных, руководителей промышленности, части партийного аппарата, интеллигенции.

Такое положение противоречило реально сложившемуся статусу номенклатуры как управленческо-бюрократического слоя, обладавшего к концу 1940-х - началу 1950-х гг. необходимым образованием, квалификацией, опытом организационно-управленческой деятельности, в том числе в сложнейших условиях войны.

Отмечу еще одно обстоятельство. В Конституции СССР 1936 г. в статье 4 была зафиксирована норма, сохранявшаяся до конца истории СССР: «Экономическую основу СССР составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства, утвердившиеся в результате ликвидации капиталистической системы хозяйства, отмены частной собственности на орудия и средства производства и уничтожения эксплуатации человека человеком». Как справедливо пишет Р. Пайпс, «упразднение частной собственности обеспечило прочность однопартийной системы»².

Корпоративность выражалась в номенклатурных связях – не только вертикальных – от назначающего к назначаемому, но и в изученных гораздо хуже горизонтальных связях и зависимостях, когда назначение на номенклатурную должность предполагало предварительное согласование с профильными министерствами, ведомствами, отраслевыми отделами ЦК и – в обязательном порядке – с ОГПУ, НКВД или КГБ, как бы не называлось это ведомство. Тот, кого утверждали вчера, на завтра сам мог стать звеном в системе назначения. Система замыкалась, превращалась в неправовой, но вполне эффективный институт, имевший собственные интересы. Эти интересы могли вступать в противоречие с позицией руководителей партии и государства.

Исключение из номенклатурного списка могло происходить либо из-за того, что поступки, действия, образ жизни чиновника вступали в противоречие с советскими юридическими и политическими нормами, либо вследствие политических решений, репрессий против части государственного аппарата. Репрес-

¹ «Мы располагаем самыми лучшими кадрами». Записки о послевоенном устройстве армии // Источник. 1996. С. 149.

² Пайпс Р. Собственность и свобода. М., 2001.

сии были главным механизмом регулирования состава номенклатуры со стороны руководителей государства¹.

Поэтому закономерным ответом номенклатуры стала поддержка «осуждения культа личности Сталина», прекращение и пересмотр результатов многих политических процессов конца 1930-х - начала 1950-х гг. Номенклатура поддержала первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева в его осуждении репрессий прошлого. Но та же номенклатура изгнала Хрущёва после его попыток радикально изменить состав номенклатуры, заменить министерства совнархозами, закрыть сельские райкомы партии, ограничить возможности переизбрания на должности в партийном аппарате.

Л.И. Брежнев стал своего рода символом победившей номенклатуры. Её лозунгом стал призыв «заботы о кадрах», означавший практическую несменяемость людей на высших звеньях номенклатурной лестницы.

1960-1970-е гг. в номенклатуру пришло ее третье поколение. Это в большинстве своем люди с хорошим образованием, включавшим, как правило, базовое высшее в одном из институтов или университетов и второе специализированное - в одном из высших учебных заведений КПСС.

Деятельность третьего поколения номенклатуры происходила в качественно иных социально-экономических условиях. Экономика страны с начала 70-х гг. оказалась в зависимости от всё возрастающего потока нефтяных денег, что, в свою очередь, создавало иллюзию благополучия и стабильности. Росла зависимость внутреннего потребительского рынка от экспортных поставок. Для наиболее дальновидной части чиновничества была ясна опасность зависимости от нефтяных цен.

Уже к концу 1970-х гг. кризисные явления в экономике стали очевидны. Принято указывать на то, что к 70-м гг. руководство СССР пропустило начавшуюся информационную революцию, те технологические вызовы, которые свидетельствовали о переходе к постиндустриальному обществу. Это верно. Но были и более ясные, очевидные для всех граждан страны признаки кризиса социалистической экономической системы.

Дефицит был родовым признаком плановой экономической системы с её социалистической собственностью, управляемой номенклатурой². Плановая экономика с ее декларативным отказом от рыночных отношений и установкой на распределение, неэффективной колхозно-совхозной системой и ясно выраженным приоритетом на производство продукции оборонного назначения порождала недовольство населения страны. Причины и поводы для недовольства были абсолютно конкретны и понятны. Это не могло не беспокоить и власть, ту

¹ «Чистки» в измененных формах, то ослабевая, то усиливаясь, продолжали оставаться неотъемлемой частью номенклатурного способа управления вплоть до 1980-х гг. – до времени управления Ю.В. Андропова и М.С. Горбачева.

² Подробнее см.: Осокина Е. Цена «большого скачка» Кризисы снабжения и потребления в годы первых пятилеток // Советское общество : возникновение, развитие, исторический финал. В 2-х тт. Т.1. М., 1997. С. 205-243; Дэвис Р.У., Хлевнюк О.В. Отмена карточной системы в СССР 1934-1935 гг. // Отечественная история. 1999. № 5; Попов В.П., Сталин и проблемы экономической политики после Отечественной войны. (1946-1953). М., 2002. С. 34-103.

же номенклатуру. Свердловский обком КПСС сообщал в ЦК и Совмин СССР в 1977 г.: «торговля мясом в области не производится. В продаже имеются колбасные изделия, ассортимент которых ограничен. В отдельных промышленных городах торговля ими производится с перебоями. ... Торговля молоком и маслом во многих городах области производится с перебоями, их не хватает на полный день. Практически отсутствует творог, крайне недостаточно молочно-кислых продуктов. Вместе с тем, выделенные фонды на 1978 год ниже фактического расхода 1977 года...»¹ В письме первого секретаря Свердловского обкома КПСС Б.Н. Ельцина на имя председателя Совета Министров М.С. Соломенцева от 14 ноября 1978 г. общалось, что «за последние два года реализация кожаной обуви в области сократилась на 3,9%. Сократилась также реализация одежды и белья, бельевого трикотажа, чулочно-носочных изделий, мыла хозяйственного, легковых автомобилей, кондитерских изделий, рыбы... От населения области поступают справедливые нарекания на отсутствие в продаже предметов женского туалета, постельного и детского белья из хлопчатобумажной ткани и ряда других изделий массового спроса»². Подобная ситуация была характерна для всей страны.

Незаконнорожденным ребенком дефицита и «общенародной собственности» стало развитие теневой экономики в её различных формах – от перепродажи дефицита, поступавших в магазины, не через прилавки, а на рынках, скупки товаров у моряков заграничного плавания, у иностранцев, посещавших СССР, с последующей реализацией по ценам, которые были намного выше.

Складывалась целая нелегальная система, когда за границу уходили советский алкоголь, механические часы, фотоаппараты, а взамен везли отсутствующий в стране ширпотреб – от пластиковых пакетов с фирменными эмблемами до видеомэгагнитофонов. Высшей ступенью этой теневой экономики были так называемые цеховики – организаторы производства дефицитных товаров. По сути, они обеспечивали потребность части населения в модной одежде, обуви, предметах ширпотреба, запчастей для автомобилей³.

Цеховики – это люди, которые смогли найти сырье, организовать производство, раздобыть оборудование, наладить сбыт произведенной продукции. Это требовало незаурядных организаторских качеств. Соответственно и оценивалась их деятельность со стороны власти. Цеховиков судили, как правило, по статье 93, 1 Уголовного кодекса РСФСР – «Хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах», предусматривавшей лишение свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с конфискацией имущества, а в случае признания виновного особо опасным рецидивистом, что было связано с нарушением правил о валютных операциях (статья 88), хищением го-

¹ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 89. Д. 212. Л. 81.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 92. Д. 110. Л. 68.

³ Нилов А. Цеховики. Рождение теневой экономики. Записки подпольного миллионера. СПб, 2006.

сударственного или общественного имущества в крупных размерах (статьи 89, часть третья; 90, часть третья; 92, часть третья; 93, часть третья) или в особо крупных размерах (статья 93.1) – то и к смертной казни¹.

Однако вопреки жестоким репрессиям теневая экономика продолжала существовать, притягивая к себе внимание не только правоохранительных органов, но и преступный мир, который мог практически безнаказанно грабить цеховиков, боявшихся государственной власти едва ли не больше бандитов. Вокруг цеховиков складывалось непрочное сопровождение из государственных служащих разного ранга².

Новое поколение номенклатуры составляли люди, в большинстве своём с успешным производственным прошлым, поездившие и повидавшие жизнь за границей. Будучи в большинстве своем прагматиками, они исправно повторяли коммунистические лозунги, но хорошо видели реальные проблемы страны. В.И. Воротников, партийный чиновник, сделавший карьеру при Андропове и Горбачеве, писал в своих мемуарах, что «многих, в том числе и нас, членов ЦК, руководителей ряда областей и министерств, поражало равнодушие и бездеятельность высших партийных и государственных структур, видевших и молчаливо взиравших, как страна теряет темпы развития».

К этому следует добавить раздражение номенклатуры на то, что привилегии, принадлежавшие ей по должности, стремительно обесценивались. Служебная машина, служебная дача – внешние символы принадлежности в высшему слою страны – исчезали вместе с утратой места в номенклатуре. Даже успешный чиновник, ушедший на пенсию, терял многое из прежних привилегий. Тем более, нельзя было передать эти привилегии, свой статус по наследству. Иметь же свою машину или собственную дачу «не рекомендовалось».

На заседании Политбюро 31 мая 1983 г. Ю.В. Андропов, Генеральный секретарь ЦК КПСС поставил вопрос: “о строительстве дач для руководящих работников”³. “Мне хотелось бы спросить у вас, товарищи, *будем ли мы обростать дачами?* (курсив наш. Авт). У меня есть данные, что, например, что Байбаков⁴ построил себе дачу 120 кв.м и продал ее теперь Талызину⁵ за 32 тыс. рублей. Одновременно сын и дочь Байбакова получили участки и, видимо, тоже собираются с помощью папы строить себе дачи. Это, товарищи, непорядок, и, с моей точки зрения, злоупотребление служебным положением”. Выступавшие следом за генсеком «молодые» члены Политбюро Г.А. Алиев, В.И. Воротников,

¹ См. Закон РСФСР от 25.07.1962 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР»

² Замечу – далеко не всегда эти связи объяснялись коррупционной заинтересованностью. Иногда они порождались элементарной производственной необходимостью, решение которой обычными путями было крайне затруднено, а иногда и невозможно.

³ Рабочая запись заседания Политбюро. 1983, 31 мая, с. 13-14 // АП РФ.

⁴ Н.К. Байбаков тогда – заместитель Председателя Совмина СССР, председатель Госплана СССР.

⁵ Н.В. Талызин тогда – заместитель Председателя Совмина СССР, представитель СССР в Совете экономической взаимопомощи.

М.С. Горбачев настаивали на том, чтобы «не обрастать». “Старики” были осторожнее. Тихонов, Романов, Гришин ссылались на то, что есть нормативная база для строительства дач на кооперативных началах. Андропов настаивал: “Нет, товарищи, я считаю, что надо начинать с себя... Вопрос ставится в принципе, надо ли нам обрастать дачами?”

Можно было управлять экономикой страны, представлять её в мире – но нельзя иметь своё, то, что можно передать детям и внукам по наследству.

При Андропове была начата, продолженная позже К.У. Черненко и М.С. Горбачеве кампания борьбы со злоупотреблениями и коррупцией в сфере торговли.

Для этой цели 150 опытных сотрудников КГБ были направлены на работу в МВД СССР. Были выявлены крупнейшие злоупотребления в сфере торговли. Тогдашний начальник управления по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией в московской милиции, бывший офицер контрразведки КГБ, вспоминает: “беззаконие исходило из партийных структур. ... В тех подразделениях органов МВД, сотрудники которых отправляли людей в лагерь за обвес стоимостью в сорок копеек, ... а ... крупные дельцы, незаконно наживавшие сотни тысяч и даже миллионы рублей, оставались на свободе”¹. А.Н. Стерлигов свидетельствует: деятельность по расследованию злоупотреблений в торговле вызывала недовольство значительной части партийной элиты. Расследования стали “контролируемыми”. Острие этой операции было направлено на установление связи между крупными чиновниками и руководителями торговли. Но машина следствия затягивала внутрь главным образом торговцев.

Был арестован, отдан под суд и расстрелян Н.П. Трегубов – начальник Главного управления торговли Мосгорисполкома, органы КГБ заключили под стражу еще 25 ответственных работников московского Главторга и директоров крупнейших универмагов и гастрономов, включая Б. С. Тверитинова, директора гастронома при ГУМе, директора “Елисейского гастронома” и многих других. В ходе расследования было установлено, что каждый магазин должен был выплачивать дань в районное управление торговли, районные управления платили дань в Главное управление торговли Мосгорисполкома. Оттуда деньги шли на подкуп чиновников министерств и ведомств, вплоть до МВД².

Эти процессы стали едва ли не последними в цепи репрессий против номенклатуры, Уже не политические обвинения, а обвинения уголовные, обвинения в присвоении собственности были поставлены в вину чиновникам³

Середина 80-х гг. стала рубежом в истории страны, судьбе номенклатуры, в возрождении института собственности.

¹ Стерлигов А. Опальный генерал свидетельствует. Канцелярия предательства. М., 1992. С.5

² Гуров В. Красная мафия. М., 1995. С. 60

³ В этом же ряду оказалось так называемое «хлопковое дело», ряд процессов против заместителей министров, связанных с внешней торговлей, которые велись при Черненко и Горбачеве.

Радикальные реформы от хорошей жизни не проводят. К середине 80-х гг. сошлись воедино крайне неблагоприятные факторы. Нефтяные цены рухнули, вместе с неудачами в проведении антиалкогольной кампании рухнул бюджет страны, за полтора года развеялись надежды на ускорение экономического развития, похоронив и программу преимущественного развития машиностроения, и государственную приёмку, и изменения в системе государственного управления¹. В период с 1985 по 1989 гг. отрицательный баланс вырос от 7,8 до 25,1 млрд. долл. Об “обвале” бюджета свидетельствовали подсчеты экономистов Аппарата Президента СССР, представленные М. Горбачеву в июне 1991 г.

Росла внешняя задолженность СССР, о чем свидетельствовали статистические данные, представленные президенту СССР. (См. табл. 1).

Табл. 1

Задолженности и платежи СССР в свободно конвертируемой валюте за погашение кредитов (в млрд. долларов США)²

Год	Задолженность	Платежи в погашение кредитов	
		Всего	В том числе по долгосрочным кредитам
1985	27,2	7,5	0,8
1986	39,4	15,9	0,9
1987	38,8	19,2	0,9
1988	40,8	20,0	0,8
1989	46,3	21,5	0,8
1990	57,6	11,8	0,7
1991	52,2	14,8	1,0

Чрезвычайная ситуация требовала принятия чрезвычайных мер. Ими стали, во-первых, радикальная реформа номенклатуры, выразившаяся в решении январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС о введении альтернативных выборов в партийные и советские органы, а следом за этим – и создание Съезда народных депутатов на уровне Союза ССР и союзных республик. Эта реформа разрушала главное в номенклатуре – принцип назначаемости. Необходимость идти на выборы с их плохо предсказуемым результатом убивали номенклатурную ста-

¹ Подробнее см.: Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: Дело, 2005. 656 с.; Пихоя Р.Г. Советской Союз: история власти. 1945-1991. Новосибирск, 2000. С. 408-450.

² Пихоя Р.Г. Советский Союз... С. 453.

бильность. Номенклатура в её различных проявлениях теряла прежде гарантированные властью права и привилегии, сохраняя, хотя бы на некоторое время, возможности управления народным хозяйством страны.

Во-вторых, провал программы ускорения развития экономики и обострение экономических проблем страны вынуждало власть отступить к основополагающим принципам тотального планирования, заставляло допустить элементы рыночной экономики внутрь самого социалистического предприятия.

Эти экономические решения отличаются несомненной логичностью и взаимосвязанностью, хотя непосредственная связь между ними никогда не декларировалась.

Прежде всего, следует указать на принятие 30 июня 1987 года закона СССР «О государственном предприятии (объединении)». Под густым соусом рассуждений о «достижении высшей цели общественного производства при социализме – наиболее полного удовлетворения растущих материальных и духовных потребностей людей» скрывались новые, радикальные изменения в экономической жизни страны. Устанавливалось, что «предприятие действует на принципах полного хозяйственного расчета и самофинансирования». Невероятным для социалистической реальности СССР звучала норма закона, согласно которой «Предприятие как самостоятельный товаропроизводитель может выступать на рынке ценных бумаг и выпускать для мобилизации дополнительных финансовых ресурсов акции, осуществлять целевые займы». Замечу, что к этому времени не существовало ни одного правового акта, устанавливавшего и регулировавшего рынок ценных бумаг.

Предприятие получило право «продавать, обменивать, сдавать в аренду, предоставлять бесплатно во временное пользование либо займы здания, сооружения, оборудование, транспортные средства, инвентарь, сырье и другие материальные ценности», то есть заниматься той деятельностью, которая была прежде уголовно наказуема. Предприятие получило право «использовать на собственные нужды, реализовывать другим предприятиям, организациям и населению или обменивать с другими предприятиями продукцию при условии выполнения договорных обязательств», приобретать «без лимитов (фондов) материальные ресурсы в соответствии со своими заказами на основе договоров, заключаемых с предприятиями и другими органами материально - технического снабжения или с изготовителями продукции». Прежде подобная деятельность должна была быть квалифицирована как преступление, как пособничество деятельности цеховиков. Предприятию разрешалось создавать собственную сеть реализации продукции «по прямым безлимитным заказам». Это тоже было прежде запрещено.

Закон вводил поистине революционную норму – фактическую отмену государственной монополии внешней торговли. Предприятиям было разрешено заниматься внешнеэкономической деятельности «на основе валютной самокупаемости и самофинансирования», вести экспортно-импортные операции «создавая при необходимости хозрасчетные внешнеторговые фирмы или поручая ведение таких операций другим внешнеторговым организациям на договорной

основе». Разрешалось иметь валютные счета, получать «кредит в иностранной валюте для создания и развития экспортных производств с условием погашения кредита за счет валютной выручки от экспорта продукции».

Но закон шел гораздо дальше. Он разрешал образовывать на предприятии структурные единицы, действующие на хозрасчетных началах. «Структурная единица может иметь отдельный баланс и счета в учреждениях банков». Обратим особое внимание на это положение. К нему я вернусь ниже.

То, о чем и мечтать не могли цеховики, свершилось в рамках законодательства «О государственном предприятии (объединении)». Та деятельность, за которую прежде судили, сажали в лагеря, а то и расстреливали, теперь разрешалась.

Но дальше возникает важный вопрос – а оставалось ли это предприятие государственным?

Судя по заголовку закона – да, если смотреть на содержание закона – то предприятие принадлежит трудовому коллективу, но на практике значительно усиливалась роль его руководителей, получившим возможность уходить от государственного контроля. Директора предприятий не только выводились из номенклатуры (их утверждали не партийные органы, а собрание трудового коллектива), но и становились независимыми и богатыми(!) людьми. Предприятия и, соответственно, их директора, получают возможность заниматься внешнеэкономической деятельностью. 25 декабря 1986 г. на Политбюро было принято решение о порядке создания совместных предприятий с участием советских и иностранных организаций, фирм и органов управления.

Этот закон давал возможность преобразовывать и министерства в государственные корпорации, которые получали в собственность то имущество, которым они прежде управляли. Форма государственной корпорации оказывалась лишь начальной переходной формой к преобразованию в акционерное общество. Этим путем шли крупнейшие промышленные министерства страны. Первым стало Министерство газовой промышленности СССР. В.С. Черномырдин, в 1989 г. – министр газовой промышленности, вспоминал: «Вошли в правительство с предложением, чтобы нам дали возможность уйти из государственной министерской структуры и перейти напрямую – в хозяйственную. *То есть такую вот мощную министерскую структуру перевести на систему работы по закону о предприятии. А в СССР как раз приняли закон о предприятии*» (курсив, – Р.П.)¹.

Новая структура, согласно уставу Газпрома, получила права:

- «осуществлять экспортно-импортные операции;
- участвовать в проектировании, строительстве и эксплуатации объектов газовой промышленности за рубежом на условиях генподряда и технического содействия;

¹ Цит. по:

http://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%98%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F_%D0%93%D0%B0%D0%B7%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BC%D0%B0

– осуществлять научно - техническое сотрудничество с зарубежными странами в целях эффективного решения проблем развития газовой промышленности страны;

– привлекать к сооружению объектов газовой промышленности как на территории СССР, так и за рубежом иностранные организации и фирмы;

– создавать на территории СССР и за рубежом совместные с иностранными партнерами предприятия и фирмы, привлекать иностранные фирмы для оказания услуг по заключению и исполнению внешнеэкономических сделок (контрактов);

– создавать за рубежом технические и технико - коммерческие центры (бюро), представительства, ремонтные и сервисные организации, базы и склады;

– командировать специалистов в социалистические, капиталистические и развивающиеся страны»¹.

Опыт Газпрома оказался, с точки зрения союзных министров, вполне успешным. Поэтому Верховный Совет СССР 1 апреля 1991 г. принял постановление, по которому Кабинету Министров СССР предписывалось «провести в течение 1991-1992 годов работу по организации государственных корпораций ..., других структур рыночного типа на базе действующих государственных органов и организаций»².

Диагноз сложившейся ситуации в экономике страны был поставлен на заседании Президиума Верховного Совета РСФСР 25 сентября 1990 г., когда вице-премьер по промышленности Ю. Скоков объявил руководству Верховного Совета, что процесс акционирования, осуществляемый руководителями союзных ведомств, «министерская приватизация» по существу выводит промышленность из-под российского контроля. Для примера Скоков рассказал о взаимоотношениях с министром черной металлургии Колпаковым:

«Мы к несучем со своим суверенитетом, а он говорит: извини, но я еще в прошлом году стал владельцем этой собственности и правопреемником государственной собственности. Колпаков стал Круппом. Теперь он создает 10-15 концернов, оставляет маленькую структуру управления. Это президентское правление в сталелитейном комплексе»³.

Вторым шагом на пути радикальных реформ шло появление кооперативов. 5 февраля 1987 г. Совет Министров СССР издал постановление «О создании кооперативов по производству товаров народного потребления». 26 мая

¹ Постановление Совмина СССР от 18.11.1989 № 1011 «Об утверждении Устава Государственного газового концерна "Газпром». URL: <http://www.bestpravo.ru/sssrf/gnpormy/j4a.htm>

² Важной вехой на пути создания новых собственников в СССР стало принятие Советом Министров СССР Постановлением от 15 октября 1988 г. № 1195 "О выпуске предприятиями и организациями ценных бумаг".

³ Там же. Л. 44.

1988 г. был принят Закон "О кооперации в СССР". Под лозунгами «развития ленинских идей о кооперации применительно к современному этапу строительства социализма в СССР» закон фактически восстанавливал права частной собственности, замаскированной в обличье «кооперативной формы собственности».

Закон гласил, что «Кооперативы могут создаваться и действовать в сельском хозяйстве, в промышленности, строительстве, на транспорте, в торговле и общественном питании, в сфере платных услуг и других отраслях производства и социально-культурной жизни».

Эта норма закона прямо сопрягалась с процитированным выше положением Закона «О государственном предприятии (объединении)», разрешавшим образовывать на предприятии структурные единицы, действующие на хозрасчетных началах. После появления Закона «О кооперации» эти отдельные структурные единицы могли преобразовываться в кооперативы со своим балансом и счетом в банках. От предприятия отпочковывались заключительные звенья производства, те, где создавалась готовая продукция. Так были сделаны первые шаги начинавшегося процесса приватизации промышленности.

Кооперативам представлялось право ведения внешнеэкономической деятельности. Закон устанавливал: «Кооперативы и их союзы (объединения) активно участвуют во внешнеэкономической деятельности, способствуют укреплению экономики страны, повышению ее международного авторитета, накоплению валютных ресурсов...» предоставлено право непосредственного осуществления экспортно-импортных операций. При этом кооператив может экспортировать производимую им продукцию (работы, услуги), в том числе созданную в результате совместной деятельности с другими кооперативами и предприятиями, а союзы (объединения) – также продукцию, производимую входящими в их состав кооперативами. Кооперативам разрешалось вести экспортно-импортные операции, заниматься приграничной торговлей.

Но особенно важное значение для судеб страны имело положение статьи 23, пункт 5 Закона «О кооперации», согласно которой «Союзы (объединения) кооперативов имеют право создавать хозрасчетные отраслевые или территориальные кооперативные банки. ... По договору с кооперативом или союзом (объединением), выпускающим ценные бумаги (акции), банк может взять на себя функции по осуществлению операций, связанных с их продажей, возвратом и выплатой доходов на эти ценные бумаги (акции)».

Появление коммерческих банков стремительно изменило финансовую ситуацию в стране. Накануне перестройки в СССР было три банка – Госбанк, Стройбанк и Внешторгбанк. Затем банковская система была реформирована. Появилось 6 банков – Госбанк СССР, Внешэкономбанк, Агропромбанк, Промстройбанк, Жилсоцбанк, Сбербанк. Прежние банки не вели, по крайней мере в самой стране, экономической деятельности, при которой сами деньги бы выступали как товар. Банки распределяли средства в соответствии с указанием государственных органов. Деньги у промышленных предприятий для этой были. Но существовала другая сложность: в каждом учреждении в СССР распределялись по статьям – устанавливался лимит на фонд заработной платы, отдельно –

на капитальный ремонт и строительство (с«лимитом подряда»), отдельно – на текущие ремонты, приобретение мебели, оборудования, существовали деньги «с валютным покрытием», с распределением по группам валют – от социалистических стран до твердых валют. Государственная банковская система и многочисленные проверяющие бдительно следили и жестоко пресекали несанкционированный переток денег с одной статьи – на другую.

С появлением коммерческих банков всё изменилось. Предприятия и преобразованные в концерны министерства получили возможность переводить свои деньги в коммерческие банки. Их число стремительно росло. Если на 1 января 1989 г. их было 41; на 1 июля 1989 г. – 143, в том числе 54 – кооперативные, то к середине 1991 г. их стало более 1,5 тыс.¹ Первым был банк «Союз» из казахстанского Чимкента, 26 августа – ленинградский банк «Патент», третьим – Московский кооперативный банк, четвертым – «Кредит-Москва». Под номером 12 – Инкомбанк, 13 – АвтоВАЗбанк, 16 – Автобанк, 20 – банк «Аэрофлот», 25 – Менатеп². Все сколько-нибудь крупные предприятия и ведомства создавали свои банки. Предприятия, финансировавшиеся из государственного бюджета, переводили часть средств в новые коммерческие банки. Оттуда они уже приходили «отмытыми» от финансовой классификации. Предприятия, занимаясь самым настоящим кредитованием коммерческих банков, в ту пору меньше всего заботились о получении с этих банков процентов по вкладам. Для них важно было сохранить средства и использовать их по своему усмотрению. Зато коммерческие банки, кредитуя нарождавшиеся кооперативные коммерческие структуры, уже требовали от заемщиков проценты по займам.

Обналичка – превращение безналичных денег в полновесные наличные стала источником доходов для коммерческих банков. За обналичку коммерческие банки получали 10-12%³, впрочем, по мере численности банков и конкуренции между ними эта прибыль сократилась до 2-3 %%. Позже таким источником доходов стали операции по покупке и продаже валюты.

Деньги превращались из средства расчета в товар. Показательна в этом смысле цена кредитов, предоставляемых государственными банками. В 1990 г. кредиты выдавались под 1%, в 1991 г. – до 15%. Агропромбанк довел кредиты до 20-24%, в том числе и по ранее взятым кредитам³.

Создание коммерческих банков стало качественно новым явлением, отрицавшим старую, планомерно-распределительную финансовую систему. Одновременно с этим шло разрушение другой составляющей советской финансовой системы – ее централизма. Возникли республиканские банки в союзных республиках, позже – в автономиях, которые не без успеха пытались проводить политику, независимую от Центробанка СССР.

¹ Кирсанов Р.Г. Перестройка. «Новое мышление» в банковской системе СССР. М., 2011. С. 231.

² Бергер М. Первые банки, или происхождение денег // Известия. 1995, 11 апреля.

³ Там же. С. 14.

Был пересмотрен прежний Закон «О государственном предприятии (объединении)». Его сменил Закон СССР "О предприятиях в СССР" 1990 г., который предоставлял больше прав собственникам предприятия (государству или коллективным собственникам). Втихаря, без обсуждения в Верховном Совете СССР, Постановлением Совета Министров РСФСР от 25 декабря 1990 г. было принято «Положение об акционерных обществах».

Все это имело свои социальные следствия. Прежняя номенклатурная вертикаль рушилась на глазах. Сам Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев, возмущаясь неэффективностью деятельности партийного аппарата, возмущался на заседании Политбюро отказом чиновника газифицировать стационарный поселок в Сибири: «И что услышали в ответ? Пусть Политбюро и газифицирует. Слушайте, а мы такого бюрократа держим! ... Такие кадры нам не нужны. *Разрушить эту номенклатуру!* (курсив, – Р.П.) Развели бездельников, которые угождают только вышестоящим и совершенно глухи к людям»¹.

Горбачеву было невдомек, что решением политбюро, напечатанном в газете, газ не проводят, что требуются средства на большую и дорогостоящую работу, что эти деньги должны были быть заложены в бюджет, что, наконец, он, генеральный секретарь, как член Президиума Верховного Совета СССР несет ответственность за тот самый государственный бюджет, который обрек железнодорожный транспорт на такое положение, когда пристанционные поселки оказались в отчаянном положении, как и за то, кого и за что включали в номенклатуру.

8 сентября 1988 г. на заседании политбюро рассматривалась записка Горбачева “К вопросу о реорганизации партийного аппарата”. Обсуждение показало, что предстоящая реорганизация породит большие и сложные проблемы. По подсчетам Лигачева, “мы должны сократить где-то 700-800 тысяч человек. Только по областному, республиканскому, районному и городскому – 550 тысяч человек”. Это приводило к неуверенности в аппарате, к падению дисциплины чиновников, к местническим настроениям. “... Теперь относительно подбора кадров для будущего аппарата ЦК, – продолжал Горбачев. – Я прямо должен сказать, все-таки в значительной мере состав нынешнего аппарата не потянет”².

Реакция партийного аппарата на новации Горбачева была вполне адекватной. Его начали тихо ненавидеть, усматривая в деятельности генсека источник той нестабильности, которая была основным завоеванием аппарата с хрущевско-брежневских времен. Должности в партийно-государственном аппарате утрачивали свою привлекательность. Место председателя совета директоров банка оказывалась и доходнее, и спокойнее поста секретаря райкома КПСС.

В процесс номенклатурного обогащения втягивались и высшие звенья государственного аппарата, хотя официально никакой приватизации в СССР не происходило. Эти процессы лишь изредка становились предметом обсуждения общественностью (едва ли не единственный случай обсуждения в 1990 г. на III

¹ Рабочая запись заседаний Политбюро. 1988 г. Л. 370-371 // АП РФ.

² Рабочая запись заседания политбюро ЦК КПСС. 8 сентября 1988 г. Л. 158-211 // АП РФ.

Внеочередном Съезде народных депутатов СССР скандала с продажей через кооператив «Антей» дюжины новеньких танков. По мнению ряда депутатов, эту сделку курировал лично председатель Совмина СССР Н.И. Рыжков и его заместители). Но на практике шло стремительное обогащение части номенклатуры. Через кооперативы гнали за рубеж сырье – нефть, алюминий, алмазы, лес.

В авангарде приватизационных процессов оказался «резерв партии» – комсомол в лице его функционеров.

С 1987 г. решением Правительства и ЦК комсомола было разрешено создавать так называемые «научно-технические центры молодёжи». Центры могли заниматься хозяйственной деятельностью, они освобождались от налогов (!), имели право владеть имуществом, заниматься внешнеэкономической деятельностью. При центрах стали создаваться свои банки. «Комсомольская экономика» росла на закупке за рубежом остро дефицитных видеомагнитофонов, аудиоаппаратуры, компьютеров, принтеров, ксероксов. Из «комсомольцев-предпринимателей» выросла существенная часть современной бизнес-элиты страны.

В предпринимательскую деятельность включался и ЦК КПСС, располагавший громадной партийной собственностью и финансами. Через «комсомольские банки» партийные деньги проводились и вкладывались в предприятия в нашей стране и за границей.

ЦК КПСС торопился заключать коммерческие сделки, используя связи в странах Восточной Европе. Управление делами ЦК КПСС 16 февраля 1990 года обратилось в секретариат ЦК КПСС с предложениями проработать вопросы организации прибыльной производственной и хозяйственной деятельности предприятий и учреждений КПСС.

Управление делами просило: «для подготовки предложений по данному вопросу считали бы необходимым изучить также опыт, накопленный рядом коммунистических и рабочих партий. В частности, коммунистами Италии, Франции, Австрии, Греции и некоторых других стран эффективно используются разнообразные формы организации экономической деятельности. Эти партии имеют сеть собственных фирм и предприятий, доходы от которых идут на финансирование партийной работы».

20 апреля 1990 г. Управление делами запросило разрешение вложить деньги в приобретение 15% пакета акций Акционерного инновационного строительного банка в Будапеште. «Полагали бы целесообразным поручить Управлению делами и Международному отделу ЦК КПСС совместно с Внешэкономбанком СССР провести переговоры с венгерскими представителями на предмет возможного размещения в Будапештском банке средств КПСС».

Шли сотни, если не тысячи запросов из обкомов партии – разрешить акционировать санатории, издательства, гаражи, здания, принадлежащие обкомам.

Отдельная увлекательная тема – создание системы, в которой были задействованы специалисты-финансисты из КГБ, сотрудники внешнеэкономиче-

ских ведомств, сотрудники Управления делами ЦК КПСС, которые занимались созданием сети предприятий, банков, вложением средств в акции, финансированием «фирм друзей» по всей Европе для сохранения денег партии.

Люди из номенклатуры утратили зависимость от своего хозяина – аппарата ЦК. Да и сам аппарат ЦК торопился приобщиться к собственности. Прежняя идеология коммунизма с её отрицанием частной собственности рухнула, погибала внутри своей цитадели – аппарата партии. Уход из номенклатуры перестал быть трагедией, как было раньше. Наоборот. Должность председателя совета банков, акционера завода, владельца издательства была соблазнительнее работы зав. отделом обкома.

Новая собственность манила. Она требовала правовой защиты. Нечаянным образом эти устремления совпали с желанием большинства граждан страны иметь своё, избавиться от диктата коммунистической власти. Исторический круг замкнулся. Политический строй, отрицавший собственность, рухнул. Среди его могильщиков оказался тот «новый класс», номенклатура, которая благополучно превращалась в старый и хорошо известный – в класс капиталистов.

Поэтому и не нашлось защитников номенклатурных ценностей в августе 1991 г.

Коваленко В.И. Историческая память как категория политической науки: к осмыслению уроков революции 1917 года¹

Аннотация: В статье акцентируется внимание на значении исторической памяти, которая может и должна определяться как одна из системообразующих категорий современного политологического знания. В этом контексте выявляется логика революционного процесса в России 1917 года. Отмечается закономерная радикализация политических настроений в обществе, вскрывается несостоятельность трактовок революции с позиций конспирологических трактовок. Дается оценка правомерности обсуждающейся сегодня в обществе дилеммы «Февраль – Октябрь» и определяются иные узловые моменты политического противостояния в стране.

Ключевые слова: историческая память, Великая революция 1917 года, дилемма «Февраль – Октябрь».

Kovalenko V.P. Historical memory as a category of political science: to comprehend the lessons of the revolution 1917

Abstract. The article focuses on the importance of historical memory, which can and should be defined as one of the backbone of the modern categories of political science knowledge. In this context, it reveals the logic of the revolutionary process in Russia in 1917. There a regular political radicalization in the society, revealed the failure of the revolution from the standpoint of interpretations conspiratorial interpretations. The evaluation of

¹ **Коваленко Валерий Иванович**, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой российской политики факультета политологии «Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова», г. Москва; kovalenko1946@list.ru.

the legality of discussing today dilemmas in society "February - October" and defines certain key moments of political confrontation in the country.
Keywords: historical memory, the Great Revolution of 1917, the dilemma "February – October".

В рамках долгое время бытовавшей у нас аналитической парадигмы основания общественного развития связывались, прежде всего, с системой экономических отношений, характеристиками социальных связей и напряжений. Это верно и важно, но важно и другое, и это другое – состояние духовной сферы. Не случайны в наши дни столь жаркие споры о значимости интегративной идеологии, национальной идентичности, духовных ценностей, национального самосознания.

Национальное самосознание - это своеобразный стержень общества и народа, который оценивается по тому, существует ли в людях национальное чувство, есть ли интерес народа к себе, знает ли народ себя – свою историю, культуру, национальный менталитет, уважает ли народ себя, верит ли в себя, сохраняет ли свое достоинство, относится ли с уважением к другим народам, есть ли у народа ответственность за судьбу страны, есть ли национальная идея, сплачивающая народ воедино, существует ли в народе патриотической настрой. Все это в совокупности определяет отношение народа к самому себе.

А.С. Пушкин, пожалуй, ни на чем другом так не настаивал, как на уважении к прошлому: уважение к минувшему – вот что отличает образованность от дикости. Причем самое главное, как выделил эту мысль академик Н.Н.Моисеев в своей последней книге, уважать прошлое, каким бы трудным и горестным оно ни было.

История служит самопознанию нации, ее предназначение именно так определил известный английский историк и философ Р.Дж. Коллингвуд. История, неоднократно подчеркивал эту мысль и К. Ясперс, – основа, однажды заложенная, связь с которой мы сохраняем, если хотим не бесследно исчезнуть, а внести свой вклад в бытие человека; в истории существенно только одно – способность человека вспоминать, а тем самым и сохранять то, что было, как фактор грядущего. Историческая память тем самым выдвигается на одно из центральных мест в современном общественном сознании, а в политической науке вполне закономерно начинает претендовать на вхождение в число ее систематизирующих категорий.

Приближающийся юбилей революции 1917 года все это существенно актуализирует. Не нужно быть провидцем, чтобы заключить, что предстоящий период станет временем напряженного обсуждения ее уроков и следствий. Более того, как показала себя ситуация с осмыслением событий Великой Отечественной войны, в современной геополитической обстановке речь не ограничится анализом и оценкой сложных и неоднозначных событий Февраля и Октября, но будет старательно вписываться в русофобскую матрицу, нацеливаться на дискредитацию корневых оснований российской цивилизации в целом. Тем более, что в таких упражнениях недостатка на сегодня не наблюдается.

Еще в одной из работ середины девяностых годов автор настоящих строк встретился с таким пассажем: «Если характеризовать... российское общество как некую *гиперличность*, то сегодня можно достаточно уверенно говорить о следующих его чертах: *слабое физическое и психическое здоровье; низкий уровень профессионализма и трудолюбия; привычка к патернализму, необязательность и безответственность; деформированная система ценностей; мифологизированность сознания, агрессивность, привычка к образу врага; рудиментарное правосознание и вороватость; малокультурность, малообразованность с изрядной долей вандализма; неспособность к самопознанию и самоорганизации в своих интересах; деформированный генофонд; алкогольная зависимость*» [1, с. 68]. Эти тотальные качества русского народа, а значит – и субстанциональные черты России, как они трактовались в книге, выражаются в перманентном подавлении обществом интеллектуальных начал, в извечной охлократичности, в иррационализме и фанатизме, в отсутствии всякой потребности в демократии, в полной аморальности российского общества в целом. В прошлом – пустота: «*За всю историю своего существования Россия не родила ни одной личности масштаба Аристотеля, Эвклида, Леонардо де (так у автора – В.К.) Винчи, Ньютона, Декарта, Эйнштейна, Винера и такой список можно было бы продолжить*». Впереди – историческая обреченность, «*финишная прямая тотального саморазрушения*». И – следует общий вывод: «*Россия – не Восток и не Запад. Россия – урок Востоку и Западу*» [1, с. 93, 90].

Понятно, что юбилей революции 1917 года с ее трагическими изломами, тяжелейшими жертвами, братоубийственной войной будет множить подобные филиппики. С нашей стороны, мы можем только сказать одно: воспринимая всю неоднозначность, всю боль тогдашних событий, мы должны все-таки понимать, что это – трагедия шекспировского масштаба, а не пространство для упражнений откровенной смердяковщины. Перенесем, впрочем, наши рассуждения из моральной сферы в область академического анализа.

Как любое эпохальное событие Великая революция 1917 года в России, конечно же, не может не рождать многообразных дискуссий, столкновения полярных подчас мнений и оценок ее исторического значения. В центре этих дискуссий оказываются вопросы: Одна это революция или две? Является ли Октябрь попыткой нового цивилизационного прорыва или, напротив, это обвал в исторический тупик? В чем вообще историческое значение и смысл этой революции? На чем основывали свою логику большевики, искренне убежденные марксисты, идя на свершение пролетарской революции в стране, где, согласно всем канонам материнской доктрины и их собственным констатациям, материальные и культурные предпосылки утверждения социализма еще не сложились? И многое другое. Формат краткой по необходимости статьи позволяет нам остановиться только на двух взаимосвязанных вопросах.

Первый из них: был ли Октябрьский переворот воплощением некоей «демонологии истории», следствием беспринципного популизма большевиков и даже – в крайних своих выражениях – исполнения планов германского генштаба или он – закономерное (или, во всяком случае, ожидаемое) выражение логики

ки политического процесса в стране и мире, нацеленной на решение определившихся к тому моменту острейших политических и социальных противоречий?

В этой связи хотелось бы вспомнить классическую для «социологии революции» работу Крейна Бринтона «Анатомия революции» (1938). Исследовав особенности протекания четырех «больших» революций – английской, американской, французской и русской, автор пришел к выводу о принципиальной однотипности логики революционного процесса здесь. Речь, конечно же, не идет в данном случае о социальных задачах и целях, о главных политических силах и акторах, но только о закономерных стадиях всех этих революций. Это: сам революционный переворот – движение к диктатуре все более крайних левых – и, наконец, «термидор» (не как окончание революции, но как ее составная часть, ее вторая фаза). В контексте заявленной нами темы оставим в стороне соображения Бринтона о месте и значении «термидора» (весьма, впрочем, любопытные и перспективные для любого революциологического исследования) и выделим вехи, знаковые для характеристик политического процесса России в 1917 году.

Показательна в этом смысле эволюция составов Временного правительства. Если в первом (не коалиционном еще) его составе политиков левого толка не было (выделялся лишь А.Ф. Керенский – трудовик, с марта – эсер), то формирование трех его последующих составов было отмечено не только неуклонным вытеснением деятелей правого толка, но и существенным ослаблением позиций (вспомним судьбу кадетов) ее центристского крыла. Более того, в кризисные дни (июнь-июль 1917 г. в Петрограде, корниловское выступление и др.) правительство вообще удерживалось у власти только благодаря поддержке со стороны руководства центральных Советов. И, самое главное: если в феврале 1917 года большевики практически не играли никакой роли в свержении царизма и, скорее, на эту роль могли претендовать (наряду, конечно, с массовыми, стихийными, во многом, выступлениями рабочих) организации торгово-промышленной буржуазии, генералитет и, в определенной степени, иностранные посольства, то уже к июлю большевики стали обладать весом партии, претендующей на власть. После же разгрома корниловского мятежа их ведущая роль в революционном процессе вообще стала неоспоримой. Единственным воспринимавшимся лозунгом к октябрю был призыв к созданию «однородного социалистического правительства», то есть коалиции партий, но уже на совершенно иной (непредставимой в феврале) социально-политической основе. Вспомним, что первой серьезной угрозой для новой власти стал ультиматум Викжеля именно с этим требованием как главным. Последовал достаточно ощутимый для большевиков кризис советского правительства. Со стороны же правых политических сил в первые послеоктябрьские месяцы угроз сколь-нибудь сравнимого масштаба просто не возникало.

В чем причины краха «февральской альтернативы»? Казалось бы, страна получила передовую для того времени демократию, широкие (в ряде случаев, излишне широкие – распространение многих норм на действующую армию)

политические и гражданские свободы? При ответе на эти вопросы нужно, безусловно, иметь в виду целый комплекс причин. Пьер Бауст, французский философ, заметил как-то, что во время революционных бурь люди, едва годные для того, чтобы грести веслом, овладевают рулем. Вл. Максимов прекрасно описал эту ситуацию через раздумья Колчака в своем романе об адмирале¹. Но, безусловно, не мелкотравчатость политической элиты «февральской республики» (несоизмеримость, во всяком случае, их политической воли и политической воли Ленина) определяла главные пружины движения страны к Октябрю. Эти пружины определялись войной, истощавшей силы государства и в духовно мобилизующем измерении бездарно проигранной еще царизмом и затягиванием и даже очевидной неспособностью правительства решать социальные проблемы.

Для России, русского мужика (мы употребляем это слово отнюдь не в уничижительном его значении – это 80 процентов населения страны) всегда были предпочтительными социальные чаяния. Вопросы многопартийности, свободы организаций, парламентаризма волновали его в гораздо меньшей степени, если вообще волновали. Можно, конечно, развернуть эту констатацию в очередную иеремиаду относительно изначальной порочности отечественной политической традиции, сервизма как основы политической культуры России (подобных утверждений, к сожалению, в стране с избытком), непреложным и действительно значимым остается одно. Это земля. И свободный труд на ней.

Показательны в этом отношении названия народнических и неонароднических организаций: «Земля и воля», «Черный передел». И, с другой стороны, – «Ад» (как готовность для осуществления этих целей идти на крайне радикальные и даже террористические методы борьбы). Эсерами была разработана аграрная программа, но к ее реализации они не решились приступить даже в момент своего наибольшего политического влияния. И большевики, взяв эту программу на вооружение и дополнив ее требованиями демократического мира, эффективно расчистили политическое пространство в своей борьбе за власть. Остается, конечно, большой и сверхсерьезный вопрос о том, – мы это признаем, – как впоследствии большевики распорядились этой властью? Но вопрос это, все же, другой. И для другой статьи. Нам же сейчас важно подчеркнуть только, что политическая инициатива февральской политической элитой была утраче-

¹ «Трудно даже было представить, откуда, из каких незримых щелей, из какого подполья, из какой житейской трясины выявились на свет Божий все эти отставные телеграфисты, не кончавшие курса студенты, аптекарские ученики и сами аптекари, сельские фельдшеры, бывшие курсистки, гимназические учителя, неудачливые присяжные поверенные и их помощники, провинциальные журналисты и портные, возжелавшие любой ценой сделаться министрами, товарищами таковых или, на худой конец, хотя бы директорами департаментов... Наверное, в своей прошлой жизни все эти люди исправно служили или зарабатывали свой хлеб насущный каким-нибудь иным занятием... Жить бы и жить им так впредь и до скончания века, пробавляясь – между выпивкой, нехитрым флиртом и двумя «пульками» – разговорами о «сне золотом» и «небе в алмазах», если бы не февральская встряска, которая выбила их из привычной колеи, выбросив в самую гущу Великой Смуты, где за спиной у каждого из них вдруг загремел маршалский жезл, к несчастью, не находивший вокруг ровно никакого применения» [3, с. 36-37].

на, и вопрос о реализации идеалов Февраля уже не мог рассматриваться в своих реально-практических измерениях.

Мы, собственно, переводим рассуждения ко второму заявленному нами вопросу: а не является ли ложной сама эта дилемма: «Февраль» – «Октябрь», если, конечно, не иметь в виду сугубо теоретический срез этой проблемы? Так вот, мы склоняемся к ответу, что этой дилеммы не было. Точнее, она была наполнена определенным содержанием лишь до начала лета 1917 года. «Октябрь», образно говоря, начался уже в этот период – с раздела помещичьих земель, поджогов помещичьих усадеб, братания на фронте, глухого недовольства и прямых выступлений рабочих и солдат.

Реальная антибольшевистская альтернатива воплощалась уже не в духе «Февраля», а концентрировала себя на ином полюсе. Современные защитники «февральской республики», как это ни парадоксально, невольно для себя выстраивают логику своих рассуждений на постулатах сталинистской историографии. Именно в «Кратком курсе ВКП(б)» было утверждено: направление главного удара – меньшевики и эсеры. Так ли это было на самом деле и как оценивали действительную ситуацию большевики семнадцатого года, в том числе, и признанный лидер партии В.И. Ленин?

В статье «Русская революция и гражданская война», написанной после разгрома корниловского мятежа, Ленин прямо утверждал: «Если есть абсолютно бесспорный, абсолютно доказанный фактами урок революции, то только тот, что исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделали бы гражданскую войну в России невозможной» [2, с. 222]. Эсеров и меньшевиков он упрекал в другом: на страну надвигался голод, росла безработица. И это при наличии достаточных запасов хлеба, при растущих потребностях милитаризируемой военными обстоятельствами экономики. Не церетели или черновы лично повинны в этом, писал Ленин, но они виновны в том, что своим бездействием, своей неспособностью они не могут остановить надвигающуюся катастрофу, расчищая тем самым дорогу «российским Кавеньякам».

Оставим в стороне оценку внутренних убеждений и действий российского генералитета и офицерского корпуса, ставших позднее ядром Белого движения, О трагедии этого движения и личных судеб его участников написано много и еще больше будет написано – и это правильно. Зафиксируем только одно: в России уже к лету 1917 г. зримо обозначилась альтернатива правой диктатуры, утверждения во власти «партии порядка» в разрушающейся стране. Идея новой твердой власти, мысль о необходимости наделения диктаторскими полномочиями «сильного человека», которого нужно искать прежде всего в военных кругах открыто прозвучала ужена IX съезде кадетов и на 2-м Всероссийском торгово-промышленном съезде. На Государственном же совещании 12-15 августа (около 2,5 тысяч участников – представители торгово-промышленных кругов и банков, армии и флота, земств, профсоюзов, интеллигенции, депутаты Государственной Думы всех созывов, делегация ВЦИК и пр.) эта идея приобрела уже черты серьезной политической альтернативы Временному правительству.

И эти требования были услышаны: Лавр Корнилов 25 августа двинул войска на Петроград.

Другими словами, мы хотим подчеркнуть, что основные узлы натяжения в политической сфере завязывались уже не вокруг дилеммы «Февраль» - «Октябрь», но реализовали себя в плоскости левой или правой диктатуры. Или охлократии! – то есть разрушения всех скреп российской государственности.

Это наше утверждение мы можем подкрепить следующими соображениями. Гражданская война, которая, конечно же, должна рассматриваться как часть русской революции, как бы подкрепила, хотя и в изменившихся формах, логику политического процесса «февральской республики». Первое значимое сопротивление новой власти было оказано со стороны политических сил февральской формации. Сначала в мирных формах – Учредительное собрание, затем в вооруженном сопротивлении – Савинков, Комуч, Уфимская директория и прочее (мы говорим здесь только о внутренних очагах, опуская сложные, конечно же, перипетии, связанные с Брестским миром, начинающейся интервенцией – Архангельск и пр.). Да, серьезную тревогу у большевистской власти вызывало положение дел в казачьих областях, да, на антибольшевистской платформе стали консолидироваться национальные движения, но это не было выражением «кавеньяковской» альтернативы. Формирующуюся Корниловым Добровольческую армию не приняли казаки Дона, при переходе на Кубань ее вполне основательно трепали отряды полуанархической конницы Сорокина. Это был, скажем так, нарыв, но не основной нерв военно-политического противостояния.

И все же в историю, в историческую память гражданская война вошла как война между красными и белыми. В своей замечательной книге «В тупике» В. Вересаев, говоря о трагедии демократической интеллигенции, ее же словами говорил: выбор только один – большевики, либо добровольцы. Идеи наследники Февраля были растерты этими двумя жерновами. (Их внутренние возможности, впрочем, и всегда были достаточно эфемерными. Обозначил бы себя Комуч как значимая политическая сила без опоры на чехословацкий корпус? Вопрос, конечно же, риторический). Причем если большевики первоначально действовали в стиле: «Караул устал», то Колчак, разогнав Уфимскую директорию осенью восемнадцатого года, с самого начала продемонстрировал свое стойкое отвращение ко всяким сантиментам.

Таковы факты. И хотя эти факты нуждаются, конечно же, в своем внятном оценочном сопровождении и интерпретации, нужно все же отталкиваться от них, а не от неких умозрительных конструкций сослагательного толка. И еще: автор остановился только на двух сложных проблемах революционных событий 1917 года. Это не оценка «исторической правды» или «исторической неправды» противоборствующих сторон, на чем автор намерен подробно остановиться в последующих своих публикациях. Задачей же настоящей статьи была фиксация некоторых исходных оснований для дальнейшего предметного осмысления непростых, неоднозначных событий масштабного разлома российского бытия.

Впереди – столетие Великой русской революции. Дискуссия уже развернута, и это правильно. Нам нужно, наконец-то, определиться в отношении стержневых вех нашей истории, сложных и объемных. Хотелось бы вспомнить завет мыслителей эпохи Просвещения: «Неверно, что истина лежит между крайними точками зрения, между ними лежит проблема». И эту проблемы обязаны решать мы, решать выверено, ответственно и четко.

Литература

1. Куликов Л.В. Россия: прошлое, настоящее, перспективы. Очерк теории. М. 1995.
2. Ленин В.И. Русская революция и гражданская война // Полн. собр. соч. Т. 34.
3. Максимов Вл. Заглянуть в бездну. Париж; Нью-Йорк. Изд-во «Третья волна», 1986.

Бугай Н.Ф. Принудительные переселения – технология управления советским обществом, соотношение целей, использование мировой практики¹

Аннотация. В научном сообщении ставится цель обобщить применение принудительных переселений народов и граждан в Союзе ССР в 1940 – 1950-е гг. Рассмотреть одновременно механизм управления процессами в подобной обстановке. Выявить существующие разные точки зрения, оценки и их трактовку учеными. Обратиться к международному опыту проведения подобных мер, и каким образом он находит применение в Союзе ССР.

Ключевые слова: принудительное переселение, спецпереселенцы, механизм, процесс, опыт, Япония, Союз ССР, США

Bugay N.F. Forced relocation - control technology Soviet society, the ratio of goals, the use of international practice

Abstract. In scientific communication the aim is to generalize the use of forced relocations of peoples and citizens in the Soviet Union in the 1940–1950 at the same time to Consider a mechanism to manage the processes in such an environment. To identify the existing different points of view, evaluation and interpretation by scientists. To appeal to the international experience of carrying out such measures, and how it was used in the Soviet Union.

Keywords: forced resettlement, special immigrants, mechanism, process, experience, Japan, USSR, USA.

¹ **Бугай Николай Федорович**, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, г. Москва.

В 1990-е годы в советской исторической науке был совершен определенный переворот в формировании общества, совершенствовании разных сторон его жизни на принципах широкой демократии. Как обществу, так и науке, в том числе ее гуманитарного направления, пришлось претерпеть множество трансформаций¹. Тем не менее появилась возможность возвратиться к сложным проблемам, в том числе и исторической науки, в частности истории советского периода, над отдельными вопросами которой длительное время довлело «табу».

К одной из них можно причислить совершившееся принудительное переселение народов и, по определению социологов, отдельных когорт гражданского населения Союза ССР.

Доступ к архивам способствовал более глубокой и всесторонней разработке направления в целом, и особенно остро ощущалась в этом потребность в условиях обострения межэтнических отношений на Кавказе, Дальнем Востоке, в Поволжье, других регионах страны, в том числе и в условиях принудительного переселения народов из названных регионов. Требовался ответ на многие вопросы состояния в прошлом национальной политики в государстве.

Прежде чем отвечать на вопросы современного обустройства народов важно знать, как было устроено советское пространство с учетом временного и внутритерриториального факторов. В чем суть социального аспекта проблемы наполнения технологии управления: пространство, территория, границы, время, общество, титульные народы и этнические меньшинства? Интересно и то, каким образом *прошлое, детерминируется (определяются) в структуре современной политики, событийного ряда*. Например, по таким векторам, как «территория – границы», «этнические общности в рамках территорий, своеобразных клеток, составляющих единое целое – государственность»; процесс, в который они вовлекаются, в том числе и в условиях принудительных переселений, начиная с 1920-х годов, формирование управления развитием пространства и др.

Важно знать направленность межэтнического взаимодействия как составляющей генезиса российской государственности, социокультурного и конфессионального аспектов политических трансформаций, а также влияние демократизации общественной жизни на трансформацию политического поля России. В основе этих положений, несомненно, одну из влиятельных позиций занимает *территориальный фактор*. Его учет необходим в процессе выработки той самой технологии, свободной от влияния политической идеологии Концепции территории на разных этапах существования государственности. В дополнение к этому важен учет взаимозависимости механизмов властно-политического и правового регулирования в обустройстве жизни народов, решение территориальных споров, претензий, эволюция влияния органов государственной власти

¹ Общественные трансформации – взаимно стимулирующие изменения моделей социального действия, с одной стороны, и функционирования социальных институтов, связанного с намеренным, целенаправленным воздействием номинальных установлений (формальные нормы, процедуры и правила) – с другой.

и общественных институтов в условиях постоянного изменения вектора развития российского социума.

В связи с этим очень важно наряду с социумом и представление об иных определениях человеческого бытия. В природе, среди известных, к которым очень часто обращаемся – это адаптация и интеграция, однако зачастую опускаются самые суровые его определители, чем адаптация и интеграция в новый социум, *пространство и время*. Они раскрывают понятие хронотопа (греч.), введенного в обращение еще физиологом А.А. Ухтомским, и примененное в гуманитарной сфере советским философом М.М. Бахтиным [2]. По их мнению, эти задачи человечество решает в своей истории, а человек – в своей жизни.

Понятие включает также установленный порядок и связи. Однако на практике направленность этих категорий может быть продиктована и навязана принудительным путем. Именно таким оказался жизненный сценарий для многих этнических общностей в Союзе ССР. Им пришлось принудительным порядком испытать на себе те самые суровые определители человеческого бытия.

Анализ территориального фактора, взаимодействия обществ на той или иной территории с учетом его позволяет сделать вывод об особенностях сочетаний советского пространства – универсальность власти, определявшаяся ее персонифицированным принципом по всем направлениям хозяйственного и духовного развития общества, и пространственными (территориальными) структурами – объединенных в общество – государство. В этом направлении важно определение, выявление таких понятий как территориальный фактор, граница территорий, социальные конфликты, межэтнические отношения, воспитание культуры межэтнического общения, взаимовосприятие, межэтнические противоречия, применение карательных функций, последствия. Все это было присуще и имело свои особенности применительно к каждой этнической общности.

Надо согласиться с той точкой зрения, согласно которой советское пространство со своей фрагментированностью отличается чрезвычайно высокой ролью рубежей, барьеров, границ как внешних, так и внутренних, оказывающих влияние на формирование отношений, и политику, и взаимодействие субъектов. Можно констатировать, что это и есть основные ингредиенты составляющей технологии управления советским обществом, в том числе и применительно переселяемых народов.

Специально в выступлении не делается упор на понятие «депортация». Историки-правовики полагают, что своим содержанием и направленностью условий применение этого термина для СССР неприемлемо. По их мнению, он не отражает действительного положения дел. Но надо, признать, что во второй половине 1990-х годов, когда в реальности появилась возможность обратиться к этой постоянно запретной проблеме, в частности к депортации, то, конечно же, все без особого осмысления, пользовались этим понятием. Оно было легко доступным, лежало на поверхности, и что имело отражение в энциклопедических изданиях, словарях.

На эту неточность в российской историографии впервые обратила внимание, представив аргументированное толкование, исследователь проблемы ад-

министративно-правового состояния российских немцев на спецпоселении (1941-1955 гг.), д. ю. н. Л.П. Белковец (Новосибирск). Положение этнических общностей, подвергшихся специальному административно-правовому режиму, считает она, «предусматривало некоторое ограничение их прав (главным образом на свободу передвижения за пределы территории расселения), но они не были лишены права на жизнь, права голоса (участвовали в выборах в Верховный Совет СССР 1946 г.) и т.д.» [1, с. 9-10]. Депортация полагает Белковец, режим спецпоселения, *не являются «тягчайшим преступлением сталинского тоталитаризма»*. Правда, и за рубежом, и у нас, в России, квалифицируется как преступление геноцида.

Задача органов НКВД – МВД СССР, по мнению Л.П. Белковец, была прозрачной, «они следили за умонастроениями спецпоселенцев и выкорчевывали из их среды антисоветские настроения» [9]. В данном случае вряд ли можно не согласиться с такой постановкой вопроса Л. Белковец. Это и есть право любого государства, СССР не был исключением, на поддержание стабильности в тылу, в глубоком тылу, и особенно в период ведения войны, любой другой экстремальной обстановки. Не следует забывать о том, что государство – это цельный, единый территориально, экономически тесно связанный между собой организм.

Безусловно, и предлагаемая точка зрения Л. Белковец имеет право на жизнь, она может служить основой для дискуссий историков и правоведов. Она всецело содействует раскрытию, пониманию технологии управления советским обществом, акцентирую, именно управления. Вопрос о регулировании отношений в конкретном случае к тому времени отпадает.

Более глубокое изучение темы позволяет согласиться с автором и внести некоторые коррективы, в том числе и в собственные разработки этой проблемы. Ведь на практике надо прежде всего исходить из тех основополагающих нормативно-правовых актов, свидетельствующих о том, что сам процесс отличался идентичностью государственной и территориальной. Он протекал на едином территориальном пространстве, в едином правовом поле, с равными для всех проводимыми акциями со стороны государства, хотя они, безусловно, и носили деструктивный характер, но обуславливались временной чрезвычайной обстановкой в государстве.

Вряд ли будет правильным утверждение и того, чтобы ставить знак равенства между контингентом принудительно переселявшегося в 1940 – 1953 гг. населения с контингентом жертв политических репрессий. Социальная природа их различная, как и причины проявлений. Отсюда и различные технологии, и механизмы реализации намеченных разного характера мер.

Эта мера в государстве по отношению к принудительно переселявшимся гражданам также не носила столь карательный характер, как это пытаются представить некоторые исследователи в условиях современности. Взаимоотношения по вектору «народы и власть» рассматривались и в 1940-е годы, когда выстроилась определенная законодательная система в обществе применительно к этой проблеме. Конечно, она имела несколько спонтанный характер, но тем не менее была реальной. Режим проживания, появившихся в обществе спецпе-

реселенцев, также регулировался нормативно-правовыми документами, примером чему служит и такой из них, как «Положение о спецкомендатуре» от 8 января 1945 г., где был прописан регламент проживания, а также другие документы той поры.

Одним словом, в данном случае трудно что-либо возразить, так как существует уже глубокая доказательная база. Создаваемые трудности, конечно же, основывались в большей мере на субъективном факторе, сказывался уровень подготовленности того контингента военачальников, органов госбезопасности СССР, служащих органов НКВД СССР, его местного разветвленного аппарата власти, отношением к народам (конативный фактор).

Тем не менее, начиная с середины 1930-х годов, были отправлены в принудительном порядке в ссылку около 3,5 млн советских граждан, принадлежавших к разным этническим общностям. В условиях предвоенной обстановки при проведении военных операций зачищались пограничные зоны на западе и северо-западе СССР, на южных границах. До начала войны 1941–1945 гг. переселению подвергались поляки, немцы, финны-ингерманландцы, финны, иранцы, курды, цыгане, корейцы.

В последующем, в связи с разворачиванием военных действий непосредственно на территории Союза ССР, эта мера получает широкое распространение. В этот процесс вовлекались все новые и новые народы и группы населения. Накануне войны 1941-1945 гг. эта мера вновь коснулась немцев и поляков. А с 1942 г. территория, охваченная выселением граждан, заметно расширилась.

В числе принудительно переселенных в прошлом значились также карачаевцы, калмыки, балкарцы, чеченцы, ингуши, итальянцы, финны-ингерманландцы, русские, украинцы, народы Прибалтики, крымские татары, венгры, болгары, армяне (частично Закавказье, Крымский полуостров), греки (Черноморское побережье Кавказа), этнические общности Грузии – турки-месхетинцы, курды, хемшины, тёрёкама и частично другие.

Фактически до 1945 г. акции принудительных переселений следовали одна за другой. И не прекращались до начала 1950 годов. Хотя не следует отрицать и то, что параллельно шел и процесс послабления режима проживания спецпереселенцев, отдельные группы уже в 1930 – 1940-е годы попадали под реабилитацию.

В аудиториях часто возникает вопрос о причинах принудительных переселений. Он остается в числе сложных вопросов, единства в его восприятии учеными, кто занимается изучением этих процессов, не достигнуто. Обобщенные сведения позволяют выделить основные из них: дезертирство; уклон от службы в Красной Армии; поддержка учреждавшегося режима власти; слабое экономическое положение; коллаборационизм; неудовлетворение реализацией лозунгов революции в жизнь; неадекватное поведение представителей этнических общностей в пограничных зонах; наличие девиантных групп, живучесть принципа «неблагонадежности народов», применявшийся широко в Российской империи; следование сложившимся стереотипам в отношениях к этим народам

(туземцам); наличие международной составляющей в судьбе того или иного народа, фактор превентивности и др.

В СССР имели место и такого характера причины, когда переселение народов, например, Прибалтики, Грузии проводились по просьбе правительств этих республик, на что имеются архивные документы.

Конечно, у здравомыслящего человека возникает и вопрос, правильными ли были действия со стороны государственной власти по отношению к народам своей страны? Можно ли было обойти применение этой карательной меры?

Поиск ответа на поставленный вопрос явно не в состоянии удовлетворить обе стороны. Об антигуманном характере этих мер возразить трудно, однако, повторяю, государство всегда располагает правом на ритомсацию (защитные действия), обеспечить прочность своего тыла, поддерживать должный порядок на определенной территории. Все эти факторы имели место в реальности. Решение этих задач оставалось составляющим в первую очередь процесса сохранения самой государственности и обеспечения прочности тыла.

Безусловно, в этой обстановке, механизм управления этими процессами должен иметь глубокое обоснование, и быть всесторонне аргументированным. Можно ли было избежать карательной меры реализации на практике? Несомненно, да. Для этих целей действовал государственный аппарат в первую очередь НКВД СССР, его мощная управленческая система на местах с соответствующей военной поддержкой. Из всевозможного уровня отчетов об этих акциях следует, что выселить было относительно легкой мерой, чем заниматься поиском, выявлением и «отсеиванием» враждебных режиму власти элементов.

А это прежде всего появление таких социальных институтов как дезертирство (более 1.200 тыс. человек), уклонявшиеся от службы в Красной армии (около 500 тыс. человек) и проявление бандитизма на этой почве. Об этом как раз и свидетельствуют данные Отдела по борьбе с бандитизмом при НКВД СССР. В этот период более распространенной оставалась приказная система действий. Такой была реальность того периода в истории Союза ССР. Не следует забывать и о существовании сети Переселенческих управлений по территории СССР. Они также брали на себя решение многих задач по управлению переселенческими процессами, в том числе и принудительно переселенными. И зачастую в их компетентность входили и спецпереселенцы.

Надо отметить, что в условиях современности расширение обустройства общества на демократических принципах некоторыми исследователями утверждается, что *меры принудительных переселений были присущими исключительно социалистическому строю, или И.В. Сталину.*

Вероятно, основой для подобных утверждений выступает то, что мало пока известно о международном опыте применения подобных социальных технологий, а в сущности кощунствующих мер по отношению к гражданам своей страны, целым народам. И все же задача изучения таких мер в международном масштабе свидетельствует о слабой информированности российского сообщества. Все это содействует порождению сделанных неконструктивных выводов, в том числе и П.М. Поляном, Л.Н. Дьяченко и др.

Попытка найти объяснение этому вопросу не поддавалась быстрому положительному решению, но тем не менее все же очевидны отдельные направления применения подобных мер и в Европе, и в США задолго до рассматриваемого периода в СССР. А механизм управления национальными процессами, он не представлял особой сложности и фактически был однотипным применительно всей территории страны. С мест поступала одновременно в центральные органы власти информация о беспокойной ситуации в тылу, пополнялся все новым содержанием и вопрос применительно разных территорий. Материалы обобщались и делались выводы, появлялись управленческие решения, как быть, каким должен быть выход. С учетом этих точек зрения, согласно которым это есть явление, присущее только социализму, что подобный механизм, своеобразная «модель», которая могла быть приемлемой только в условиях социализма, тоталитарной социалистической системы, разваливается сама по себе. Такой подход чисто надуманный, и он не соответствует действительности.

Подобные меры предпринимались с древнейших времен. И их родиной не являлся СССР, и ошибочна по своей сути в этой ситуации остается попытка все сбросить в одну корзину, примером, кстати, примером юридического документа является появившееся Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 августа 2015 г. № 1561р – «О Концепции государственной политики по увековечиванию памяти жертв политических репрессий».

Отнесение появления подобных акций только к СССР, это грубейшее несоответствие исторической действительности, а тем более навязывание в этой ситуации таких несуразных, в научном плане понятий (определений) как «геополитическая депортация» «принудительная депортация», «репрессивная депортация» (Л.Н. Дьяченко, «Россотрудничество») вообще граничит с слабым знанием существа проблемы.

На Дальнем Востоке прибегали к политике принудительных переселений японцы. Их действия осуществлялись на основе уже известной в прошлые века так называемой теории «уаякэйе» – «плывающих народов», возможности использования их в интересах империи. Именно на основе этой теории 444,3 тыс. корейцев были депортированы непосредственно на территорию Японии.

Среди стран Восточной Европы в период Второй мировой войны, на территории которых осуществлялась такая форма репрессий как принудительное переселение, значится Венгрия. С ее территории в принудительном порядке выселялись евреи. На первом этапе в числе переселенных было, по данным Тамаша Ковача, составило около 100 человек [5, с. 242]. Затем после оккупации Венгрии немцами 19 марта 1944 г. численность депортируемых граждан еврейской национальности заметно возрастала. Весь этот корпус исполнителей государственной политики относительно к еврейскому меньшинству, в основе которой оставалась «теория бесполезных людей», по данным Тамаша Ковача, переселил в принудительном порядке 434 351 гражданина еврейской национальности. Правда, по данным немецкой дипломатии той поры, этот количественный показатель несколько разнится с официальными сведениями, и составлял в итоге 437 402 человека [5, с. 248].

США было переселено около 400 человек с территории Алеутских островов и островов Прибылова, главным образом эскимосов.

Когда на территории Союза ССР еще полыхала война, в другой части мира после событий на Перл Харбор в США были вывезены 120 тыс. американских японцев, сроком на 4 года в 10 центров по эвакуации и перемещению в центральные и западные регионы США [4, с. 98-99].

Чем отличался американский ГУЛАГ от ГУЛАГА Союза ССР? В период Второй мировой войны на территории США была создана система лагерей, куда насильственным образом сгонялись японцы, имевшие гражданство США. Более того, принималась и такая форма заключения в лагерь, как добровольный приезд. Как свидетельствуют источники, эту роль в США выполняли система спецлагерей «Топаз», лагеря в штате Айдахо и др., в которых содержались принудительно переселённые японцы. Именно здесь были сосредоточены более 120 тыс. японцев, из них 12 тыс. – содержались в лагере штата Айдахо (лагерь Минидока), и во втором лагере – недалеко от г. Куския [6]. Среди японцев были представители всех профессиональных направлений, в т. ч. артисты, учёные, музыканты и пр.

И эти акции проводились на законных основаниях – на основании директивы Ф. Рузвельта от 19 февраля 1942 г., чрезвычайного Указа Ф. Рузвельта № 9066. При этом Военная администрация наделялась неограниченными правами выселения людей в заранее подготовленные спецлагеря. Это были гражданские лица, подпадавшие под статус «недружественных по отношению к США». Одним словом, на основе указа Ф. Рузвельта более 120 тыс. японцев испытали принудительное переселение, а заодно с ними и 11 тыс. немцев, и не менее 3 тыс. итальянцев [6].

В целом же под статус «ведущих антиамериканскую деятельность» подпадали около 135 тыс. граждан американского происхождения. Для чего создавались и специальные Военные зоны. Главы этих зон наделялись неограниченными правами, и только по их усмотрению могли быть классифицированными под этот статус те граждане, которых они рассматривали как людей «с антиамериканскими настроениями». Работа переселенцев протекала в лагере. Имели место доносы, травля японцев, появились «семьи шпионов».

Более того, сюда же свозились японцы и с соседних государств (Панама, Перу, Мексика, Канада и др.). Начинания правительства получали поддержку со стороны фермеров. Сразу же проявлял себя территориальный фактор. Фермерам нужна была земля, и они тут же занимались выращиванием культур, которыми ранее занимались японцы. Японцы до последнего подвергались маркировке. Условия содержания их в лагерях были ужасающими, питание – скудным. Чрезвычайный Указ Ф. Рузвельта был отменён только в 1976 году! Последовала реабилитация и доказательство необоснованности выселения. Каждый из японцев (обязательно имевший гражданство США) получал 20 тыс. долларов [6].

Фактически Украиной по рекомендации американских советников был повторен опыт США, поступивших безжалостно с переселенцами главным образом упоминавшихся *эскимосов*. В правовом отношении не отличалось ничем

иным и принудительное переселение США начала 1950-х гг. (1953 г.), когда было проведено насильственное выселение *иннуитов* (Гренландия).

Цель – освободить место для новой ракетной батареи. Командир армии США велел иннуитам «убираться, дав им на сборы четыре дня». Все население было увезено в новую деревню, скоростным методом построены труппы, на расстоянии 125 миль от прежнего места проживания. Американская пропаганда представила эти события и общественности США, и мировой, как добровольное переселение иннуитов. Все это позволяет еще раз сделать вывод, что на первом месте всегда ставятся именно интересы государства [4, с. 98-99]. В этом случае проявление сущности защиты прав народов по-американски. Украина и США как партнеры явили миру новую форму принудительного переселения – расстрел населения.

Приведенные сведения позволяет сделать вывод, что «рецепты» по «исцелению» общества разрабатывались и успешно применялись на практике далеко за пределами СССР. В связи с этим необходимо подумать и о том, могла ли эта мера принадлежать исключительно тоталитарной «советской системе»? Дело заключалось несколько в другом – *советская система добросовестно и последовательно использовала имевшийся международный опыт.*

Поэтому, по моему мнению, будет нелогично доказывать принадлежность подобных мер только советской системе, как и отрицать ее пользование полностью (А. Авторханов, А. Некрич и др.). Эта точка зрения находит поддержку применительно прошлых веков России и исследователя Йорского университета (Великобритания) О' Рурк Шейн. Он замечает: «То, что практиковалось российскими властями на Северном Кавказе, полностью соответствует европейской практике изгнания и депортации из колоний аборигенов, хотя в то время она еще не распространялась на Европу» [7, с. 84].

Одним словом, проблема требует дальнейшего изучения. Цель этого очевидна – это необходимо и для научного понимания этого процесса в истории страны, так и для формирования позитивного самосознания и национального сознания граждан общества, раскрытия сути бифуркационного состояния в советском обществе.

Литература

1. Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении. 1941-1955 гг. Историко-правовое исследование. Новосибирск, 2003. С. 324.
2. Большой психологический словарь / Сост.: Мещеряков Б., Зинченко В. М.: Олма-пресс, 2003. С. 672
3. Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М.: «АИРО – ХХ», 1995. С. 320.
4. Бугай Н.Ф. Проблемы репрессий и реабилитации граждан: история и историография (XX в – начало XXI в.). М., 2012. С. 480.

5. Ковач Т. Депортации в Венгрии в 1944 году и роль жандармерии и местной администрации // Холокост: история и память Книга по русистике. XVII. Будапешт, 2006. С. 230-252.

6. «Мемориал» на месте спецлагеря «Топаз». URL: <http://fishki.net/1587096-amerikanskij-gulag-a-oni-vsyo-o-st...> [дата обращения: 10 октября 2015].

7. Шейн, О Рурк. Как отработывался механизм репрессий: высылка терских казаков в 1920 году // Отечественная история. 2008. № 5. С. 83-96.

8. Письмо Л.П. Белковец в адрес Президента Российской Федерации В.В. Путина от 17 марта 2005 г. // Текущий архив Минрегиона России.

Пляйс Я.А. Достижения и провалы советской системы власти¹

Аннотация. В статье выделяются достижения советского общества и его недостатки, которые привели его к гибели.

Ключевые слова: советское общество, достижения, недостатки.

Plyas YA.A. Achievements and failures of the Soviet system of government Abstract. The article highlighted the achievements of Soviet society and its shortcomings, which led to his death.

Keywords: Soviet society, achievements, shortcomings.

Профессиональные историки хорошо знают, что за исследование злободневных тем (тем более горячих) следует братья, когда уже образовалась достаточная временная дистанция (обычно это 50 лет), когда уже нет живых участников событий, когда уже открыты архивы и накопился необходимый для объективного обобщения фактический материал и т.д. Если исходить из этого, то четверти века (1990-2015) недостаточно, чтобы приступить к осмыслению этого периода времени. Эмоции еще не остыли, по разные стороны баррикад еще слишком много сторонников диаметрально противоположных подходов, открытое столкновение которых еще больше расколется общество, а не объединит его. Тем не менее, считаю, что настала пора заняться осмыслением того, каковы плюсы и минусы советского опыта. Хотя бы для того, чтобы не повторять советских ошибок и просчетов, вольных или невольных. И для того также, чтобы выяснить, почему в нашей стране в одном XX веке произошло 4(!) социальные революции, различной направленности², которые так и не вывели нашу страну на магистральный путь устойчивого развития. Почему в других странах,

¹ Пляйс Яков Андреевич, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор и заведующий кафедрой «Общая политология» Финансового университета при правительстве РФ, г. Москва; spn2004@rambler.ru.

² Непредвзято рассуждая, Октябрьская революция 1917 г., отвергнув достижение Февральской революцией 1917 и революцией 1905-1907 годов, была контрреволюцией по отношению к ним, а революция начала 1990-х годов – контрреволюцией по отношению к Октябрьской (по той же самой причине). Именно из-за диаметрально разной направленности эти революции не вывели Россию на магистральный путь развития.

в частности странах Запада, социальные революции, которые также случались неоднократно, приводили эти страны к желаемой цели, а у нас нет? Какие для этого были причины и условия и у них, и у нас? Что мешало нам? Незрелость предпосылок? Например, недостаточный уровень общественного развития, политической культуры масс? Или незрелость элит и политических партий? Или все эти причины вместе взяты? Во всем этом пора основательно разобраться, хотя бы в связи с грядущими в 2017 году столетиями революций 1917 года, чтобы избежать очередной революции, лимит которых Россия действительно исчерпала с избытком уже в прошлом веке. И если мы сегодня не выберемся из трясины преобразований на магистральную дорогу устойчивого развития, очередной революции нам избежать вряд ли удастся.

В связи с вышесказанным хочу сослаться на слова Владимира Лукина, который много лет был первым российским омбудсменом. В одном из своих интервью он сказал: «Но давайте просто чуть отодвинем осуждения-оправдания и прежде поговорим по существу о том историческом времени, о его многогранности и даже о многогранности роли Сталина. Нам надо понять сложность и многогранность нашей истории в XX веке и найти какую-то формулу, вмещающую ее противоречивую суть. Для этого прежде всего надо научиться связывать крупные исторические переломы XX века не столько с борьбой личностей, сколько с радикальным изменением самой страны, например, превращением ее из крестьянской в городскую, с глобальным изменением психологии населения... В результате и на фоне революционных перемен у нас в XX веке возникло общество того типа, который лучше всего описал испанский философ Ортега-и-Гассет в "Восстании масс". Из восставших масс появляются тоталитарные структуры, возглавляемые тоталитарными вождями, способными к массовым преступным вакханалиям не виданных ранее масштабов»¹.

Закljučая предисловие и переходя к развернутым тезисам, отмечу еще, что при анализе достижений и провалов советской системы власти я исходил из того, что сильные стороны того или иного явления имеют обычно свое продолжение в слабых и наоборот. Например, монополизм партии, идеологии, властных действий имеет не только важные достоинства, но и большие недостатки.

В последние годы резко возрос и общественный, и особенно научный интерес к тематике и итогам советского периода нашей истории. Ожесточенные баталии идут вокруг самых разных конкретных вопросов и проблем: моделей советского социализма, советской системы власти, плановой экономики, роли Ленина и Сталина и многих других тем.

Думаю, что такие дискуссии не случайны, потому что для них есть серьезные причины. Главная из них состоит в том, что у советской модели были и серьезные достижения и не менее серьезные провалы.

¹ Нет у революции конца? Интервью В. Лукина // Российская газета. 2015. 1 октября.

С моей точки зрения, достижения советской системы власти и социалистической системы организации государственной и общественной жизни несомненны. Их признают даже наши ярые враги. В течение многих лет советского периода нашей истории по этому поводу были написаны горы всевозможной литературы, в которой (преимущественно в тенденциозно похвальном ключе) превозносились не только результаты строительства социализма в СССР и других странах социализма, но и сама социалистическая модель жизнеустройства. И теория, и практика советского социализма оценивались исключительно положительно, разумеется, его сторонниками, а не противниками.

Определенные основания для таких восхвалений на самом деле были. Действительно, за очень короткий исторический период времени (фактически менее чем за 20 лет) СССР из аграрной-индустриальной державы превратился в индустриально-аграрную страну с современной по тем временам промышленностью. Кардинальные перемены произошли фактически во всех сферах жизни, в том числе общественной. Весь мир удивлялся тому, как за такой короткий исторический срок в сложнейших условиях можно было реализовать столь грандиозный план переустройства сфер экономики, культуры, образования, науки и других областей, создать принципиально новое государство с новой системой власти. Все это стало возможно исключительно благодаря максимальной концентрации властной воли, ресурсов, усилий и энтузиазма многих миллионов людей. Все эти черты, как нам хорошо известно, характерны для мобилизационной модели развития и тоталитаризма. Поэтому, говоря о достоинствах советской системы власти, особенно о достижениях ее первых десятилетий, равно как о победе в Великой Отечественной войне, ускоренной послевоенной реконструкции народного хозяйства, реализации атомной, ракетно-ядерной и космической программ и многом другом,¹ мы должны говорить не только о преимуществах этой системы применительно к конкретным условиям страны, но и *достоинствах тоталитарной политической системы вообще*. И пусть никого не удивляет и не пугает, что речь может (и даже должна) идти о *достоинствах* тоталитаризма, который мы привыкли рисовать исключительно в черных тонах. И тот крайне негативный стереотип, который в свое время сложился о тоталитаризме, в том числе благодаря тенденциозным работам Збигнева Бжезинского² и Ханны Арендт³, на мой взгляд, пора пересмотреть. Речь, разумеется, не идет о том, чтобы черные стороны и негативную практику тоталитаризма (например, массовые репрессии и уничтожение множества невинных людей) обелить, и

¹ Здесь обычно возникает следующий вопрос: можно ли было достичь таких же успехов при капиталистическом развитии? Ответы, как правило, разделяются на диаметрально противоположные. Кто-то считает, что можно было, а кто-то, что нет. На мой взгляд, нельзя было. Но цена этих достижений столь велика, что невольно возникает также такой вопрос: нужно ли были победы, достигнутые такими жертвами?

² Речь идет главным образом о следующих работах З. Бжезинского: «Тоталитарная диктатура и автократия. Тоталитаризм: что это такое?» (1993) «Идеология и власть в советском обществе» (1962).

³ Имеются ввиду прежде всего следующие работы Х. Арендт: «Истоки тоталитаризма» (1951) «О революции» (1963); «О насилии» (1969).

поднять на щит, а о том, чтобы объективно, с учетом исторического опыта различных стран (и Европы, и Азии) осмыслить или, точнее говоря, переосмыслить этот феномен. Диктаторы и различные типы их личной власти были во все времена и, скорее всего, еще будут. Почему возникает в них потребность у самых разных народов (и не только восточных), как они становятся диктаторами (как правило, кровавыми), какими методами правят, почему их и боятся, и обожествляют, что они оставляют после себя – вот лишь часть тех вопросов, которые необходимо основательно исследовать. Вопрос еще и в том, можно ли в принципе избежать негативные стороны тоталитаризма, которые ему присущи: массовое насилие, репрессии, диктатура, отсутствие идеологической свободы, и организованной оппозиции, теоретический догматизм, зашоренность и т.д. Сразу скажу: на мой взгляд, от всего перечисленного очистить тоталитаризм невозможно, иначе он уже им не будет. Но от самых одиозных и антигуманных качеств и, в частности, от массового насилия и уничтожения противников строя, освободить его, как мне представляется, возможно. При этом, разумеется, не надо забывать о национальных особенностях опыта каждого из тоталитаризмов.

1. Важным достижением советского строя была достаточно высокая социальная защищенность населения и особенно тех его слоев, которые в ней нуждаются в первую очередь: стариков, инвалидов, больных детей и других. Но если бесплатное медицинское обслуживание и образование, в том числе высшее, обеспечивались фактически с первых лет советской власти, то более-менее приличные пенсии, на которые можно было сносно жить, как и приличные детские пособия, стали возможными только в последние десятилетия советской власти, когда для этого появились достаточные финансовые и экономические возможности. Отсюда следует вывод: по-настоящему социальным может быть только экономически мощное государство. Однако у этого в целом положительного феномена есть и теневая сторона – социальный паразитизм, который следует всячески искоренять как наносящего огромный вред обществу и государству.

2. Постоянную заботу о культурной сфере и ее развитии в СССР также нельзя сбрасывать со счетов. Именно благодаря достаточно эффективной социальной политике советское общество активно развивалось, как в общекультурном отношении, так и образовательном. Это привело, в конечном счете, к возникновению нового качества общественного состояния. На мой взгляд, это одно из самых значимых достижений советской власти. Добиться в короткий исторический срок иного качества общества – это не каждому строю дано. Для этого нужны не только предельная целеустремленность и высококонцентрированная политическая воля, но и огромные системные усилия и громадные ресурсы. Именно удачное сочетание всех факторов позволило реализовать в СССР «вековую мечту человечества» – стать тотально грамотной страной. На базе этих достижений и особенно на базе качественного нового состояния общества, в частности высокой грамотности населения, СССР мог бы осуществить гигантский рывок, как, например, это сделал Китай. Даже не достигнув к

1970-м годам такого качества общественного развития, как СССР, КНР в последние десятилетия совершила гигантский прорыв, каких не знала человеческая история. (То, что это было действительно так, нетрудно доказать, но это отдельная тема). Это могло случиться благодаря тому, что КПК, ссылаясь на специфику китайского социализма, резко изменила курс внутренней политики страны. Следуя советам великого реформатора Дэн Сяопина, соединяя социализм с капитализмом, ломая идеологические догмы марксизма-ленинизма, китайские коммунисты стали фактически архитекторами чуда. И не только экономического, но и всякого другого.

Здесь надо также подчеркнуть, что социальная политика советской власти, приведшая общество к качественно новому состоянию, явилась основой стабильности и, пусть и постепенно снижающегося, но неуклонно поступательного развития. Эта стабильность выражалась не только в спокойной уверенности в завтрашнем дне, ясности и постоянстве правил игры и норм поведения, что имело, безусловно, положительное значение, но и в догматизме мировоззрения, неумении (и часто даже нежелании) оперативно реагировать на происходящие в стране и мире изменения, что имело, разумеется, негативное значение. Таким образом, столь необходимая стабильность может легко стать источником застоя, а затем и стагнации, и отставания.

3. Не подвергая сомнению вывод из предыдущего тезиса, отмечу, что социальные достижения советской власти могли бы быть намного более значительными, (при наших-то ресурсах !) если бы не системные ошибки советского мировоззрения и политической практики. Это выразилось, в частности, в планировании от достигнутого вала, в особом типе ценообразования, фактически оторванного от мировой конъюнктуры, в расточительном отношении к разного рода ресурсам, недостаточном внимании к росту производительности труда, пресловутой уравниловке в оплате труда, фактическом отсутствии конкуренции, слабом внимании к внедрению достижений науки в производство, чрезмерных оборонных затратах и многом другом. В результате советская экономика, несмотря на количественный рост, все больше проигрывала западной экономике в качестве, что прямо отражалось на уровне жизни советских людей. Эталонами качества все чаще выступали западные товары, а отсюда и западный образ жизни обывателя. Так идеологический догматизм превращался в слабость советской системы власти, в ее провал. Сильная, развитая социальная защита советского населения имела не только внутреннюю направленность, но и внешнюю. Опасаясь социальной революции, правящая элита западных стран вынуждена была идти на значительные уступки организованным трудящимся массам, и это не только продлеvalo жизнь капитализму, но и вынуждало его модернизироваться.

4. Важным достижением советской системы власти, на мой взгляд, было воссоздание российской империи в новом (федеративном) качестве и в новом обличье – Союза Советских Социалистических республик. После революций 1917 года продолжение существования империи в виде централизованного государства было невозможно. Не случайно, что одним из центральных вопросов и Февральской революции, а затем и Октябрьской 1917 года был вопрос о меж-

национальных отношениях и дальнейшей государственном устройстве. Большевики были вынуждены согласиться на замену унитарного устройства федеративным, несмотря на то что были убежденными сторонниками унитаризма. Однако партийный и идеологический стержни, вместе с централизованной экономической политикой быстро превратили СССР в сверхцентрализованное государство. Федеративное устройство, но не формальное, а подлинное, было верным решением, а фактический отход от него было ошибкой правящей партийной элиты. Хотя именно сверхцентрализация стала залогом эффективного решения целого ряда крупных общенациональных задач – индустриализации, культурной революции, победы в Великой Отечественной войне, ускоренной послевоенной реконструкции и других. Общее жизненное пространство империи, образовавшееся различными способами, могло эффективно существовать и развиваться как единый организм, только при высокой степени централизации. Однако растущий уровень самосознания народов и особенно их элит, эгоистично стремившихся к независимой от Москвы власти, требовал коррекции модели межнациональных и межреспубликанских отношений и представления большей самостоятельности национальным образованиям, прежде всего, конечно, национальным республикам. Фактически речь шла (вернее сказать, должна была идти) о переходе к конфедерации. И этот процесс, вошедший в историю как Ново-Огаревский, шел, но был прерван в Вискулях в Беловежской пуще 8 декабря 1991 года, когда руководители трех (!) из 12 республик – РСФСР, УССР и БССР – Ельцин, Кравчук и Шушкевич, узурпировав право всех остальных, не имея на то полномочий, приняли решение распустить СССР и фактически разорвать общее жизненное пространство, создававшееся веками. Эгоизм национальных элиты их лидеров взял верх над исторической целесообразностью и необходимостью сохранения этого жизненного пространства. Сегодня его стремятся сохранить сами народы, особенно среднеазиатские. И тот Евразийский экономический союз, который начал функционировать с 1 января 2015 года – это ни что иное как возвращение к тому объективно сложившемуся историческому пути, который берет начало несколько веков назад. Но путь этот долог, так как сопротивление ему (и внутреннее – все те же национальные элиты и национальный бизнес – и внешнее) огромно.

5. Еще одним серьезным успехом советской системы власти было образование единой общности – советского народа с особой системой ментальных ценностей¹. При всей относительности этого феномена надо признать, что граждане различных республик действительно считали себя советскими людьми. Именно это в значительной мере позволяло сохранять межнациональный мир и согласие. Развод по-беловежски серьезно осложнил этот процесс, и сегодня национализм свободно разгуливает не только на Украине, в Прибалтике и Молдове, но и в других частях бывшего СССР. Восстановление межнационального

¹ Система советских идейных ценностей была сформулирована в моральном кодексе строителя коммунизма, которые, как нередко отмечалось в годы перестройки, когда быстро возрастала роль церкви, весьма близки к православным ценностям.

мира и согласия – это еще одна серьезная проблема, которую предстоит решить будущим поколениям.

Отступив от социализма, новые российские власти похоронили не только коммунистические заповеди, но и любую государственную идеологию, закрепив ее запрет в Конституции 1993 года (ст. 13). В последние годы руководители России (и В.В. Путин, и Д.А. Медведев) нередко возвращались в теме идейных ценностей и необходимости их культивирования. Однако упущенные более чем 20 летидеологического безвременья оставили очень сильный негативный отпечаток на всем и прежде всего на молодом поколении. С образовавшимся за это время идеологическим мировоззренческим суррогатом нам еще придется разбираться. Осознав случившееся, российские власти, судя по всему, решили исправить положение. Не случайно, очевидно, что 29 октября 2015 года появился Указ президента России В.В. Путина за № 536 «О создании Общероссийской общественно-государственной детско-юношеской организации движения школьников», в котором говорится: «В целях совершенствования государственной политики в области воспитания подрастающего поколения, содействия формированию личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей п о с т а н о в л я ю:

1) Считать целесообразным создание с участием общественных объединений и граждан Общероссийской общественно-государственной детско-юношеской организации «Российское движение школьников» (далее – организация «Российское движение школьников»)...

Поскольку ценности, о которых говорится в Указе, нигде, кроме как в выступлениях или Посланиях Президента Федеральному Собранию не зафиксированы и ни в одном федеральном документе не сформулированы, постольку не понятно, в каком духе должно воспитываться наше подрастающее поколение. Очень серьезная проблема заключается также в том, что нам с трудом придется преодолевать наследие безвременья, занимаясь перевоспитанием детско-юношеского мировоззрения, обильно заросшего идейными сорняками, не только далеких от системы ценностей российского общества, но и враждебных ему. В условиях интенсивной пропаганды и даже насаждения западных либеральных ценностей, основанных на индивидуализме и фактически эгоизме, это будет сделать нелегко. Хотя бы потому, что корни этих ценностей глубоко проросли в российскую почву. Но также потому, что глобальные средства связи и массового воздействия (прежде всего Интернет) размывают национальную идентичность и национальные ценности, особенно если они активно не культивируются. Поэтому, к сожалению, у нашей страны мало шансов преодолеть возникшие проблемы. Без четкого определения современной системы идейных ценностей, каналов, форм, методов их культивирования ситуация «в области воспитания подрастающего поколения» будет еще хуже.

б. Говоря о достижениях советской системы власти, нельзя не упомянуть также о том, что было сделано ею в деле преодоления социального неравенства населения. Неравенство на самом деле существовало, и не могло не существовать. Но оно не было столь разительным, как сегодня. Если в советское время разница в доходах составляла 3-4 раза, то в наши дни она доходит до 40 раз, что

чревато серьезными социальными катаклизмами. Исторический опыт не раз подтверждал, что в тех странах, в которых разрыв превышает более 10 раз, неизбежно возникает социальная напряженность, и происходят всевозможные инциденты, вплоть до социальных революций.

Как неоднозначную следует оценить и советскую внешнюю политику, оказавшуюся фактически провальной на некоторых важных направлениях. И в концептуальном смысле, и в смысле ее практического воплощения. Это, прежде всего, относится к социалистическому направлению и к направлению в отношении стран так называемой «социалистической ориентации». Задним числом, конечно, легче давать оценки, чем в режиме «on line». Тем не менее, уже в 1970-ые и особенно в 1980-е годы было ясно, что внешняя политика СССР далеко не всегда адекватна внутренним и внешним реалиям. Именно поэтому она оказалась и утопичной, и высокозатратной, и неэффективной.

Из всего вышесказанного можно извлечь следующие выводы.

Первый вывод состоит в том, что у советской системы власти было и много достижений, и много провалов. Судить о том, чего было больше сложно. Судя по всему, провалов было больше, иначе, полагаю, система не рухнула бы, не выдержав конкуренции с западной системой. Все-таки реальная конкуренция, несмотря на теневые стороны, дает свой результат. Выявляя наиболее сильных, она способствует прогрессу.

Второй вывод заключается в том, что динамичное развитие современного мира не приемлет догматизма, требует постоянной корректировки и теории, и практики общественного развития.

Советский социализм требовал такой корректировки еще в 50-е и последующие десятилетия XX века. Однако догматизм советской партийно-политической элиты мешал ей не только адекватно воспринимать быстро меняющуюся внутреннюю и внешнюю реальность, но и корректировать свою деятельность сообразно требованиям времени. Результат оказался трагичным: не только страна под названием СССР рухнула но и советский социализм потерпел крах.

Третий вывод сводится к тому, что основная роль в определении стратегии и тактики общественного развития принадлежит правящей элите, адекватность которой, как и способность оперативно менять внутреннюю и внешнюю политику своей страны должны быть аксиомой, альфой и омегой практической деятельности. Советская партийно-административная элита оказалась неспособной идти в ногу со временем и отвечать на его вызовы.

Четвертый вывод состоит в том, что монополизм, отсутствие политической конкуренции и сильной оппозиции неизбежно ведет к застою и затем к регрессу и поражению. Все это должны мы учитывать сегодня, чтобы избежать новой социальной революции.

P.S. Размышляя о достижениях и провалах советской системы власти, нельзя забывать и о таких объективных факторах существования страны (и бывшего СССР, и нынешней России), как ее гигантская территория, расположенная между Западом и Востоком, преимущественно в северной части земно-

го шара, труднодоступность ее ресурсов, сложный, в основном холодный климат, многонациональность, многоконфессиональность и пр. Все это накладывает сильный отпечаток на внутреннюю и внешнюю политику и делает ее весьма сложной.

Литература

1. Арндт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996.
2. Бжезинский З.К. Идеология и власть в советской политике. М.: Иностранная литература, 1962.
3. Моральный кодекс строителя коммунизма // Материалы XXII съезда КПСС. М., 1962.
4. Нет у революции конца? Владимир Лукин - о том, почему "вынести душу" Ленина из Мавзолея важнее, чем тело// Российская газета, Елена Яковлева [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2015/09/30/revoluciya.html>
5. Фридрих К., Бжезинский З. Тоталитарная диктатура и автократия (реферат) // Тоталитаризм: что это такое (Исследования зарубежных политологов. Ч. 2 / Отв. ред. Верченков Л.Н., Игрицкий Ю.И. М., 1993.

СЕКЦИЯ I. ИСТОРИЧЕСКОЕ МЕСТО СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА: ПОНИМАНИЕ И ОБЪЯСНЕНИЕ

Аллахвердян А.Г., Агамова Н.С. Наука СССР: науковедение и динамика научных кадров в послевоенные десятилетия (1950-1980-е гг.)¹

Аннотация. Исследование посвящено возникновению науковедения как междисциплинарного направления изучения науки и роли научных кадров в развитии послевоенной советской науки. Анализируется динамика численности научных работников в период с 1950 по конец 1980-х гг. За четыре десятилетия темпы роста численности научных работников менялись весьма существенно: период активного роста численности в 1950-1960-х гг. сменился периодом его резкого замедления. Рассматриваются социально-экономические факторы изменений численности ученых и их заработной платы.

Ключевые слова: советская наука, научно-технический прогресс, научные кадры, статистика науки, заработная плата ученых.

Allakhverdyan A.G., Agamova N.S. The science of USSR: science of science and the dynamics of scientific personnel in the postwar decades (1950-1980-s)

Abstract. The research is dedicated to the emerge of science of science as a multidisciplinary direction of the studies of science and of the role of the scientific personnel in the development postwar soviet science. The dynamics of the number of scientific workers in the period from 1950 till the end of the 1980-s is analyzed. During these four decades the growth rate of the number of the scientific workers changed rather essentially: the period of active growth of the scientific workers in 1950-s-1960-s was replaced by the period of its rapid slow down. The socioeconomic factors of the change of the number of scientific workers and of their wages and salaries is considered.

Keywords: Soviet science, scientific and technical progress, scientific personnel, science statistics, wages and salaries of scientific workers.

Исследования истории советского общества как комплексной историко-теоретической проблемы носит междисциплинарный характер и является объектом исследований многих дисциплин: политологии, экономики, социологии и

¹ **Аллахвердян Александр Георгиевич**, кандидат психологических наук, руководитель Центра истории организации науки и науковедения, Институт истории естествознания и техники РАН, г. Москва; sisnek@list.ru; **Агамова Наталья Сумбатовна**, кандидат педагогических наук, стар. науч. сотр. Центра истории организации науки и науковедения Института истории естествознания и техники РАН, г. Москва; igruni@list.ru. Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН: «Исследование исторического процесса развития науки и техники в России: место в мировом научном сообществе, социальные и структурные трансформации (2015-2017)».

других. К их числу относится и науковедение как сравнительно новое направление исследований в отечественной науке, активное становление которого приходится на послевоенные десятилетия развития СССР. Науковедение – это отрасль науки, исследующая «закономерности функционирования и развития науки, структуру и динамику научной деятельности, взаимодействие науки с др. социальными институтами и сферами материальной и духовной жизни общества» [10, с. 396]. Оформление науковедения в самостоятельную отрасль науки относится к 1960-м годам, когда в обществе стал утверждаться взгляд на науку как особую, отличную от промышленной, форму деятельности. Начали складываться представления о специфическом предмете и задачах науковедения, возникали исследовательские группы, разрабатывающие его проблемы. Одной из них является проблема научных кадров – важнейшей, «ядерной» составляющей развития советской науки. Без активного качественного и количественного роста научных кадров достижения советской науки и техники в послевоенные десятилетия были бы невозможны.

В послевоенном СССР активный рост научных кадров начался с 1950-х годов. Так, численность занятых в учреждениях науки и научного обслуживания за пять лет (1955-1960) увеличилась в 2,5 раза (с 247,6 до 635,7 тыс.) [2, с. 87]. Таких темпов роста численности работников сферы науки в истории отечественной науки не было ни «до» ни «после». Этот рост обеспечивался, в немалой степени, вследствие массового приема выпускников институтов и аспирантов в НИИ и ВУЗы, привлечения научно-вспомогательного персонала (НВП) в связи с необходимостью реализации двух важнейших государственных мегапроектов («ядерного» и «космического»). В тот исторический период отличительной особенностью послевоенной науки являлся государственный приоритет в ее развитии и, как следствие, последовательный рост численности научных работников в СССР. В самой крупной из советских республик (РСФСР), согласно статистическим данным, за период с 1950 по 1989 гг. численность собственно научных работников (без НВП) возросла в 9,2 раза. Однако за четыре десятилетия темпы роста численности научных работников менялись существенно: периоды активного роста сменялись периодами его резкого замедления (табл. 1).

Таблица 1

*Динамика роста численности научных работников
РСФСР за период с 1950 по 1989 гг. (в тыс.)*

1950	1952	1954	1956	1958	1959	Среднегодовой рост
111,7	123,0	–	–	194,8	212,7	21%
1960	1962	1964	1966	1968	1969	
242,9	362,5	419,5	488,7	533,9	603,2	24%
1970	1972	1974	1976	1978	1979	
631,1	724,4	804,4	863,4	901,5	918,1	16%

1980	1982	1984	1986	1988	1989	
937,7	975,7	1002,8	1025,1	1032,	1031,7	1%

Как видно из таблицы, темпы роста численности ученых за четыре десятилетия были весьма неравномерными. Если в 1950-е годы темпы среднегодового роста числа ученых составили 21%, в 1960-е – 24%, в 1970-е – 16%, то в 1980-е – всего лишь 1 %, т.е. темпы среднегодового роста в 1980-х уменьшились (в сравнении с 1960-и гг.) в более чем в 20 раз.

Возникает вопрос: каковы причины резкого спада темпов роста численности ученых в 1980-х годах в сопоставлении с темпами роста трех предыдущих десятилетий (1950 – 1970-е гг.)? Ответ на этот вопрос кроется в проводимой государственной научной политике того периода. В середине 1940-х гг. две страны, СССР и США, вышли из войны в состоянии гонки за военно-ядерное превосходство. Его достижение и стремление сохранить на паритетном уровне требовало крупных государственно-финансовых вложений, поддержки новых направлений фундаментальных исследований, формирования мощного военно-научно-промышленного комплекса. «В 1950 – 1960-е годы, невзирая на предшествующие масштабные бедствия, наша страна успешно включилась в первую волну НТР, что было обеспечено ускоренными вложениями интеллектуально-людских и материально-организационных средств в базовые для того периоды научно-технические направления: ядерную энергетику, космическую технику, квантовую электронику. Большой оборонный потенциал этих направлений в условиях военной конфронтации обеспечил им приоритетный режим развития, в том числе формирование новых направлений фундаментальных исследований и своевременное потребление их результатов. Тогда для советской фундаментальной науки счастливо совпали во времени три фактора – начало первой волны НТР, государственные приоритеты научно-технического развития и большие ресурсные возможности экстенсивного этапа развития народного хозяйства. Именно науки, связанные с оборонным комплексом, прежде всего, физика, дали обществу обильный урожай фундаментальных результатов за счет формирования и ускоренной разработки новых направлений исследований» [10, с. 44].

Общественный интерес к науке и престижность профессии ученого в 1950–1960-х годах были на небывало высоком уровне, труд ученых оплачивался сравнительно высоко. Научная интеллигенция «стала одной из наиболее обеспеченных социально-профессиональных групп советского общества» [3, с. 22]. Об этом свидетельствует сравнительная оплата труда представителей разных категорий интеллигенции. К примеру, зарплата доктора наук почти в 5 раз превышала зарплату врача терапевта (табл.2).

Таблица 2

*Должностные оклады представителей разных категорий
советской интеллигенции в 1950-х гг. (в руб.)*

Старший научный сотрудник АН СССР		Младший научный сотрудник АН СССР		Инженер	Врач-терапевт
Доктор наук	Кандидат наук	Кандидат наук	Ученый без степени	1000–1100	805
4000	3000	2000	1050-1350		

Повышенный интерес общественности к научно-технической деятельности был тесно связан с целенаправленной и широкой пропагандой успехов советской науки, особенно в освоении космоса (запуск первого спутника Земли, первого человека в космос и др.). Однако научно-технологические прорывы давались СССР не легко, за мощным космическим стартом экономическая система страны поспевала с большим трудом. В ходе борьбы за научно-технический паритет, а тем более превосходство советская экономика не была готова к длительной конкуренции с экономикой США. Уже «в начале 1960-х годов можно было видеть «усталость» экономической системы, в первую очередь таких ее звеньев, как наукоемкие производства» [2, с. 184]. Занимавшийся подготовкой советских космонавтов Н.П. Каманин в своем дневнике от 9 февраля 1962 года писал: «Надо признать, что уже сейчас мы лишь формально впереди благодаря полетам Гагарина и Титова, а по существу уже отстаем. Соотношение космических пусков – 20 к 120 не в нашу пользу.

Только начинавшееся в 1960-е гг. отставание от США в части наукоемкого производства касалось не столько военно-космической, сколько гражданской науки. Последняя, в особенности новые научные области, прямо не связанные с военными нуждами, оставалась «золушкой» в научной политике советской партийно-административной номенклатуры. В целом советская наука имела две явно неравнозначные составляющие – «оборонную, лучшая часть которой могла рассматриваться по своему уровню как мировой центр, и гражданскую, которая по большинству показателей затрат и результатов была неконкурентоспособна. В ведомственном разрезе к оборонному сектору относились не только НИИ и КБ закрытых министерств, но и большая часть академического сектора, выполнявшая заказы по спецтеematике [8, с. 31].

По мнению академика Юрия Рыжова, гражданская «наука выживала у нас на проценты с бомб и ракет. Если удавалось доказать партийным бонзам, что данное направление нужно для обороны страны, оно выживало. Так вернулись генетика с кибернетикой после разгрома. Но, начиная со второй половины 60-х годов в Политбюро начало формироваться мнение, что наука свое сделала. Бомба есть, сверхзвуковые самолеты летают, баллистические ракеты достигают сердца Соединенных Штатов, какая еще наука!... Резко упали деньги на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. А мировое научное приборостроение сделало в мире гигантский скачок именно за последние 30 лет. Множество сложнейших процессов диагностировалось изошрнными дат-

чиками, и результаты моментально обрабатывались на машинах. Наши делали то же самое, всячески изощрялись, буквально «на коленке». Я тоже столкнулся с этим еще в 1964-м году, когда на дурной вычислительной машине смоделировал с помощью изощренной программы некий процесс, который на самом деле требовал гораздо большего объема операций, чем могла выполнить эта машина. Одновременно появилась статья американца, который на гораздо более мощной машине без труда вогнал данные, нажал на кнопку и получил то же самое. Сила есть – ума не надо, говорят. Но это плохое и ложное утешение» [5, с 8].

В порядке «компенсации» технического отставания в сфере науки вовлекалось, – не всегда сообразуясь с оптимальными расчетами, – все больше людских ресурсов. «В условиях административной системы управления наукой и низкой технической оснащенности быстрый рост кадров стал неперенным условием относительно эффективного развития науки. В конце 1950-х – начале 1960-х годов, в период действительно бурного роста численности научных кадров, сформировался стереотип «чем больше, тем лучше». За два десятилетия (1950-1970) численность научных работников увеличилась более чем в 5,7 раза.

Однако в последующие годы наблюдалось значительное замедление темпов роста численности ученых, что во многом было связано с «ограничительной» политикой государства. Дело в том, что основная часть конечной продукции науки (образцы новой техники, технологических систем, потребительских товаров) обретает практическую ценность, только будучи освоенной в производстве. Но такое освоение, как показывает мировой опыт, требует во много крат больших затрат, в том числе трудовых, чем само создание образца нововведения. Следовательно, доля занятых научными исследованиями и разработками, в принципе, не может сколь угодно расти без ущерба для общественной роли науки. Говоря конкретнее, в 60-е годы на фоне быстрого роста научных кадров усилилась и стала далее совершенно нетерпимой диспропорция между масштабами создания научных нововведений и их практического использования производством. За 1966-1970 гг. производством было освоено в 2,5 раза меньше образцов новой промышленной продукции, чем создано за тот же период. Дальнейший столь же быстрый, как прежде, экстенсивный рост кадрового потенциала науки становился неоправданным [6, с. 42]. Иначе говоря, «скорость» освоения советской промышленностью нововведений (или как сейчас бы сказали – инноваций) оказалась значительно ниже темпов и масштабов их создания. Как показывает история отечественной науки «внедрение результатов научно-исследовательской деятельности в практику не относится к сильным сторонам дореволюционной, советской и постсоветской отечественной науки. В традициях российских ученых занятие «чистой» наукой считалось более престижным, чем решение прикладных задач; амбиции многих российских ученых не простирались дальше того, чтобы оформить свое авторство нового научного знания в форме публикаций и авторских свидетельств. Да и путь от идей до претворения в «материю» был столь долог, тяжел и забюрократизирован, что немногие ученые находили время и силы, чтобы пройти его полностью. Отме-

тим, что термин «внедрение» предполагает сопротивление со стороны той среды, для которой предназначен результат НИОКР» [1, с. 112].

При последующем развитии СССР «социально-экономический потенциал первой волны НТР, начавшийся еще в 60-х гг., оказался к концу 80-х практически исчерпанным. Ее место на исторической арене заняла вторая волна НТР, взлет которой в развитых странах капитализма пришелся на 80-е годы. Базовыми направлениями теперь стали микроэлектроника, информатика, биотехнология, оборонный потенциал которых не был так ярко выражен, как для направлений первой волны. К тому же возможности экстенсивного роста научно-технического потенциала резко сократились, что сузило социальное пространство для обновления научных направлений. Ресурсные ограничения не были компенсированы новыми возможностями социально-экономического механизма развития науки. Ее невостребованность практикой стала важнейшим фактором стабилизации когнитивных и социальных сложившихся структур» [7, с. 44].

Начавшиеся в середине 1980-х гг. перестроечные процессы существенно отразились на развитии советской науки и ее кадровой составляющей. Если во все послевоенные десятилетия среднегодовая численность научных работников росла, то в 1987 г. она впервые стала падать и к 1992 г. сократилась на 656 тыс. работников в сфере «Наука и научное обслуживание» [9, с. 29]. В определенном смысле 1987 год стал переломным: с него впервые, за послевоенный период, начался отсчет сокращения численности работников научной сферы. Примечательно, что во второй половине 1980-х сокращение численности кадров науки наблюдалось на фоне существенного повышения расходов на науку и роста среднемесячной зарплаты ученых. Другими словами, отток кадров не во всех ситуациях находится в прямой зависимости от масштабов ассигнований на науку. Онтакже связан с комплексом других факторов, обуславливающих уход работников из научной в иные отрасли хозяйственной деятельности (перестроечный период характеризуется специфической кадровой ситуацией, где анализ причин оттока работников требует отдельного рассмотрения).

Литература

1. Бедный Б.И., Шейнфельд И.В., Балабашев С.С., Козлов Е.В. Маркетинговая подготовка молодых ученых // Социологические исследования. 2004. № 1. С. 112-118.
2. Безбородов А.Б. Власть и научно-техническая политика в СССР (сер. 50-х – сер.70-х). М., 1997.
3. Зенина М.Р. Материальное стимулирование научного труда в СССР (1945-1985) // Вестник Российской академии наук. 1997. Т. 67. № 1. С. 20-27.
5. Интервью с академиком Рыжовым Ю. А. // Общая газета. 1999. № 8.
6. Кугель С.А., Шелищ П.Б. Численность научных кадров // Научные кадры СССР: динамика и структура / Под ред. В.Ж. Келле, С.А. Кугеля. М., 1991. С. 38-44.

7. Несвета́йлов Г.А. Больная наука в больном обществе // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 43-55.

8. Несвета́йлов Г.А. Центр-периферийные отношения и трансформация постсоветской науки // Социологические исследования, 1995. № 7. С. 26-40.

9. Рассчитано по источнику: Наука России в цифрах. Крат. стат. сбор. М., 1994.

10. Философский энциклопедический словарь. М., 1989.

Астахов М.В. Результаты эпохи буржуазной социальной революции в России как предпосылки формирования советского общества¹

Аннотация. В статье выделены результаты эпохи буржуазной социальной революции в России середины XVIII – начала XX вв., которые стали историческими предпосылками формирования советского общества.

Ключевые слова: предпосылки советского общества, эпоха буржуазной социальной революции.

Astahov M.V. The results of the bourgeois epoch of social revolution in Russia as highlight the historical background of the formation of Soviet society

Abstract. The article highlights the results of the bourgeois epoch of social revolution in Russia in the middle of XVIII – early XX centuries., Which became the historical background of formation of Soviet society.

Keywords: background of Soviet society, the bourgeois epoch of social revolution.

1. Причины возникновения советского общества и его сущность во многом обусловлены историческими предпосылками, из которых оно формируется, то есть результатами предшествующего ему исторического периода.

2. В советском обществе не удалось отделить академическую историческую науку от гражданской истории, поэтому советская историография, опираясь на материалистическое понимание истории, делала в существенных вопросах выводы, детерминированные не столько фактами, сколько политическими интересами. В частности, вслед за В.И. Лениным рубежом "эпохи капитализма" и "эпохи феодализма" в истории России было принято считать середину XIX в. Такая позиция в сути противоречила самому историческому материализму, который всегда предполагал наличие особой революционной эпохи перехода от одного типа общества к другому. Эпоху буржуазной социальной революции в

¹ **Астахов Михаил Викторович**, канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории и историографии Самарского государственного университета, г. Самара, президент Самарского центра аналитической истории и исторической информатики; scahi1@samtel.ru.

России также не было принято выделять, поскольку это приводило бы к невыгодным для большевиков выводам о том, что в России в начале XX в. нет объективных предпосылок для социализма, а следовательно и нет необходимости в социалистической политической революции.

3. Наиболее продуктивным в анализе логики развития общества в целом, а также стадии социальной революции является, на наш взгляд, системный подход в изучении исторического процесса. Он опирается на достижения классического марксизма и идет дальше в понимании исторического процесса, учитывая опыт XX и начала XXI вв. Маркс в своих зрелых работах развитие "общественной формации", то есть общества определенного типа, видел как последовательность трех стадий: стадии формирования, развитой стадии и стадии разложения общества. Отсюда эпоха социальной революции, в том числе и буржуазной, с неизбежностью выступает как единство разложения старого и формирование нового общества.

4. В отечественной историографии начало формирования буржуазного общества в России принято было понимать как "формирование капиталистических отношений" в экономике и связывать с серединой XVIII в. – с возникновением буржуазных мануфактур. Возникновению же институтов буржуазного общества в первой половине XVIII в. в других сферах общественной жизни не уделялось необходимого внимания. В связи с этим проблема начального рубежа эпохи буржуазной социальной революции в России требует, на наш взгляд, дальнейшей разработки.

5. В эпохе перехода от развитого феодального общества к развитому буржуазному, то есть в эпохе буржуазной социальной революции в России, можно выделить три периода:

– первый период – с середины XVIII в. до начала 1860-х гг. – период возникновения элементов буржуазного общества в социальной сфере (светские больницы, университеты и школы), экономической сфере (буржуазные мануфактуры и фабрики, банки, магазины), сфере духовного производства (академия наук, театры), в политической сфере (общественные организации и политические союзы, периодическая печать), в сфере хранения культуры (музеи, архивы, библиотеки) и в сфере инфраструктуры (почта, промышленный водный и железнодорожный транспорт);

– второй период – 60-е – 70-е гг. XIX в. – период коренного перелома в соотношении феодальных и буржуазных тенденций в жизни общества, превращение буржуазных тенденций развития в господствующие в обществе; начало буржуазных преобразований в аграрном и государственном строе;

– третий период – 80-е гг. XIX в. – октябрь 1917 г. – начальный этап завершающего периода перехода к развитому буржуазному обществу (формирование и легализация деятельности политических партий и политической прессы, создание ограниченного в правах парламента, продолжение ограниченных аграрных буржуазных реформ, ликвидация монархии).

6. Империализм, о котором Ленин говорил как о завершающем этапе развития капитализма, как о периоде его разложения, оказался началом периода развитого капитализма, когда все его исторические возможности реализуются в

наибольшей степени. Признаки империализма, выделенные Лениным, хорошо согласуются с историческими фактами развития России на завершающем этапе разложения феодального общества.

7. В результате с октября 1917 г. непосредственный переход к социализму через политику радикальных коммунистических преобразований (октябрь 1917 – декабрь 1920 гг.) терпит неудачу и сменяется в 1921 г. политикой "строительства социализма". Ленин понимал ее, в первую очередь, как политику строительства предпосылок для социализма (см. его статьи: "О кооперации", "О нашей революции"). Однако он относил к этим предпосылкам не итоги развитого капитализма, а результаты решения задач формирующегося капитализма, то есть индустриализацию, переход к крупному механизированному сельскохозяйственному производству, ликвидацию неграмотности, а также обеспечение начальной общей и профессиональной образованности.

8. Исходя из классического марксизма, переход к новому типу общества должен начинаться после того, как будут исчерпаны исторические возможности старого общества. Однако как в Древней Руси общество миновало стадию развитого рабовладения, так и в России в начале XX в. в силу ряда причин делается попытка миновать развитый капитализм и "строить социалистическое общество" на основе предпосылок, созданных не развитым капитализмом, а эпохой буржуазной социальной революции. В силу этого советское общество, сложившееся в России в период с октября 1917 г. до конца 1930-х гг., представляет собой социалистическое общество на основе неадекватных ему материальных, социальных и духовных предпосылок. Такое общество можно было бы назвать "ранним социализмом".

Схема формирования предпосылок и развития советского общества

9. Необходимость в условиях "раннего социализма" решать задачи, соответствующие стадии развитого капитализма, опираясь на предпосылки, созданные эпохой буржуазной социальной революции в России, непрерывно противостоять странам, уже находящимся на стадии развитого капитализма; неадекватность научной базы для управления таким обществом и низкий общий уровень

подготовки политического руководства страны порождали трудности и противоречия в развитии советского общества, скрытые тенденции возврата его к капитализму при постепенном ослаблении государственной власти коммунистической партии и эрозии ее идеологии.

Жидченко А.В. Советский город середины XX века как квинтэссенция идеалов коммунистического общества: отечественный и зарубежный взгляд¹

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с идеологическим обоснованием идеи советского города в 1950-60-е гг., а также анализом некоторых позиций отечественных и зарубежных авторов данного и последующих периодов.

Ключевые слова: город, коммунистическое общество, городское пространство, СССР, англоязычная историография.

Zhidchenko A.V. The Soviet city of mid-twentieth century as the quintessential of ideals of communist society: domestic and foreign opinions

Abstract. This article discusses issues related to the ideological basis of the ideas of the Soviet city in 1950-60-ies., As well as an analysis of the positions of some domestic and foreign authors of this and subsequent periods.

Keywords: town, communist society, urban space, the Soviet Union, a Russian historiography.

Строительство коммунизма стало в 1950-60-е гг. главной идеей, которая руководством страны пропагандировалась в советском обществе. Директивы XX, XXI и XXII съездов КПСС задавали те установки, которые формировали идеальное устройство будущего общества. Перед советским народом ставились две главные задачи: создание материально-технической базы коммунизма и воспитание нового человека [13, с. 5]. Официальная пропаганда тиражировала и развивала эти идеи в советской печати, которая иллюстрировала успехи реализации стратегий новой жизни и ее недостатки. Ниже предлагается реконструировать официальный курс на создание социалистического и коммунистического города, его инфраструктуры, призванной обеспечить максимально комфортные условия жизни трудящихся. Главным источником для подобной реконструкции становятся периодические издания.

Страницы периодики 1950-60-х гг. говорят о том, насколько важен был официальный курс для формирования повседневной жизни людей. В статьях подчеркивалась «повседневная забота» партии и правительства о постоянном улучшении жизни трудящихся с акцентом на улучшение жилищно-бытовых ус-

¹ Жидченко Александр Владимирович, кандидат исторических наук, преподаватель Останкинского института телевидения и радиовещания; г. Москва; Zhidchenko220689@yandex.ru.

ловий. В частности, в 1956 году на жилищное и культурно-бытовое строительство для нефтяников ассигновался 1 миллиард 290 миллионов рублей, и на эти средства строилось 797 тысяч кв. метров жилой площади, школ на 12 тысяч мест, больниц на 1200 коек, детских садов на 2915 мест и детских яслей на 2000 мест [12]. Критиковались перебои в снабжении нефтяников топливом, электроэнергией, плохая организация транспорта для перевозки нефтяников с места работы и обратно во многих районах страны [1].

Цитаты В.И. Ленина нередко использовались для обоснования роста коммунистического города. В.И. Ленин указывал, что «социализм приведет к возникновению нового расселения человечества «с уничтожением как деревенской заброшенности, оторванности от мира, одичалости, так и противоестественного скопления гигантских масс в больших городах» [21, с. 83-84]. В частности, он выявлял закономерности роста индустриальных центров, отмечая, что «города растут вдвое быстрее, чем остальное население...» [21, с. 84].

Озеленение жилых кварталов становилось насущной необходимостью, обеспечивающей сохранение трудоспособности и здоровья трудящихся, а следовательно, и увеличивающей полезность их труда. Основным назначением благоустройства и озеленения жилого квартала стало размещение среди зеленых насаждений мест отдыха, игровых и спортивных площадок, предназначенных для повседневного обслуживания в квартале населения всех возрастов [6].

Уже в 1950-е гг. в СССР доминирующей единицей плана города признавался микрорайон, ограниченный городскими магистралями и включающий законченный комплекс культурно-бытового обслуживания. К нему относились: школы, детские сады и ясли, сады для отдыха с детскими и спортивными площадками, магазины, учреждения бытового обслуживания, административно-хозяйственные блоки и гаражи для автомобилей, принадлежащих жильцам. Общая площадь такого микрорайона колебалась в пределах от 20-ти до 50-ти гектаров, а население – от 5 до 15 тыс. человек [22].

В журнале «Архитектура и строительство Ленинграда» были процитированы строки из отчетного доклада Центрального Комитета партии XX съезду: «Дело чести наших архитекторов – создать социалистический архитектурный стиль, который должен воплощать в себе все лучшее, накопленное архитектурной мыслью человечества... Надо, чтобы в сооружаемых зданиях было максимум удобств для человека, чтобы здания были прочны, экономичны, красивы» [15].

Упрощение архитектурного своеобразия зданий в 1950-е гг. повысило роль памятников, декоративной скульптуры и живописи в ансамблях городов, парках и отдельных архитектурных сооружениях. «После важнейших решений о борьбе с излишествами в архитектуре были созданы интересные художественные произведения монументально-декоративной живописи, учитывающие требования простоты, ясности формы и экономичности решений современного советского градостроительства» [19].

«Памятники и монументы, по силе воздействия на массы людей, и по той роли, которую они играли в оформлении города, оставались одним из значи-

тельных видов изобразительного искусства». Идеи, воплощенные в памятнике, были неотделимыми от жизни народа, от окружающей его обстановки [10].

Всякое новшество в разных областях социальной сферы в СССР в эти годы рассматривалось с положительной точки зрения. Например, переход к строительству малометражных квартир в 1956 году представлял собой шаг вперед в деле улучшения жилищных условий населения. Среди предложенных Институтом архитектуры проектов жилища рассматривались те, что соблюдали одновременно интересы экономики строительства и интересы жильцов [7]. Требования семей к жилью в первую очередь касались состава спален, которые являлись основными жилыми помещениями. Там проходил сон, дневной и вечерний отдых членов семьи. Кроме того учитывалась возможность оборудования в спальнях мест для занятий или работы, требующих тишины, а следовательно и изоляции от дневной зоны квартиры. При определении состава спален в квартирах различного типа принимались условия: комната дневного пребывания должна быть свободна от спальных мест; спальное место ребенка дошкольного возраста могло находиться в спальне родителей; в одной комнате размещались спальные места двух подростков одного пола; взрослым членам семьи предоставлялись спальные места в отдельных комнатах [14].

В 1958 году на страницах журнала «Культура и жизнь» вышла большая статья директора Института градостроительства и районной планировки Академии строительства и архитектуры СССР В. Шкварникова [22]. Срок ликвидации недостатка жилья в городах в 1958 году был определен в 10-12 лет. При этом советские архитекторы рассматривали возможность улучшения условий городской жизни как прямой результат нового общественного строя. «Отсутствие частной собственности на землю, государственное планирование обеспечили советскому градостроительству не только подлинную научную базу, но и материальную возможность для комплексного решения многих проблем» [22, с. 10].

В 1959 году на страницах журнала «Советы депутатов трудящихся» появилась заметка «Красота родного города» о соревновании «за культуру и красоту родного города», с которым жители Днепропетровска обратились к трудящимся Харькова, Запорожья и Саратова. Оно отличалось от традиционного движения за благоустройство, которое, например, проходило в ходе соревнования Ленинград-Омск за создание города-сада. «Мы хотим ясной, строгой и простой красоты во всех элементах оформления города. Мы хотим, чтобы в нашем городе все радовало глаз: и узорная ограда в парках, и декоративная скульптура на бульваре, и строго, просто оформленная доска почета у заводских ворот, и монументальные памятники нашим славным землякам...» - писали инициаторы движения. Это движение соответствовало указаниям XXI съезда КПСС об эстетическом воспитании народа. «Строя светлое здание коммунизма, советские люди стремились к тому, чтобы все в нем было прекрасно, чтобы красота окружала их всюду – на улице, в доме, на работе, чтобы она помогала им жить и трудиться по-коммунистически» [9].

В жизни советского человека важную роль играла эстетическая сторона окружающей его среды – жилья, обстановки, средств транспорта, оформления

улиц, площадей, парков, скверов и т.д. Решением проблем, связанных с местом искусства в повседневной жизни в СССР занимались многие проектные и производственные организации, конструкторские бюро, научно-исследовательские институты, творческие союзы архитекторов и художников, учебные заведения [11]. Сеть общественных зданий и парков общегородского значения должна была способствовать гармоничному физическому и духовному развитию жителей [5].

«Города и поселки должны представлять собой рациональную комплексную организацию производственных зон, жилых районов, сети общественных и культурных учреждений, бытовых предприятий, транспорта, инженерного оборудования и энергетики, обеспечивающих наилучшие условия для труда, быта и отдыха людей» [16, с. 28] – так были определены задачи советского градостроительства в Программе КПСС, принятой XXII съездом. В 1962 году прогрессивные методы планировки и застройки новых городов России рассматривались на примере строящихся центров нефтеперерабатывающей и химической промышленности, Новокуйбышевска и Волжского [1, с. 39].

Город Волжский был одним из самых ярких примеров нового социалистического города. За 10 лет в нем было построено 400 тыс. кв. метров жилой площади, школ на 3080, детских садов на 1375 и детских яслей на 980 мест, Дворец культуры на 800 мест, Дом общественных организаций, Дом пионеров, библиотека, кинотеатры, гостиница, стадион на 10 тыс. мест, зимний плавательный бассейн, спортивный павильон, больничный комплекс на 500 коек, Дом связи, рынок, баня, прачечная, хлебозавод, мясокомбинат, молокозавод, завод безалкогольных напитков, Выросший в условиях степи, город утопал в зелени. Группы жилых кварталов были расположены вдоль скверов или вдоль широких бульваров. Дома сгруппированы в комплексы, что позволяло организовать удобные хозяйственные дворы и выделить крупные участки для внутриквартальных насаждений и спортивных площадок [4].

В Программе КПСС, принятой XXII съездом, указывалось на необходимость строительства полносборных зданий и сооружений из крупноразмерных конструкций и элементов промышленного производства [20]. «Поступательное движение к коммунизму обязывало не только расширять масштабы и повышать темпы строительства и обновления городов, но, главное, улучшать методы и приемы их планировки и застройки» [18]. Создание промышленных районов на базе группового размещения, специализации и кооперирования предприятий, формирование селитебной территории по принципу членения на жилые районы и микрорайоны, дифференциация улиц и магистралей по скорости движения и видам транспорта, высокий уровень культурно-бытового обслуживания населения и организация общественных центров жилых районов и города – все это являлось основа прогрессивной практики советского градостроительства.

Насущные проблемы градостроительства и сложные технические задачи развития городского хозяйства могли успешно решаться только при наличии научно обоснованных, тщательно разработанных и утвержденных генеральных планов городов и проектов детальной планировки и застройки жилых районов.

В 1960 году в журнале «Молодой коммунист» вышла статья архитектора О. Швидковского «Город новой эпохи», в которой отмечалось, что новые жилые районы и города строились на многие сотни лет. «Они войдут в коммунизм, в них будут жить люди коммунистического общества. Поэтому в градостроительстве так важно заглядывать вперед, иначе мы рискуем, что наши города устареют, еще не будучи построенными» – писал автор [21].

Примерами удачной градостроительной практики 1960-х гг. считалась застройка Волгограда, Волжского, Ангарска, правобережной части Магнитогорска, новых жилых районов Владивостока, Свердловска. Они служили «своеобразным маяком» для других городов РСФСР. Но «неоспоримые преимущества» советского градостроительства использовались недостаточно: отсутствовали генпланы и затягивались сроки их разработки. В 1961-1962 гг. Госстроем СССР были рассмотрены и одобрены генпланы Владивостока, Волгограда, Омска, Ульяновска, Пензы и т.д. [3]

Для жителей социалистических городов создавались условия, приближающиеся к жизни в природном окружении, включая оздоровление территорий, водных и воздушных бассейнов, зеленых массивов и насаждений, полного обеспечения потребностей горожан в местах отдыха, улучшение микроклимата. Важное значение имело всестороннее удовлетворение культурно-бытовым обслуживанием в зонах работы, жилья и массового отдыха. Значимым было повышение жилищного комфорта с применением самых рациональных типов жилищ, современного инженерного оборудования и благоустройства. В журнале «На стройках России» в 1962 году пример Новосибирского Академгородка иллюстрировал создание сети обслуживания населения по принципу многоступенчатости. Она была представлена тремя типами зданий, в которых сосредотачивались основные предприятия торговли, общественного питания и культурно-бытового обслуживания: первичный пункт обслуживания, микрорайонный торгово-бытовой комбинат, городской торговый центр [8].

«Планировочная структура городов находилась в постоянном изменении, обусловленном развитием производительных сил, уровнем техники оборудования и обслуживания городов, ростом материальной и духовной культуры общества». Считалось, что советское градостроительство развивалось в условиях создания материально-технической базы коммунизма [23].

В программе КПСС была поставлена задача в течении 1961-1980-х гг. «разрешить самую острую проблему подъема благосостояния народа – жилищную проблему» [23, с. 3]. К 1980 году каждая семья, включая семьи молодых людей, должна была иметь отдельную, благоустроенную квартиру, соответствующую требованиям гигиены и культурного быта.

Предполагалось, что на первом этапе коммунистического строительства, в 1965-1970 гг. страна одержит значительные успехи в создании материально-технической базы коммунизма, что внесет необходимые коррективы в генеральные планы городов. Самый высокий уровень материального благосостояния народа должен был быть достигнут в 1970-80-е гг. когда «создадутся наиболее благоприятные условия во всех областях жизни – труда, образования, быта, отдыха, воспитания детей, удовлетворения духовных запросов» [23, с. 3-4].

Кроме того планировалось, что с ростом населения «будут еще активнее развиваться общественные формы жизни и непрерывно увеличиваться потребность в организованном обслуживании бытовых нужд» [23, с. 4].

В практике советского градостроительства было принято различать три группы учреждений культурно-бытового обслуживания:

1. Повседневного пользования (размещаемые вблизи жилья в радиусе 300-400 м. детские сады, продовольственные магазины, столовые, физкультурные площадки и т.д.).

2. Периодического пользования (размещаемые в радиусе 800-1000 м. от жилья: клубы и кинотеатры, магазины промышленных товаров, рестораны-кафе, почта-телеграф, отделения госбанка, поликлиника, аптека, физкультурные базы и сады для отдыха населения).

3. Общегородские (размещаемые обычно в центральной части города: театры, различные зрелищные залы, специализированные магазины, рестораны, предприятия бытового обслуживания, парки) [23, с. 4-5].

В советских городах застройка архитектурными ансамблями районов, площадей и улиц должна была все больше соответствовать новому представлению о городе-саде. «Это – открытые озелененные пространства, свободное и целесообразное расположение среди зелени жилых и общественных зданий, отсутствие сплошной застройки». Вместе с тем города должны были сохранять и развивать свои особенности, присущие ему черты, которые определяли индивидуальность его облика.

В этот же период на Западе активным образом шло осмысление происходящих в мире процессов урбанизации. Эти процессы рассматривались в различных аспектах, но зачастую обходили стороной урбанизацию в СССР и тему советского города. В 1955 году была издана работа Роуз Хам Ли «Город: Урбанизм и урбанизация в основных мировых регионах» [26]. Издание было подготовлено департаментом социологии Университета Рутгерса. В книге прослежена доминирующая роль городов, которую они играют в инициировании и увековечивании моделей поведения и институциональной организации общества. Анализируя предложенную автором теорию, можно подчеркнуть, что социалистический тип города формировал стратегии поведения людей, которые должны были жить в коммунистическом обществе.

Изменения, происходящие в городах, имеют длительную связь со многими комплексными факторами, такими как торговля, технологии, индустриализации и инновации. Изучение влияния этих факторов на общество, как считали зарубежные авторы необходимо делать, фокусируя внимание на росте и развитии западных городов. Предыдущие работы носили именно такой характер, однако издание Роуз Хам Ли включило в себя попытку проследить рост и развитие как западных, так и не западных городов с целью идентификации специфических видов центров социальной организации общества [26, с. 50]. Подобной отличительной спецификой обладали и советские города, социальная организация в которых была в середине XX века построена на принципах коллективизма. Наибольший интерес представляет глава книги «Город в пространстве и

времени». В ней рассматривается то, какие сложности несет для общества уникальный путь жизни, характеризуемый термином «урбанизм». Эта жизнь подвержена постоянным модификациям и изменениям. В качестве одного из главных исторических изменений на этом пути автор рассматривает индустриальную революцию [26, с. 7-8], которая в советском городе произошла в 1930-е гг. и создала новый тип города. В целом стоит отметить, что большое внимание автор уделяет таким регионам как Западная Европа, северная Азия, южная Азия и Океания, Африка, США. Советские города в работе почти не рассматриваются, так как автор называет их отдельным типом урбанизированной культуры, требующим специального изучения.

В 1972 году Институтом международного изучения совместно с Калифорнийским Университетом подготовлено двухтомное издание «Мировая урбанизация 1950-70-х гг.» [24] под редакцией Кангсли Девича. Данная книга стала подробной аналитической работой, в которой на материалах статистических данных и математических расчетов, были показаны основные тенденции развития урбанизационного процесса в мире. В отличие от предыдущих работ, здесь было уделено достаточное внимание советскому (коммунистическому) городу, который в сводных таблицах присутствует в качестве отдельного региона, наряду с Африкой, Азией и т.д. Разница между первым и вторым томом составила десять лет, которые стали именно тем срезом, за который прослежена динамика изменений. Использование математических методов, построение графиков функций и диаграмм, позволили составить детальное описание дальнейшего развития урбанизации в каждом из регионов на ближайшие тридцать лет. По поводу прогресса или регресса выявленной динамики дальнейшего роста, авторы не дают оценок, однако говорят о том, что отрицательных последствий этого процесса не меньше, чем положительных сдвигов в развитии общества [24, с. 15-16].

В англо-американской историографии всегда прослеживаются соответствующие общему экспансионистскому направлению развития этих стран тенденции. Поэтому в центре внимания были страны, которые находились на более низком экономическом уровне, чем США и Великобритания, в которых происходили постоянные изменения политических режимов, а также наблюдались специфические варианты урбанизации, наполненные национальными особенностями. Речь в данном случае идет о Латинской Америке, в частности, о Венесуэле, на примере которой был прослежен процесс связи между политикой и урбанизацией. Советский город при этом рассматривается отдельно, без детального анализа, но зачастую с противоречивыми оценками, связанными с общей характеристикой советского общества.

Рост негативных тенденций урбанизационного процесса исследовался в 1970-е гг. В связи с этим в 1976 году вышло многотомное издание «Урбанизация и контрурбанизация» [27]. Разумеется, контрурбанизирующий процесс был начат в Америке, где с середины и на протяжении второй половины XX века использовалась политика переселения людей из центров мегаполисов в пригородные зоны. Эти процессы, как отмечалось, отсутствовали в Советском Союзе, однако процесс создания новых городских районов, отдаленных от городского

центра, при крупных предприятиях, сравнивался с подобными субурбанизационными процессами на Западе. Поворотный момент, по мнению авторов, был достигнут в американском урбанизационном опыте, когда контрурбанизация заменила урбанизацию, став доминирующей силой формирования поселений в стране. Аналогичная тенденция была отмечена и в других странах Запада. Авторы пишут, что «В современном мире нет двух стран, которые бы сравнивали чаще, чем Советский Союз и Соединенные Штаты Америки. Отчасти это происходит потому, что у них есть огромные и часто конкурирующие сферы влияния в международных делах. Отчасти это просто потому, что они являются большими странами, с огромными ресурсами и аналогичных размеров популяцией, подверженной быстрой модернизации и технологическому прогрессу в совершенно разных социально-экономических системах. Кросс-национальные сравнения могут быть приняты на многих уровнях и со многими методологиями». Они могут варьироваться от случайных наблюдений путешественника до строгого анализа тщательно подготовленных данных учеными. С точки зрения автора Берри Брайна, различия в урбанизации США и СССР находятся в сильной зависимости от общественного устройства этих стран. В американских городах, где главным фактором городского строительства выступают рыночные силы, большую роль играет размещение промышленных предприятий. Менее интенсивное промышленное освоение в центре советских городов, где акцент делается на больших площадях и других объектах общественного назначения, истолковывается как представление социалистического характера советского общества и отсутствие рыночных схем в конкурсе на землепользование в центральном деловом районе. Это вылилось в вертикальную городскую планировку в США, и горизонтальную в СССР.

Также различия, несомненно, имеют свои корни в том, что совершенно разные отношения к собственно городу как объекту сложились в этих странах. В Советском Союзе положительное отношение к городу и городской жизни, одержало верх. Город стали рассматривать как выражение идеалов социалистического общества, в резком контрасте с сельской жизнью, которая постепенно трансформируется под влиянием городского образа жизни. В Америке, с другой стороны, города рассматривались с большим беспокойством. Вместе с тем быт сельской местности и малых городов были идеализированы как правильная настройка для поддержания желаемых социальных ценностей семьи, общества и личностной самореализации.

Томас Бон отмечает, что после принятия новой программы КПСС в 1961 году понятие «социалистический город» вышло из моды, а вместо него стало использоваться понятие «образцовый коммунистический город». Переставшее же использоваться понятие было актуально, по мнению автора, для двух исторических периодов – дискуссии урбанистов и дезурбанистов рубежа 1920-30-х гг., а также для создания унифицированного образца градостроительства в Восточной Европе после Второй мировой войны [2, с. 9]. В этой части хотелось бы расширить точку зрения автора, добавив, что в послевоенный период понятие

«социалистический город» не в меньшей степени было характерно и для новых городов СССР.

Анализируя западноевропейскую историографию проблемы, автор отмечает, что феномен «социалистического города» привлек внимание исследователей в 1979 году публикацией работы Энтони Р. Френча и Иена Ф.Е. Гамильтона по данной теме [2, с. 11]. В работе Дэвида Харви «Урбанизация капитала: Изучение в истории и теории капиталистической урбанизации» [25] проблемы роста городов рассматриваются в русле учения К. Маркса о капитализме. Связь экономики и урбанизации рассмотрена автором в различных аспектах, что подтверждено историческими примерами, в частности быстрого роста американского города Балтимора в период своего экономического процветания. Автором рассмотрен характер инвестиционного процесса и его влияние на жилищное строительство, рост торгово-промышленной зоны города, а вместе с тем и жилых кварталов для людей разного уровня достатка. Классовая структура и «Теория жилищной дифференциации» также подвергается осмыслению со стороны автора и подтверждается рядом реальных примеров роста американских городов и антагонистических отношений внутри них между разными классами, которые также присутствовали в советском городе, однако в завуалированном виде.

Таким образом, советский город в период форсированного строительства коммунистического общества в СССР, рассматривался в нашей стране в качестве идеального места проживания граждан и плацдармом для формирования «нового человека». Советские идеологи настойчиво продвигали эти идеи через каналы массовой пропаганды и в конечном итоге делали объектами данной пропаганды сами города. Подобные идеальные представления закономерно не разделялись представителями западных ученых. В центре их внимания находились проблемы возрастающей урбанизации, сходство и различие путей развития городов Западной Европы и США, а также развивающихся стран, а отдельным блоком исследования становились страны социалистического блока.

Литература

1. Ахундов Д.Н. К новым успехам в труде // Нефтяник. 1956. № 1. С. 5.
2. Бон Т.М. «Минский феномен». Городское планирование и урбанизация в Советском Союзе после Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2013. С. 9.
3. Генплан – основной закон градостроительства // На стройках России. 1962. № 4. С. 1.
4. Гугель В. Новый город на Волге // На стройках России. 1961. № 3. С. 21-23.
5. Дардик В. Планировка и застройка Новокуйбышевска и Волжского // На стройках России. 1962. № 1. С. 39.
6. Залеская Л. Недостатки в озеленении столицы // Архитектура и строительство Москвы. 1956. № 7. С. 12-17.

7. Зальцман А. Вопросы проектирования малометражных квартир // Архитектура и строительство Москвы. 1956. № 2. С. 8-12.
8. Карташова К., Образцов А. Организация обслуживания населения Новосибирского научного городка // На стройках России. 1962. № 5. С. 8-11.
9. Красота родного города // Совет депутатов трудящихся. 1959. № 9. С. 30-31.
10. Мотивилов Г. Заметки скульптора // Декоративное искусство СССР. 1958. № 4. С. 6-9.
11. Мямлин И. У молодых мастеров прикладного искусства // Культура и жизнь. 1958. № 7. С. 31.
12. Навстречу XX съезду КПСС // Нефтяник. 1956. № 1. С. 1.
13. Павлов С. Программа всей нашей работы // Молодой коммунист. 1960. № 10. С. 5.
14. Платонов Г., Поздняков П. Типы квартир для заселения с учетом структуры семей // На стройках России. 1962. № 1. С. 24.
15. По пути, начертанному Лениным // Архитектура и строительство Ленинграда. 1956. № 1. С. 2-3.
16. Программа Коммунистической партии Советского Союза. М.: Госполитиздат. 1974.
17. Рыженко В.Г. Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах (региональный аспект). Омск, 2010
18. Страментов А. Планировка города и организация движения // Архитектура и строительство Москвы. 1956. № 2. С. 29-31.
19. Толстой В. Монументально-декоративная живопись // Декоративное искусство СССР. 1958. № 3. С. 10-11.
20. Чентемиров Н. Все резервы на дальнейшую индустриализацию строительства // На стройках России. 1962. № 2. С. 18.
21. Швидковский О. Город новой эпохи // Молодой коммунист. 1960. № 6. С. 84-85.
22. Шкварников В. Новый облик Советских городов // Культура и жизнь. 1958. № 7. С. 12.
23. Шкварников В. Важнейшие проблемы планировки и застройки городов // На стройках России. 1962. № 4. С. 2-5.
24. Devis K. World Urbanization 1950-1970. Volume II: Analysis of Trends, Relationships and Development. Berkeley. 1972.
25. Harvey D. The Urbanization of Capital: Studies in the History and Theory of Capitalist Urbanization. Baltimore. 1985.
26. Rose Hum Lee The city: Urbanism and urbanization in major world regions. Chicago, NY, Philadelphia. 1955.
27. Urbanization and Counter-Urbanization / Edited by Berry B. London, 1976. 334 p.

Куренышева Е.П. Феномен советского общества в английской и американской историографии¹

Аннотация. Статья посвящена обзору и анализу работ английских и американских авторов по темам, связанным со становлением и формированием советского общества в послеоктябрьский период истории. Основными темами, привлёкшими внимание английских и американских историков стали темы, связанные с массовой мобилизацией советского населения на социалистическое строительство; стратификация и иерархия советского общества; методы поддержания и удерживания социальной стабильности; роль женщин в советском обществе; феномен многонационального советского общества.

Ключевые слова: феномен советского общества; английская и американская историография; ревизионистская историография; концепция «массовой мобилизации»; социальная история; радикализация политического процесса; социальная дифференциация и иерархия советского общества; средства поддержания социальной стабильности.

Kurenysheva Ekaterina. Phenomenon of Soviet Society in English and American Historiography

Abstract. Article is devoted to the works of English and American historians on the problem of formation soviet society. The key attention is concentrated on the works published at last thirty years. Creating of soviet society is directly connected with process of industrialization, collectivisation and cultural revolution. Now historians – researchers pay the increasing attention to the problem of social stratification and inequality in soviet society. English and American historians demonstrated soviet society as multiform and complex phenomenon.

Keywords: social history; English and American historiography; radicalization of the political process; phenomenon of Soviet Society; social stratification and inequality in soviet society; the problem of stability in soviet society.

Феномен советского общества был в английской и американской историографии признан достойным исследования и стал как таковой изучаться во второй половине XX – начале XXI века. В послеоктябрьской историографии, работах 20-х – 50-х годов XX в. речь чаще шла о большевиках – узурпаторах власти и тёмных неграмотных массах, давшим большевикам прийти к власти и ставшим их жертвами в дальнейшем. В начале 90-х годов XX века в связи с распадом СССР и социалистической системы завершился период жёсткого идеологического противостояния между СССР и США. Это привело к существенным переменам в американском российеведении. На смену публикациям, противопоставлявшим историю США как демократического общества истории СССР как тоталитарного государства, стали приходиться работы, исходившие из идеи сходства российско-советского и западноевропейского исторического опыта. Редакция журнала «Russian Review», отстаивавшая во времена «холод-

¹ Куренышева Екатерина Павловна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории МПГУ, г. Москва; Kur-Ekaterina@yandex.ru.

ной войны» идеологию несовместимости истории России и Запада, в новых условиях предложила своим авторам переориентироваться на изучение советской истории в сравнительной перспективе. Один из соредакторов «Russian Review» Д. Хофман подчеркнул, что «многие черты советского социализма были частью более общих европейских тенденций... В идеале советская история должна быть помещена в международный контекст через сравнение с историческим развитием во всём мире в двадцатом веке» [23, р. VII].

Объективизация подходов к российско-советской истории, вызванная снижением идеологического накала, усилила позиции тех американских историков, которые ещё в 60-е – 70-е годы XX века стали формировать так называемую «ревизионистскую» социальную историю России-СССР. «Ревизионистская» историография противостояла «тоталитарной», изображавшей перемены в советской истории как следствие политики «сверху» государственной власти. Сторонники тоталитарной доктрины «массовой» мобилизации Дж. Кип, Дж. Ейни, Г. Роджер исходили из того, что большевистская партия, превратив в эффективное средство мобилизации масс различные общественные организации такие как крестьянские земельные комитеты, Советы, заводские и солдатские комитеты, профсоюзы, захватила власть с целью проведения выгодной для себя политики [26, 31, 38]. Р. Дэниэльс доказывал, что то, что «случилось 24 октября 1917 года было» во многом результатом «рискованной игры», затеянной большевиками [25]. Главное, по мнению Дж. Кипа, «процесс, посредством которого революционные активисты 1917 года превратились в комиссаров 1918 года, ведомые организациями, утратившими связь с народом» [26].

Суть концепции социальной истории в том, что характер событий рубежа XIX-XX веков определялся не столько партиями и властью, сколько конфликтом между социальными слоями. «Моё собственное убеждение – пишет Р. Суни, обобщивший исследования своих коллег в области социальной истории России, – таково, что всё больше и больше групп рабочих наряду с солдатами, матросами и другими («низшие классы») испытывали чувство замкнутости и отчуждённости как в социальном, так и в политическом плане от ценового общества («имущие классы»)» [33]. В. Боннель, как и другие социальные историки, проводит параллели между радикализацией рабочего движения в 1905-1917 годах в России и более ранним периодом индустриального развития в Европе. В. Боннель считает, что «радикальные идеи и социалистическая идеология находили внушительный отклик среди квалифицированных нефабричных групп и «заводских мастеровых» – рабочих с относительно развитой социальной самооценкой, чувством гордости и независимости и верой в их право на лучшую жизнь» [21, р. 454]. Одним из факторов формирования «революционных, но не реформистских устремлений» рабочих В. Боннель считает разобщённость социал-демократического движения: «меньшевиков поддерживали профсоюзы рабочих-металлистов», «большевики же имели наиболее энергичных и воинственно настроенных последователей среди пекарей, портных и других ремесленников, а также среди некоторых групп индустриального населения» [21, р. 454].

Предпосылки для перехода к объективному и уравновешенному исследованию феномена советского общества дали английские и американские историки 80-х – 90-х гг. XX в., поставившие самих творцов революции – рабочих, солдат, крестьян, выше большевиков, их всевластия. В частности Д. Кенкер, Д. Мандель, В. Боннель, Л. Энгельстайн, Ст. Смит, Р. Уэйд признали, что события 1905-1918 годов объективно вели к созданию нового общества как советского общества, которое создавалось не столько большевистской партией, сколько организованными рабочими, reagировавшими на «изменение политико-экономической ситуации...» [21; 22; 28; 30; 36; 37]. Западные историки обращают внимание на то, что среди рабочих выделялись молодые малоквалифицированные рабочие, заряженные идеями политического переустройства России [32]. Уже к 1905 году- году начала революции в России – неприменимо, как показали американские историки, понятие «народа» как единого целого [14, с. 18-19]. Выделившийся рабочий класс, осознавший в ходе революции 1905-1907 годов свою отчуждённость от цензового общества, в дальнейшем всё более спланивался и укреплялся.

«Радикализация» – понятие, ключевое в американской социальной истории России. Процесс радикализации, как показывает Д. Кенкер, набирал «силу в ответ на влияние специфических экономических и политических обстоятельств» и «отражал политическое созревание всё большего числа рабочих» [28, р. 361]. Итогом радикализации стало то, что «именно рабочие определили направление революции, придали ей организованность, обеспечили большую часть её наиболее активных сил» [30, р. 417]. Характер событий 1917 года в Петрограде определялся преобладанием в структуре рабочего класса так называемых крестьянских рабочих, рабочих-женщин и рабочих молодых или «новых рабочих», составлявших около 60% рабочей силы [36, р.3 5-40].

Именно данные группы и определили в послеоктябрьский период вектор строительства нового общества.

Ш. Фицпатрик считает, что советское общество 30-х гг. XX в. почти не включало сельское население, за исключением «молодых крестьян, собиравшихся покинуть деревню и устроить свою жизнь в городе» [19, с. 351] Примечательную особенность советской власти в деревне Ш. Фицпатрик видит в слабости или даже отсутствии большевистского влияния. Деревенское общество представляло собой самодостаточный коллектив, занимавшийся распределением льгот и контролировавшим колхозное имущество [19, с. 196-228]. Если в России и произошло превращение «крестьян в советских граждан», то это – резюмирует Ш. Фицпатрик – случилось уже после Второй мировой войны» [19, с. 351].

Основными чертами советского общества 20-х – 30-х гг. XX века, как показала Ш. Фицпатрик, стали дискриминация населения по классовому признаку, деклассирование населения, новая социальная иерархия, предопределявшая степень обладания привилегиями и жизненными благами, формирование целого комплекса путей и способов выживания и продвижения вверх по социальной лестнице в условиях почти полного огосударствления всех сфер жизни. Для подкрепления своих выводов Ш. Фицпатрик ссылается на исследования рос-

сийских историков, в частности Е.А. Осокиной [10], показавшей, что в 30-е годы сформировалось дифференцированное отношение к снабжению продуктами питания и обеспечению жизненными благами различных категорий населения: работников партийно-государственного аппарата, красноармейцев, иностранных специалистов, индустриальных рабочих и других.

Советское общество было строго иерархизировано, оно не было однородным. Советское общество было дифференцировано на слои, относящиеся к высшему, среднему и низшему уровню. Наиболее ясный критерий дифференциации – место конкретного слоя в системе потребления социальных благ. Особое положение в системе распределения жизненных благ занял партийно-государственный аппарат, который пользовался специальными закрытыми распределителями, бесплатным проездом на транспорте, снабжался разнообразной продукцией по высоким нормам, имел особые пайки, льготы по квартплате и налогам. Право распределять квартиры и автомашины, привязываемое к статусу партийно-государственного работника, со временем стало восприниматься как естественное. По мнению Л. Сигельбаума, попытка государства удовлетворить индивидуальные желания членов партии, стремившихся занять автомашины, пользуясь своим особым статусом, «повлекла за собой целый ряд компромиссов и уступок, приведших в конце концов к распаду страны» [15, с.425]. Система социального неравенства формировалась постепенно.

Доступ различных категорий населения к потребительским товарам был иерархизирован. Особые нормы и условия снабжения предусматривались для индустриальных рабочих, особенно ударников, а также красноармейцев. Выделялись иностранные специалисты. В отношении крестьян-колхозников снабжение стало орудием карательной политики [11]. Корпоративный принцип социального устройства отразился в таких знаках социального статуса как чины, звания и форменная одежда [18, с.130-134]. Критерии продвижения по социальной лестнице: партийная принадлежность, партийный стаж, соответствующее социальное (рабоче-крестьянское) происхождение, определённые половозрастные характеристики, приверженность атеизму, прохождение через рабкоровское движение, ударничество, выдвиженчество.

Высшая страта общества в 30-е годы представлена группой административно-управленческого персонала, численность которой к концу 30-х годов выросла в 6 раз по сравнению с 1926 г.

Средняя страта – идеологические работники, пропагандисты разного уровня, профессора и преподаватели средних специальных учебных заведений и вузов. В 30-е гг. в среднюю страту входили «знатные люди», выдвинувшиеся из ударников, стахановцев, выдвиженцев. Их поощряли, премируя швейными машинами, отрезами тканей, патефонами, автомобилями [18, с.92-93,126-127].

На нижних ступенях социальной лестницы находились лишенцы, тылоополченцы, спецпереселенцы, заключённые и различные другие категории населения. Численность лишенцев, не имевших избирательных прав, достигла своего пика – 4 млн. человек – к 1928-1930 гг. Одну четвертую часть лишенцев составляли торговцы и посредники. Тылоополченцы формировались из детей

лишенцев, достигших возраста призыва в армию. В тыловое ополчение зачислялись также «религиозники» – граждане, освобождённые от службы в армии по религиозным мотивам.

Как удавалось в советском обществе, дифференцированном на социальные группы и слои, добиваться единства в достижении целей, поставленных властью?

Власть поддерживала и укрепляла мифологическое сознание советского общества. Ш. Фицпатрик особое значение отводит мифу о «светлом будущем», повсеместно внедрявшемуся в сознание советских людей. Немаловажную роль в сплочении общества на этапе индустриализации и модернизации должен был сыграть миф об отсталости дореволюционной России и великой миссии советского народа в процессе разрыва с отсталым прошлым и прорыва к «светлому будущему». Непрерывную угрозу нависшей над советской страной войны, о которой «ни на минуту не забывали», Ш. Фицпатрик также относит к разряду мифов, позволявших сконцентрировать усилия общества на ближайших практических целях создания и укрепления военной-промышленной базы СССР [18, с. 15-18].

Ст. Коткин в книге «Гора Магнитная: сталинизм как цивилизация» на материалах о г.Магнитогорске и его жителях развертывает картину интеграции советских граждан в большое сообщество через «игры в социальную идентификацию», включающую разнообразные варианты воздействия классовой идеологии на «личные свойства индивидов» [29].

Р. Дэниэльс, ещё в 60-е годы поразивший исследователей подбором фактов на тему «случайности» Октябрьской революции, предлагает теперь исследование на тему эволюции советской системы и её идеологии. Он считает, что живучесть советского общества была связана со способностью партийно-государственной верхушки менять ключевые идеологические понятия по мере того, как предыдущие теряли свою актуальность [5].

Дж.М. Истер развивает идею о «патронах» и «клиентах», выдвинутую Ш. Фицпатрик, показывая, что личные связи и зависимости пронизывали советское общество, способствуя распространению власти большевиков [6].

Основными средствами поддержания социальной стабильности советского общества стали особая роль партгосаппарата как хранителя государственной идеологии; жёсткая групповая солидарность партгосработников с отказом от дискуссий, внутривнутрипартийными чистками и репрессиями, что позволило сформировать уже к концу 20-х годов образ «монолитного» авангарда общества.

Кадровая политика ВКП(б) приобрела со временем особое значение. В исследовании Э. Модсли и С. Уайта раскрывается механизм использования бюрократического партийно-государственного управленческого аппарата в целях воздействия как на членов партии, так и на всё советское общество [9] Сила ВКП(б), её идеология и организованность были столь внушительны, что даже репрессированные коммунисты, возвращавшиеся из ГУЛАГа, сохраняли верность партии и её идеям. Об этом пишет Н.Адлер [1].

Важными средствами поддержания веры в «единство власти и народа» были безальтернативные выборы в советские органы власти, обеспечивавшие

99 и более процентов голосов за кандидатов блока коммунистов и беспартийных, контроль за настроениями масс посредством диалога власти с народом через письма трудящихся во власть, прослушивание и «простукивание» общества агентами НКВД, репрессии против населения, не зависевшие от социального статуса гражданина. Сформировались новые социальные типы людей, отражавших связь партийно-государственной элиты с беспартийной массой: рабкоры, ударники, выдвиженцы. С. Дэвис посвящает целую монографию исследованию общественного мнения 30-х – 40-х гг. XX в. Она показывает как разнообразны были методы приручения общественного мнения, отсечения инакомыслия и перенаправления мыслей советских граждан в русло, необходимое власти [4].

Американскими учеными Дж. Арчем Гетти и У. Чейзом по разным опубликованным источникам был создан банк данных по биографиям 898 известных лиц в г. Москве в 1930-е годы (государственные работники, военные, ученые и т. д.). Банк данных был использован для того, чтобы попытаться установить, были ли какие-либо закономерности в развязывании массовых репрессий в 1937-1938 гг., то есть в годы так называемой ежовщины. В качестве объективных показателей, создававших риск подвергнуться репрессиям, рассматривались социальный статус и социальное происхождение, образование, национальность, партийность (в том числе меньшевистская в прошлом), партийный стаж, участие в оппозиции. Однако ни один из признаков, взятый в отдельности, не устанавливал устойчивых закономерностей в развязывании «ежовщины». К выводу о том, что не удаётся выявить ясные критерии отбора «врагов народа» пришла и В.З. Голдман [3]. Построение многофакторной модели, учитывающей совместное влияние всей совокупности этих объективных признаков, позволило распространить их примерно на четверть от общего числа лиц, составивших банк данных [24]. Таким образом, «ежовщина» не получала в целом «рационального» объяснения, и должна быть связана с влиянием множества субъективных факторов, типичных для периодов всплесков немотивированных гонений.

Репрессии стали следствием расширенного толкования органами внутренних дел своих функций – считает Д. Ширер. Он показывает, что охрана общественного порядка была способом формирования советского общества [20].

В.З. Голдман делает вывод о том, что особенностью развития большевистской партии и советского общества стали волны «саморазоблачений» [3]. Данная мысль перекликается и с недавними исследованиями российских авторов. В частности в книге С.А. Павлюченкова отмечается, что «регулярные походы бюрократии против самой себя ...стали почти ритуальными». Бюрократию Павлюченков сравнивает с гоголевской "унтер-офицерской вдовой", публично сёкшей себя на утеху социалистическим низам. «НЭП – пишет С.А. Павлюченков – видел шесть или семь подобных широко возвещаемых крестовых походов против бюрократизма» [13, с. 208]. Подобный метод саморазоблачений и самобичеваний был ещё одним способом не потерять доверие общества, поддержать

в нём свой определённый авторитет и, тем самым, сохранить стабильность советского общества.

Американские исследователи считают, что стабильность советского общества сохранялась длительное время также благодаря тому, что властям удавалось обеспечивать поддержку тех социальных слоёв и групп, которые цементировали общество и позиция которых могла привести к конфликту. Опору власти западные исследователи видят в молодёжи и женщинах, включившимся в социалистическое строительство. В.З. Голдман в своей монографии показывает, что вовлечённость женщин в сферу промышленного производства не могла не повлиять на характер советского общества, способствовала его сплочению и позитивному настрою [4].

В ставшей классической книге профессора Гарвардского Университета Т. Мартина развивается концепция «положительной деятельности» советского государства по поддержанию малых наций, их культуры, языка, территории. Т. Мартин считает, что поддержка малых наций была преимущественно внешней [7]. В другом исследовании уже упоминавшийся Р. Суни, провозгласивший в 80-е гг. XX в. рождение в американской историографии новой социальной истории применительно к большевистской и советской России [34], совместно с другими авторами (в том числе Т. Мартином) раскрывают пути и механизмы сплочения многоэтнического населения в советское общество [17].

Таким образом, в английской и американской историографии создан неоднозначный образ советского общества. Одни исследователи восхищены образами людей, с которыми они познакомились через архивные материалы. Как пишет Сигельбаум, «мы [американские историки рабочего класса, – *Е.П. Куреньшева*] были очарованы – и потрясены – тем, что было сделано во имя построения социализма» [16, с. 61]. Другие смотрят на советскую историю свысока, не высвободившись окончательно от определённых заданных предшествующей западной историографией стереотипов.

В целом же английские и американские исследователи создали многоаспектную картину советского общества. В центре внимания западных авторов механизмы взаимодействия партийных органов, советского государства и общества, способы влияния на индивидуальное самосознание людей через их включённость в социальную иерархию, динамика социальных изменений, роль различных половозрастных и этнических групп в развитии советского общества. Особенностью современной английской и американской историографии стало то, что она испытывает влияние идей, концепций, работ советских и современных российских учёных.

Взаимодействие американских и российских учёных в процессе исследования социальной истории России – это ещё одно новое явление, пришедшее на смену голословным обвинениям западных историков в фальсификациях и запрограммированной лжи, типичным для 50-х – 60-х годов XX века.

Влияние американской социально-исторической науки побудило российского учёного Б.Н. Миронова к переосмыслению российской истории и написанию крупного труда [8], вызвавшего целую дискуссию в отечественной исторической науке [12]. Б.Н. Миронов учёл в своём труде более 800 работ запад-

ных учёных. Суть концепции Б.Н. Миронова заключается в том, что к началу XX века Россия продвигалась по пути модернизации, изживания общинных отношений и становления гражданского общества. В социальном, культурном, экономическом и политическом отношениях Россия изменялась в тех же направлениях, что и другие европейские страны. Октябрьская революция стала антимодернистской. Большинство народа участвовало в революции во имя восстановления погрязших ускоренной модернизацией традиционных устоев народной жизни. В Советской России был воспроизведён социальный строй общины. Результаты советской модернизации оказались неоднозначными. Формула советской модернизации сводилась к технологическому и материальному прогрессу на основе традиционных социальных институтов. Отказ от политической и социальной модернизации имел печальные последствия.

Б.Н. Миронову, таким образом, удалось построить целостную концепцию российской истории и преодолеть концептуальную слабость, присущую многим конкретно-историческим исследованиям отечественных историков.

Изменения, происходящие в американском руссификации рубежа XX–XXI веков, открывают новые возможности для сотрудничества российских и американских учёных и совместного познания российской и недавней советской истории.

Литература

1. Адлер Н. Сохраняя верность партии. Коммунисты возвращаются из ГУЛАГа / Пер. с англ. М., 2013.
2. Голдман В.З. Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии / Пер. с англ. М., 2010.
3. Голдман В.З. Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий / Пер. с англ. М., 2010.
4. Дэвис С. Мнение народа в сталинской России: террор, пропаганда и инакомыслие, 1934-1941 / Пер. с англ. М., 2011.
5. Дэниэльс Р.В. Взлёт и падение коммунизма в России. 1917-1991 / Пер. с англ. М., 2011.
6. Истер Дж.М. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты / Пер. с англ. М., 2010.
7. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм, 1923-1939 / Пер. с англ. М., 2011.
8. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX века). В 2-х т. СПб., 2003.
9. Модсли Э., Уайт С. Советская элита от Ленина до Горбачёва. Центральный комитет и его члены, 1917-1991 / Пер. с англ. М., 2011.
10. Осокина Е.А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928-1935 гг. М., 1993.

11. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927-1941. М., 1998.
12. Отечественная история, 2000, № 6. С. 43-93.
13. Павлюченков С.А. «Орден меченосцев». Партия и власть после революции. 1917-1929 гг. М., 2008.
14. Розенберг У. История России конца XIX – начала XX веков в зеркале американской историографии // Россия XIX-XX веков. Взгляд зарубежных историков. М., 1996.
15. Сигельбаум Л. Машины для товарищей. Биография советского автомобиля / Пер. с англ. М., 2011.
16. Сигельбаум Л. Поздний роман с советским рабочим в западной историографии//Социальная история. Ежегодник, 2004.М., 2005.
17. Суни Р.Г., Мартин Т. Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / Пер. с англ. М., 2011.
18. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город/пер. с англ. М., 2001.
19. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня / Пер. с англ. М., 2008.
20. Ширер Д.Р. Сталинский военный социализм. Репрессии и общественный порядок в Советском Союзе, 1924-1953 / Пер. с англ. М., 2014.
21. Bonnel V. Roots of Rebellion: Worker's Politics and Organisations in St. Petersburg and Moscow, 1900-1914. University of California Press/ Berkeley, Los Angeles. 1983. P. 454.
22. Engelstain L. Moscow, 1905: Working-class organisation and political conflict. Stanford, 1982.
23. From the Editor. Soviet History in Comparative Perspective // Russian Review. Vol. 57. № 4. 1998.
24. Getty Arch J., Chase W. Patterns of Repression Among the Soviet Elite in the Late 1930s: A Biographical Approach // Stalinist Terror: New Perspectives / Ed. by J. Arch Getty and Roberta T. Manning. Gamb., Mass., 1993.
25. Daniels R.V. Article to Editor // The AmericanHistorical Review. Vol. 88. Oct.1983. № 4. P. 1138, 1139.
26. Keep J. Article to Editor // The AmericanHistorical Review. Vol. 88. Oct. 1983. № 4. P. 1139-1140.
27. Keep J. The Russian Revolution. A Study in Mass Mobilization. London, 1976.
28. Koenker D. Moscow Workers and the 1917 Revolution. Princeton, 1981.
29. Kotkin St. Magnetic Mountain:Stalinism as a Civilization. Berkeley.1994.
30. Mandel D. The Petrograd Worker's and the Soviet Seizure of Power. N.Y., 1984.
31. Rogger H.Russia in the Age of Modernisation and Revolution, 1881-1917. N.Y., 1983.
32. Rosenberg W.G. Russian Labour and Bolshevik Power After October // Slavic Review. Vol. 44. № 2, Summer, 1985. P. 213-238.

33. Suny R.G. Professor Suny Replies // The American Historical Review. Vol. 88. Oct. 1983. № 4. P. 1140.
34. Suny R.G. Towards a Social History of the October Revolution // The American Historical Review. Vol. 89. Febr. 1983, №1. P. 31-52
35. Surh G.D. 1905 in St.Petersburg. Labor, society and revolution. Stanford, 1989. P. 411.
36. Smith S.A. Red Petrograd. Revolution in the Factories, 1917-1918. N.Y., 1983.
37. Wade R. Red Guards and Worker's Militias in the Russian Revolution. Stanford, 1984.
38. Yaney G. The Urge to Mobilize: Agrarian Reform in Russia, 1861-1930. Urbana, 1982.

Леонов С.В. Советская модернизация в исторической ретроспективе¹

Аннотация. Статья посвящена историческому анализу советской модернизации. Исследуются и уточняются статистические данные, характеризующие развитие экономики, человеческие и иные жертвы, понесенные страной в течение советского периода. Выявляются основные особенности и результаты этой модернизации в сопоставлении с другими странами. Делается вывод о том, что советская модернизация была крайне расточительной, неэффективной и закономерно провалилась.
Ключевые слова: Октябрьская революция, советская модернизация, экономика, особенности, жертвы, результаты, сравнительный анализ

Leonov S.V. The Soviet modernization in historical retrospective

Abstract. The article is dedicated to the historical analyses of the Soviet modernization. It provides with more accurate and updated statistics regarding the development of the economics, human and other victims during the Soviet period. It explores the main peculiarities and results of this modernization as compared with other countries. So it is revealed that the Soviet modernization was extremely wasteful, inefficient and naturally failed.

Keywords: The October Revolution, Soviet modernization, economics, peculiarities, victims, results, comparative research.

С каких бы позиций не рассматривать Октябрьскую революцию, очевидно, что она означала не только взятие власти большевиками, но в итоге – и реализацию ими новой социальной модели, при которой Россия совершила завершающий шаг от аграрного общества к индустриальному.

Решающий вклад в изучение и осмысление экономических и социальных результатов этой специфической модернизации внесли экономисты. Они, в частности, смогли подметить ее главную особенность, связанную с тем, что она

¹ **Леонов Сергей Викторович**, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Института социально-гуманитарного образования МПГУ, г. Москва; s-leonov@yandex.ru.

сопровождалась не развитием частной собственности, гражданского общества и индивидуальных свобод, а, напротив, их уничтожением, а соответственно – и ликвидацией естественных движителей экономического и политического развития страны. Несмотря на ускоренное завершение индустриализации, она не ликвидировала традиционного общества, а напротив, законсервировало и модифицировало (трансформировало) ряд его существенных элементов [1].

Что историки могут добавить к выводам экономистов? Главным образом, конкретно-исторические механизмы, особенности и компаративистский анализ результатов советской модернизации.

Прежде всего, стоит обратить внимание на то, что до Октябрьской революции и первое время после нее большевики не имели планов сколько-нибудь масштабной экономической модернизации, преодоления отсталости страны, а предполагали главным образом политическое и социальное преобразование России. Неудивительно, что у них господствовало явно облегченное представление о времени и путях построения социализма. – «Я очень хорошо помню, – писал Л.Д. Троцкий, – как в первый период, в Смольном, Ленин на заседаниях Совнаркома неизменно повторял, что через полгода у нас будет социализм» [5. С. 220]. Применительно к «социализму», даже термин «строительство» утвердился лишь в 1920-1930-е гг., заменив собой «осуществление», «введение» и т.п. понятия, бытовавшие накануне и в первые годы после Октябрьской революции, как в обществе, так и в большевистской партии.

Утопические воззрения на сроки реализации и сложность задачи построения социализма объяснялись прежде всего тем, что под влиянием марксистской доктрины большевики надеялись на скорую мировую революцию, а соответственно – на объединение с победившим пролетариатом Германии и других индустриальных держав. «Задержка» мировой революции привела к существенной коррекции взглядов большевиков и с 1925-1926 гг. выдвинула на первый план задачу «индустриализации». Последняя была призвана не только создать «материально-техническую базу социализма» в СССР, но в первую очередь, обеспечить выживание большевистского режима в капиталистическом окружении и реализацию экономических и военно-политических предпосылок для «торжества социализма по всему миру».

Ключевыми, хотя и не афишируемыми официально, особенностями советской модернизации стали: 1) создание и поддержание (в т.ч. путем модификаций) тоталитарного коммунистического режима и мобилизационной модели экономики, обеспечивавших лояльность населения, беспрепятственное изъятие ресурсов общества и концентрацию их на «ударных» задачах; 2) приоритетное развитие армии, ВПК, связанных с ним отраслей тяжелой промышленности, науки; 3) нацеленность на внешнеполитическую, нередко – на откровенно военную экспансию (с середины 1950-х гг. – и на ускоренный рост «мягкой силы» СССР, отсюда – космос, большой спорт и т.п.).

Ресурсы для этих глобальных задач черпались за счет ограбления деревни, других отраслей, социальной сферы и населения в целом (до середины 1950-х гг.), а с конца 1960-х – 1970-х гг. – за счет наращивания экспорта нефти и газа. В условиях резкого роста мировых цен они сlixвой заменили хлеб –

главный источник валюты в сталинскую эпоху. Примечательно, что уже с 1930-х гг. в социалистической модернизации («реконструкции», «социалистическом строительстве» и т.п.) и соответствующей пропаганде акцент стал делаться на экономической составляющей и прежде всего – на развитии тяжелой промышленности. Новый тур социальной реконструкции, связанный с курсом на «развернутое строительство коммунизма», уже вскоре провалился и был тихо «забыт».

Как же можно оценить результаты экономической модернизации СССР?

По данным советской статистики, страна развивалась исключительно быстро. – За 70 лет, с 1917 по 1986 г. его валовой общественный продукт увеличился в 132 раза, а продукция промышленности – в 330 раз! По сравнению с 1960 г., продукция советской промышленности выросла в 5,1 раза, в то время как США – лишь в 2,6 раза [3, с. 5, 656.]

Однако советская статистика, выполняя (в числе прочих) агитаторско-пропагандистскую функцию, была в значительной мере фальсифицированной и не сопоставимой с западной. Еще на рубеже 1980-1990-х гг. Г.И. Ханин, В.И. Селюнин и некоторые другие исследователи начали пересмотр советской статистики, но до сих пор он так и не завершен, и «лукавые цифры» Госкомстата СССР продолжают широко использоваться в нашей стране. Это серьезно затрудняет научный анализ итогов советской модернизации и способствует устойчивости прежних мифологем в современной России.

Гораздо более корректная – не бесспорная, но, по меньшей мере, добро-совестная, сопоставимая и признанная в мире – западная статистика позволяет по-иному взглянуть на результаты советской модернизации.

Прежде всего, данные международной статистики свидетельствуют, что по объему валового внутреннего продукта (ВВП) – т.е. по масштабам экономики в целом, – советская модернизация практически не продвинула страну в мировой «табели о рангах»! – На 1913 г. по этому интегрирующему показателю Россия занимала 4 место в мире, ее ВВП – в круглых цифрах – составлял 265 млрд. долларов. (Здесь и далее – все цифры, сопоставимые расчеты приведены в международных долларах 1990 г. – СЛ). ВВП США в том году составлял 517 млрд. долл., Германия – 280, Великобритания – 230 (правда, с колониями – 565 млрд. долл., что означало, что даже накануне первой мировой войны Британская империя в целом оставалась крупнейшей в мире экономической системой) [2. С.57]. По подсчетам А. Мэдисона, Россию (без Польши и Финляндии) на 1913 г. обгонял еще и Китай. – Хотя в расчете на душу населения ВВП в Поднебесной империи за предыдущее столетие не только не вырос, но даже уменьшился, в силу огромного, более чем 437-ти миллионного населения страны, общий объем ВВП страны превышал в 1913 г. 241 млрд.долл., в то время как России – лишь 232 млрд.

В 1990 г. ВВП СССР составлял почти 2 трлн. долларов (1,988), в то время как США – 5,8 трлн., Японии – 2,3 и Китая – 2,1 [6, с. 86, 98, 99, 170]. Таким образом, даже к концу своего существования Советский Союз по-прежнему занимал 4 место в мире, как и императорская Россия накануне первой мировой

войны! Это ключевое обстоятельство выбивает почву из-под представлений об успешности советской модернизации.

Вышеприведенные цифры свидетельствуют о том, что из крупнейших экономик мира СССР развивался существенно медленнее не только Японии (хотя в противоположность ему, та проиграла вторую мировую войну и была крайне обделена природными ресурсами), но, – что особенно показательно, – еще и США! Вопреки официальной пропаганде, Советский Союз за все время своего существования не смог приблизиться, а в итоге даже заметно увеличил свое отставание от экономического лидера XX столетия по объему ВВП. В царской России в 1913 г. этот ключевой показатель, по нашим подсчетам, составлял 51,3% от уровня США, а в СССР в 1990 г. – всего 34,3%! Как будет показано ниже, такое отставание было во многом связано с расточительным, мягко говоря, отношением советских властей к собственному населению. Сказалась и неэффективная для мирного времени «мобилизационная» модель экономики, с ее милитаризацией, автаркией и «хроническим», не менее чем полувековым пренебрежением к сельскому хозяйству, легкой, пищевой промышленности, сфере услуг и другим «неприоритетным» отраслям, слабость стимулов к научно-техническому прогрессу у предприятий и народном хозяйстве в целом.

Попробуем теперь оценить важнейшую качественную характеристику – уровень экономического развития России в итоге социалистической модернизации. Главным интегрирующим показателем данного уровня является ВВП на душу населения. Как известно, структура отечественной экономики, благодаря ускоренному развитию тяжелой промышленности, варварской коллективизации и другим факторам, за годы советской власти претерпела масштабные изменения и по отдельным параметрам приблизилась к развитым странам. С ВВП на душу населения наблюдалась иная картина.

В царской России он был близок не к развитым, а к верхней группе развивающихся стран и к общемировым показателям. В 1913 г. ВВП на душу населения составлял 1 488, а в СССР в 1990 г. – 6 878 долл. В странах, близких по этому показателю к дореволюционной России, ВВП на душу населения вырос за 1913-1990 гг. следующим образом: в Японии – с 1 387 до 18 789 долл., в Финляндии – с 2 111 до 16 866; в Турции – с 1 213 до 5 445; в Венесуэле – с 1 104 до 8 313, в Бразилии – с 811 до 4 923 долл. и т.д. [6, с. 60, 61, 100, 101, 157, 180, 184, 187].

Эти цифры красноречиво свидетельствуют, что по сравнению с другими странами, советская модернизация не обеспечила России экономического превосходства. СССР развивался темпами, близкими к среднемировым, сопоставимыми, например, с Турцией, и заметно уступавшими Финляндии, Венесуэле, Бразилии и ряду других стран. Несмотря на явные, но «точечные успехи» в развитии военно-промышленного комплекса, связанной с этим тяжелой индустрии и научно-технической сферы, в целом Россия за более чем семь десятилетий советской власти так и не смогла стать экономически развитой страной.

Более того, само утверждение и функционирование советской модели сопровождалось колоссальными человеческими жертвами. Лишь в годы гражданской войны 1917-1922 гг. население страны сократилось на 12,7-15 млн. чело-

век (включая примерно 2 млн. эмигрантов). Потери всех 38 стран, участвовавших в первой мировой войне и представлявших 3/4 населения Земного шара, составляли 10 млн. человек, т.е. были существенно меньше потерь одной лишь России в гражданской войне! В результате массовой коллективизации, раскулачивания, спровоцированного сталинскими властями голода 1932-1933 г. и прямых репрессий только между двумя переписями 1926 и 1937 гг., даже по самым минимальным подсчетам, потери населения в СССР составили 11 млн. человек [4]. При этом, массовые репрессии продолжались до середины 1950-х гг. В Великую Отечественную войну погибло, по официальным оценкам, примерно 27 млн. (по консервативным неофициальным, до 39 млн.), от голода 1946-1948 гг. и связанных с им эпидемий – до 2 млн. человек.

О войнах и вооруженных конфликтах стоит сказать отдельно. По нашим подсчетам, в дореволюционную эпоху менее чем за 17 лет (1901-1917) произошло 4 войны и революции, которые заняли примерно треть (менее 35%) этого периода (5 лет и 10 мес.). В них погибло до 3,7 млн. человек (3 651,5 тыс.), т.е. в среднем за год этого сверхнасыщенного революциями и войнами периода – гибли менее 213 тыс. человек. В советскую эпоху (с октября 1917 по август 1991 г.), за 73 года и 10 месяцев произошло около 30 войн, крупных вооруженных конфликтов (с участием армии), как в СССР, так и за границей, общей продолжительностью 51 год. Таким образом, 73% – почти 3/4 всего советского периода истории страна с участием Вооруженных Сил воевала с внутренними или внешними врагами! В этих войнах и конфликтах погибло до 41 млн. человек, то есть в 11,2 раза больше, чем в дореволюционный период! В среднем за год гибли более чем по 0,5 млн. человек, – почти в два с половиной раза больше, чем до революции.

Вышеприведенные цифры носят приблизительный характер, но они ясно обозначают беспрецедентно высокую цену, заплаченную народом за социализм, советскую модернизацию. В XX столетии такого разорения, потерь и таких репрессий от собственного государства не претерпевала ни одна страна в мире, за исключением разве что коммунистической Кампучии (Камбоджи).

Таким образом, успешность советской модернизации в целом была серьезно переоценена. Несмотря на быстрые темпы развития военной и тяжелой промышленности, экономика СССР в целом продемонстрировала весьма средние, близкие к общемировым темпы роста. Более того, завершив – с колоссальной растратой людских и материальных ресурсов индустриальную модернизацию, – Советский Союз, – в отличие от западных держав, не сумел создать развитую экономику и не смог осилить постиндустриальную модернизацию. Крах советской социалистической модели поэтому представляется вполне закономерным, а само ее функционирование – крайне расточительным и неэффективным.

Литература

1. Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.
2. Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. Т.2: 1870 – наши дни. М., 2013.
3. Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный стат. ежегодник. М., 1987.
4. Население России в XX веке: Исторические очерки. Т.1. М., 2000. С. 94-95, 139, 354. В целом оценки сокращения населения в гражданскую войну колеблются от 11 до 15 млн., а демографические потери – от 20 до 25 млн. человек.
5. Троцкий Л. К истории русской революции. М., 1990.
6. The World Economy. Historical Statistics by Angus Maddison. OECD, 2003.

Роготнев И.Ю. Воображая космос: мечты о покорении пространства в советской культуре¹

Аннотация. Исследование посвящено базовым принципам конструирования «космического будущего» в советской культуре, месту «космической мечты» в советской индустрии досуга и дидактических практиках, а также связи советского «космического воображения» с глубинными ценностными и онтологическими установками, лежащими в основе советского проекта.

Ключевые слова: космос, мечта, советская культура.

Rogotnev I.YU. Imagining Space: a dream of conquering space in Soviet culture

Abstract. Research is devoted to the basic principles of construction of a "space of the future" in Soviet culture, the place of "Space Dream" in the Soviet leisure industry and teaching practices, as well as the communication of the Soviet "space of the imagination" with the depth and value-ontological units underlying the Soviet project.

Key words: space, dream, Soviet culture.

Исследование посвящено базовым принципам конструирования «космического будущего» в советской культуре, месту «космической мечты» в советской индустрии досуга и дидактических практиках, а также связи советского «космического воображения» с глубинными ценностными и онтологическими установками, лежащими в основе советского проекта. Советская «космическая традиция» сопоставляется с американской индустрией воображаемого. Материалом для анализа послужили произведения литературы и кинематографа,

¹ **Роготнев Илья Юрьевич**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь.

рассмотренные в историко-культурном контексте советской эпохи и на фоне мировой поэтико-философской традиции космического воображения.

1. Недоступное в непосредственном чувственном опыте, космическое пространство выступает для человека исключительно как семиотический, знаковый объект. Каждая культура/цивилизация своеобразно конструирует образ внеземного, вкладывая в него коллективные страхи, надежды и чаяния, онтологические и ценностные установки. Советская культура отличается особой семиотической дистанцией в отношении космоса – пожалуй, самой интимной во всей истории человечества: космос, традиционно вызывающий «священный трепет» и связанный у русских поэтов – от Ломоносова до Тютчева – с отчетливым чувством «нуминозного», в эпоху Николая Заболоцкого и Ивана Ефремова превращается во второй (и иногда подлинный) дом человечества.

2. Воображение космоса в СССР после запуска первого спутника постепенно становится массовым занятием, охватывающим издания для молодежи и подростков и постепенно распространяясь на детские сады (массовые детские мечты о профессии космонавта, использование космических образов при оформлении детских площадок, запуск в производство игрушек на космические темы). Широкое распространение космического воображения в сферах досуга и образования свидетельствует о глубокой созвучности данной темы – самой советской ментальности.

3. Этот феномен неоднократно затрагивался исследователями философии русского космизма, однако он может быть объяснен и в соприкасающемся с космизмом контексте социалистического проекта. Социализм/коммунизм мыслится как историческое инобытие, которое трудно полагать в нашем пространстве-времени. Рационалистическая утопия Ивана Ефремова «Туманность Андромеды» кажется советским читателям вполне убедительной и притягательной, поскольку Маркс и Ленин говорили о коммунизме либо слишком абстрактно, либо апофатически. Теперь же пространство коммунизма предлагалось измерять в световых годах, а время – в преемственности столетий и тысячелетий. Иными словами, воображение космоса было в каком-то смысле воображением коммунизма. Кроме того, социалистический проект содержал некоторые ощутимые лакуны (невнятность мобилизующих целей в условиях относительного комфорта и устойчивого роста потребления), которые хотя бы отчасти восполнялись при включении социалистического проекта в космические горизонты.

4. Философские основания советских массовых космических образов не исчерпываются традициями русского космизма. Можно говорить об универсальной установке на одухотворение пространства, обживание бездны, установления родства с миром как основной интенции советской научной фантастики. Через философию Н.Ф. Федорова этот пафос укореняется в богословии хилиазма (Царства Божьего на земле) и апокатастасиса (всеобщем спасении, включающем спасение ада) – в неортодоксальных темах святоотеческого наследия.

5. Данную, «благодатную», традицию воображения космоса можно противопоставить традиции космического ужаса – образу космоса как обиталища Чужого. Неверно было бы утверждать, что к традиции отчужденного космоса сводима американская космическая фантастика (как и советская массовая культура не сводится к воображению благодатного космоса), но о сильной поэтико-философской традиции ужаса, присущей искусству США, речь вести необходимо: открытый (или заново открытый) метафизический ужас перед космосом сделал культовым имя Г.Ф. Лавкрафта (на наш взгляд, дающего ключи к пониманию многих мотивов современной поп-культуры). Страх перед инопланетянами может считаться чертой современной мифологии США – чертой, прочно занявшей место между верой в колдовство и ожиданием конца света. Если попытаться обобщить метафизические пределы обрисованных традиций, то можно сказать, что советская культура воображала космос преимущественно как пространство Царствия Божия, победы над смертью и спасения всего сущего, в то время как американская индустрия ужаса воображала родину иных богов, нечестивых чудовищ, ползучего хаоса и океана древнего безумия, в котором обреченно плывет островок человеческого разума.

Реальные научно-технические достижения СССР стимулировали активное воображение Вселенной, в котором органично звучали глубинные мировоззренческие интенции, связанные с основаниями советского проекта, а возможно и с непрерывностью досоветско-советской сферы воображаемого (религиозное начало, однако, уступило место научно-утопическому). Будучи, по сути, универсальным (или, как минимум, универсализирующим), доминирующим в СССР способ конструирования космоса не является безальтернативным – в XX веке в США развивалась глубокая традиция отчуждения от космоса.

Смирнов А.Г. Образ Советского Союза в китайском обществе¹

Аннотация. В статье образ СССР в китайском обществе представлен как многогранный и сложный феномен. Показана динамика и трансформация восприятия Советского Союза на разных исторических этапах и факторы, влияющие на данный процесс. Показано значительное влияние исторической памяти и стереотипных форм мышления на специфику российско-китайских взаимоотношений. Также трактовка образа Советского Союза в Китае позволяет лучше понимать процессы, происходившие в самом китайском социуме.

Ключевые слова: история, историческая память, Китайская народная республика, межкультурный диалог, Советский Союз, СССР.

Smirnov A.G. The image of the Soviet Union in Chinese society

¹ Смирнов Александр Георгиевич, кандидат культурологии, доцент кафедры истории МПГУ, г. Москва.

Abstract. In the article the image of the USSR in the Chinese society is presented as a multifaceted and complex phenomenon. Shows the dynamics and the transformation of the perception of the Soviet Union at different historical stages and the factors influencing this process. Significant influence of historical memory and stereotyped ways of thinking on the specifics of the Russian - Chinese relations. Also, interpretation of the image of the Soviet Union in China to better understand the processes taking place in the Chinese society.

Keywords: Chinese People's Republic, history, historical memory, intercultural dialogue, Soviet Union, The USSR.

Китай и Россия – ведущие мировые державы с древней историей и богатой культурой, оказывающие большое влияние на мировую геополитику. Одним из приоритетных элементов китайской культуры является традиционализм. Поэтому синтез исторической памяти и современных реалий во многом формирует доминанты современных взаимодействий наших стран. Этот аспект актуализирует исследование образа Советского Союза в китайском обществе.

Можно выделить три сферы, влияющие на восприятие китайцами своих соседей:

- свой образ,
- образ «другого»,
- опыт взаимодействий.

Как одна из древнейших цивилизаций, Китай исторически позитивно идентифицировал себя как ареал культуры, противостоящий миру варварства. Негативные образы иноземцев в контексте дихотомии «мы – они» отразились, в частности, в китайской письменности. Русский синолог второй половины XIX века С.М. Георгиевский на основании изучения китайской иероглифики воссоздал шесть вариантов взаимодействий китайцев с сопредельными этносами в древности:

- 1) истребление непокорных;
- 2) пленение с последующим обращением в рабство;
- 3) насильственное переселение покоренных жителей на новые земли;
- 4) захват китайцами сопредельных территорий;
- 5) ограничение прав подчинённых племён;
- 6) ассимиляция иноплеменников и возможность родственных союзов с ними [2, с. 14-15].

Силовые методы применялись китайцами при отказе представителей других народов ассимилироваться и признать политическую зависимость. По сути, сопредельные этносы должны были отказаться от собственной культурной идентичности. О межкультурном диалоге речь явно не шла. Окружающий мир воспринимался Китаем в контексте антитезы «свои – чужие». Отсюда логичным было применение в отношении «варваров» зооморфных образов уничижительного характера. Например, иноплеменников, проживавших в провинции Шэньси, называли цюань жуны (собаки жуны) [2, с. 12]. По оценке советского сиолога Ю. Л. Кроля, для идентификации китайцев-преступников и предста-

вителей «иных» этносов применялись одинаковые термины из китайского уголовного права. [3, с. 14-16].

Отметим при этом, что многие столетия Китай действительно находился на более высоком уровне развития по сравнению со своими соседями. Не существовало близких китайцам в культурно-идеологическом плане государств, у которых они бы могли учиться. Осознание необходимости перенимать иностранный опыт возникло в Китае только в XX веке.

Восприятие Советского Союза китайцами и опыт взаимосвязей между нашими странами следует рассматривать в нескольких ракурсах из-за сложности данной проблематики.

В исторической ретроспективе негативный образ русских и царской России хорошо вписывается в отмеченную нами традиционную модель восприятия китайцами своих соседей. Данный подход характерен как для источников XVII века, так и для более поздних документов XIX столетия, когда контакты между нашими государствами стали гораздо более тесными [5, с. 69].

И до настоящего времени в социалистическом Китае подобная оценка не претерпела трансформаций. Однако радикально изменился принцип интерпретации России до 1917 года. Если до начала XX века приоритетной в создании образа северного соседа была этно-культурная составляющая, то в КНР применяется классовый марксистско-ленинский подход. Поэтому с 1950—х годов в Китае характерно противопоставление царской России как империалистической агрессивной страны позитивному образу СССР – передовому государству рабочих и крестьян. Эта дихотомия впервые была отмечена в начале 60-х годов XX века в трудах американского исследователя китайского происхождения Т. А. Ся [8]. Не утратила она актуальности и сейчас, в начале XXI столетия.

Подчеркнём, что негативный образ царской России как империалистической державы не распространяется при классовом подходе на её население. И это позволяет видеть значительный потенциал для сближения сторон в рамках подобной теоретической модели. Отметим здесь, что идентичная двойственность в оценке с марксистских позиций дореволюционной России и СССР доминировала и в самом Советском союзе. Поэтому негативная оценка внешней политики России в отношении Китая до 1917 года не сказывалась на характере взаимоотношений наших стран.

Отметим важность исторически сложившихся стереотипов, исходя из их значительного влияния на современную историю. До сих пор в массовом сознании китайцев, несмотря на урегулирование территориальных споров, существует представление о несправедливо занятых царской Россией и унаследованных СССР северных территориях. Подробно проблематика территориальных пограничных споров и её интерпретация китайской стороной (преимущественно научным сообществом в конце XX века) представлена в исследовании А. Д. Воскресенского «Границы Китая: история формирования» [1, с. 50-83]. Подобная трактовка межгосударственных договоров XIX века, как неравноправных и навязанных китайскому народу, присутствует и в школьных учебниках, утверждённых государственными органами образования КНР [6, с. 130-132].

Образ нашей страны советского периода в КНР, несмотря на общность политических систем в 1949-1991 годах, не является исключительно позитивным. Дифференциация основана на характере взаимоотношений наших государств в разные исторические периоды. Изменения во внешней и внутренней политике, системе аксиологических доминант происходили как в Китайской народной республике, так и в Советском Союзе. Эти факторы значительно сказывались на восприятии СССР китайцами и позволяют рассматривать образ нашей страны как сложный и трансформирующийся феномен.

Несмотря на многогранность имиджа СССР, в наибольшей степени на него повлияли два исторических периода, в которые взаимоотношения двух государств были диаметрально противоположны: первое десятилетие после создания КНР и период 1960-х – кон. 1980-х годов.

1949-1959 годы – время, которое справедливо идентифицируется как наиболее яркий и позитивный этап наших двусторонних взаимодействий. Об СССР в Китае того периода говорили исключительно в восторженно-позитивных эпитетах. СССР позиционировался как друг, старший брат, сильный союзник, глава социалистического лагеря. На это повлиял статус Советского Союза как победителя во Второй мировой войне и освободителя Китая от японских интервентов, общность политических систем и схожесть идеологии, интенсивное развитие советской науки и производства, формирование биполярного мира и единство позиций в корейском конфликте, личные симпатии И. В. Сталина и Мао Цзэдуна. Положительный образ СССР закреплялся как на уровне официальной позиции властей Китая (транслировавшейся через газеты, радио, собрания и пр.), так и посредством личных контактов представителей двух стран в процессе учёбы и работы. Например, в начале 1950-х годов в китайском обществе проводилась широкомасштабная кампания под лозунгом «учиться у Советского Союза». Первый исполнительный секретарь ШОС Чжан Дэгуан в данном им Китайскому информационному Интернет-центру ЦентрАзия интервью вспоминал: «В школьные годы я считал, что единственным хорошим местом за границей является Советский Союз, ведь в то время мы равнялись на СССР как на модель своего собственного "завтра"» [7].

Несмотря на доминирование в послевоенном Китае явно позитивного образа советского государства, официальные власти КНР активно использовали и административные рычаги воздействия. Велась широкомасштабная пропаганда всего советского. При этом любые альтернативные суждения интерпретировались как идеологическое преступление. Для политики Мао Цзэдуна в целом характерно чёткое разделение мира на друзей и врагов. Отсюда возникновение вопроса о том, кто ошибается при оценке того или иного явления. В рассматриваемое время не существовало представления о возможности ошибочных суждений партии в целом. Поэтому рассматривалось лишь то, заблуждался человек или намеренно шёл против генеральной линии коммунистической партии. В последнем случае он мог считаться только врагом.

Современный китайский исследователь Ли Суйань приводит примеры, когда некоторые учёные (Ли Цзинцзун, Ху Хянсу и др.) не разделяли взгляды

советского академика Т. Д. Лысенко в области биологии. Они подверглись резкой критике и репрессиям со стороны руководства КНР за «антикоммунистический» подход в своих разработках. В условиях жёсткого противоборства двух политических систем казалось, что во всём следует быть приверженцем «своего» лагеря. А, например, известный биолог Тан Джанжэн придерживался мнения о необходимости развития западной генетической теории Менделя-Моргана. [4, с. 117-118] В рассматриваемое время подобное считалось недопустимым.

В целом, позитивное восприятие Советского Союза, сформировавшееся в 1949 – 1959 годах, несмотря на значительное влияние официальной пропаганды со стороны властей КНР, было проявлением искренней симпатии китайского народа к своему северному соседу. СССР в этот период выступал в качестве эталонной модели, на которую ориентировались китайцы. При этом, впервые за многовековую историю китайское государство получило учителя, который был (или, как это, по крайней мере, казалось на тот момент) ему близок в идеологическом и культурном аспектах. Нельзя забывать, что наша страна действительно оказывала Китаю значительное содействие в развитии страны. Не случайно позитивный, пусть и несколько романтизированный образ Советского Союза сохранился в китайском обществе (особенно среди людей старшего поколения) до настоящего времени.

В 1960 – сер. 1980-х гг. произошло радикальное изменение представлений о СССР. Формируется крайне негативный образ «врага с севера», агрессора. Среди причин подобной трансформации важнейшей представляется расхождение стратегических планов развития двух держав. Китай в конце 1950-х годов начинает осуществление собственных векторов развития, при этом рассчитывая на помощь своего друга с севера. Это касается, например, реализации доктрины «большого скачка», когда китайское руководство рассчитывало форсированными темпами стать одной из ведущих мировых индустриальных стран. При этом отказ советского правительства от глобальной экономической помощи расценивался как недружественный акт. В подобном же русле виделось из Пекина и отсутствие ожидаемой поддержки во время Тайваньского кризиса 1958 г. Обманутыми себя считали китайцы и в период вооруженного противостояния с Индией в 1959 и 1962 годах.

Различия в подходах здесь были очевидны. Китай считал Тайвань и Тибет своими территориями, присоединение которых не требовало согласований. Геополитические интересы Советского Союза при этом не принимались во внимание. Отметим и негативную реакцию в КНР на итоги XX съезда КПСС, личную неприязнь Мао Цзэдуна и Н.С. Хрущёва, расхождение их взглядов на векторы социалистического строительства. Радикальные идеи усиления классовой борьбы и мировой революции, актуальные для китайских коммунистов, уже были в советской истории и их реализация не виделась из Москвы первоочередной задачей.

Апогеем противостояния между нашими странами стал вооружённый конфликт на острове Даманском в 1969 году. Естественно, что взаимосвязи двух стран в 1960 – 1980-е годы были практически заморожены. Уже упомяну-

тый нами китайский дипломат Чжан Дэгун, работавший в Москве с 1973 года, охарактеризовал этот период следующим образом. «Контакты между двумя правительствами сводились в основном к заявлению протестов. <...> За исключением незначительных объемов двусторонней торговли, контакты между двумя странами были свернуты; несмотря на наличие железной дороги, по ней практически никто не ездил» [7].

В этих условиях негативный образ советского государства (как ранее – позитивный) во многом формировался посредством широкомасштабной пропаганды и мер принуждения со стороны властей КНР. Активно проводились массовые собрания, шествия, печатались листовки, плакаты антисоветской направленности. Показательно, что отмеченные нами идеи усиления классовой борьбы и дихотомия «друг – враг» были реализованы в Китае в рамках «культурной революции».

Метаморфоза во внешней политике связана и с внутренними событиями в КНР, когда в ходе борьбы с ревизионизмом и «культурной революции» были пересмотрены принципы развития Китая. По сути, была провозглашена борьба на два фронта – против внешних (Советского Союза как изменившего идеалам коммунизма государства и капиталистических стран) и внутренних противников.

В подобной атмосфере были осуждены и расстреляны в 1968 году как «контрреволюционеры» Ван Юнчжени и У Бин-юань. Они выпускали и распространяли газету с названием «На Север», которое можно было трактовать двойственно. Учитывая последовавший в 1969 году пограничный конфликт и глобальную антисоветскую пропаганду, можно предположить призыв этих журналистов именно к нападению на СССР (северного соседа). Однако интерпретация властей, в условиях поиска не только внешних, но и внутренних врагов, была иной. В Харбине сочли, что авторы в названии газеты показали себя сторонниками «советского ревизионизма», желавшими, очевидно, бежать в СССР [4, с. 118].

Учитывая особую роль правящей в Китае с 1949 года по настоящее время коммунистической партии, именно под её активным влиянием формировался образ северного соседа. Как мы отметили, отношения в разные исторические периоды были диаметрально противоположны. Однако критика общего для обеих стран социалистического курса была бы абсурдна. Поэтому в условиях конфронтации была логична теория уклонения СССР от ортодоксальных принципов марксизма-ленинизма, восприятие действий советского руководства как политики «ревизионизма» данного учения.

В настоящее время как в китайском обществе, так и в партийном руководстве подобные трактовки утратили злободневность. Более того, в последние десятилетия в Китае активно развивается именно капиталистическая экономическая модель. Очевидно значительное социальное расслоение. В рядах самой коммунистической партии есть миллионеры, что во времена Мао Цзэдуна было немыслимо. Поэтому в современных китайских учебниках, формирующих мировоззрение подрастающего поколения, заметен акцент на роль личности в ис-

тории. Показывается взаимосвязь политической доктрины СССР с особой ролью конкретного руководителя государства.

Однозначно положителен образ В.И. Ленина – создателя первого в мире социалистического государства и теоретика марксизма. Позитивен и образ И.В. Сталина, под руководством которого страна стала мировой сверхдержавой, победила во Второй мировой войне и наладила дружеские отношения с КНР. Конфронтация СССР и КНР при Н.С. Хрущёве и Л.И. Брежневеве сказалась и на их образах. Так, Хрущёв представлен непоследовательным, эмоциональным руководителем. Брежневев критикуют за застой и пристрастие к наградам. Отметим, что, несмотря на критику, не забываются и достижения СССР при их правлении. При М.С. Горбачёве в ходе встреч 1989-1990 гг. на высшем уровне отношения двух стран были восстановлены. Это высоко оценивается КНР. Но распад СССР повлиял на образ Горбачёва как романтического политика, не просчитавшего последствия перестройки [6, с. 132].

В целом, в современной китайской литературе и школьных учебниках исторические факты представлены объективно. Также современная критика наших руководителей времён СССР в целом корректна, так как для китайской культуры характерно уважительное отношение к власти. Расхождения, при том не глобальные, можно встретить в интерпретации исторических материалов. Однако, во-первых, дискуссии, связанные трактовкой фактологических данных, являются обычно практикой как на специализированном уровне профессиональных сообществ, так и на уровне масс. Во-вторых, интерпретация образа Советского Союза на разных этапах взаимодействий между нашими странами имеет ещё одну важную эвристическую ценность. Он отражает систему ценностно-мировоззренческих доминант в самого китайского социума. Учитывая суждения о СССР в массовом сознании китайцев, можно сформировать представления о этических нормах, мотивациях, духовных ориентирах, уровне жизни, образовательной системе, характере управления и пр. у них самих. Китайский учёный из Харбина Ли Суйань, например, сравнил выпущенные в 1950-е годы в Китае учебные пособия с зеркалом, в котором отражается собственная тень китайцев [4, с. 114-115].

В современных учебниках, например, в качестве заслуги В. И. Ленина называют введение НЭПа. Это не удивительно, так как в КНР сейчас интенсивно развивается частное предпринимательство. А во время Мао Цзэдуна этот аспект никогда не выделялся. В то время Ленин был сакральной фигурой именно как теоретик марксизма, вождь революции и создатель первого в мире социалистического государства. Позитивная оценка в обоих случаях неизменна, но акценты интерпретации образа заметны.

Также в течение первых 10 лет после создания КНР образ Сталина был исключительно позитивен, а несогласные подвергались репрессиям. На современном этапе, наряду с большими заслугами этого лидера, под руководством которого Советский Союз действительно достиг ощутимого прогресса в развитии, отмечают и недостатки сталинизма. Среди них – авторитарность сталинского правления, попытки в начале 1950-х годов получить земли в Китае для производства каучука и пр. Учитывая стремление Китая к статусу ведущей ми-

ровой державы, последний факт показывает обществу заботу руководства КПК о приоритете национальных интересов. А авторитаризм несовместим с рыночной моделью развития современного Китая.

Китайские исследователи отмечают дисбаланс между повышенным интересом китайцев к СССР и меньшим вниманием к Китаю с нашей стороны. Они объясняют это исторически вестернизированной ориентацией России, географической удалённостью КНР от центральных российских регионов, а также тем, что именно СССР долгое время был примером для китайцев, а не наоборот. Подобная трактовка данного вопроса представляется справедливой. Отметим, что с ростом влияния КНР в мире в последние два-три десятилетия интерес к этой стране в России значительно вырос.

Исходя из вышесказанного, можно констатировать, что образ Советского Союза в Китае – сложное, многоаспектное явление. За период 1949 – 1991 гг. восприятие СССР под воздействием политических, экономических, идеологических и др. факторов значительно трансформировалось. При этом образ СССР во много характеризовал процессы в самом китайском обществе. В настоящее время, несмотря на некоторые дискуссионные темы, характерна взвешенная и объективная оценка советско-китайских взаимоотношений и в целом позитивный образ Советского Союза и современной России.

Литература

1. Воскресенский А.Д. Границы Китая: история формирования. М., 2001.
2. Георгиевский С.М. Анализ иероглифической письменности китайцев как отражающей в себе историю жизни древнего китайского народа. М., 1888.
3. Кроль Ю.А. О концепции «Китай-варвары» // Китай: общество и государство. М., 1973.
4. Ли Суйань. Имидж России в глазах общественности КНР // Ойкумена. 2014. № 1(28). С. 113-121.
5. Нестерова О.А. Образы памяти российско-китайском межкультурном дискурсе // Культура России в условиях современных общественных трансформаций. Вып. 3. М., 2012. С. 63-80.
6. Тен Н.В. Освещение российской истории в современном Китае (на материалах учебников истории для средней школы и популярной литературы о России) // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 4. С. 126-141.
7. Чжан Дэгуан. Взгляд на дипломатию под углом традиционных китайских ценностей. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1106953200>
8. Hsia T. A. Demons in Paradise: The Chinese Images of Russia // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1963. Vol. 349, № 1. P. 27-37.

СЕКЦИЯ II. ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Берлов А.В. Ученые российской эмиграции 1920-1930-х гг. об аграрной политике Советской России¹

Аннотация: В статье проанализированы взгляды ученых российского зарубежья на особенности аграрной политики Советской России в 1920-1930-е гг. Отдельное внимание автор уделяет оценкам НЭПа, политике «ножниц цен», итогам коллективизации и другим актуальным проблемам, которые вызывали неоднозначную реакцию русского научного сообщества за рубежом.

Ключевые слова: индивидуальное хозяйство; крестьянство; эмиграция; производство; аграрная политика.

Berlov Arthur Valerievich. Agricultural policy of Soviet Russia in the Russian émigré scientists estimates 1920-1930-ies

Abstract: the article shows views of scholars on the tendency of the Russian diaspora and the contradictions of agricultural policy of Soviet Russia in the 1920-1930-ies. The author devotes particular attention to assessments of the NEP, "scissors price policy, the collectivization and other urgent problems that caused mixed reactions of the Russian scientific community abroad.
Keywords: farmers; agricultural policy; individual household; emigration; the production.

Наиболее интересную часть научного наследия российских ученых-эмигрантов составляют оценки тенденций и противоречий аграрной политики Советской России в 1920-1930-е гг. Взгляд со стороны, из-за рубежа, позволял критически переосмыслить путь русского крестьянства в условиях советской действительности. В Европе нашими соотечественниками созданы сотни монографий, изданных на русском и иностранных языках, сохранились тысячи научных статей и выступлений по этой проблеме. Они пытались показать западному обществу особенности России, многообразие характерных для страны черт, ментальность ее сельского населения.

В научном наследии ученых русского зарубежья содержатся основные принципы отечественной научной культуры, во многом утраченные в советской и постсоветской России. В работах представителей аграрных школ русского зарубежья присутствует не прерванная социальными перипетиями традиция рос-

¹ Берлов Артур Валерьевич, кандидат исторических наук кафедры истории Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва; Arberlov@yandex.ru.

сийской научной мысли. Им свойственен критический, но конструктивный анализ происходивших на Родине событий. В работах представителей русской аграрно-экономической мысли за рубежом сохранилась идентичность России, причем не в форме изоляционизма (не принимающего ничего чужого), а в форме активного и заинтересованного участия в европейском и мировом научном процессе.

В работах ученых-эмигрантов (особенно либеральной школы) преобладает критика советского строя, чувствуется обида на советскую власть, боль за слом традиционных национальных устоев. Во многом по этой причине русские ученые-эмигранты с надеждой думали о будущем России, предрекали конец большевизму и предлагали свои варианты построения постсоветского общества.

В 1920-е гг. многие мыслители русского зарубежья признали, что коммунистический эксперимент в России не удался. По мнению П.Н. Милюкова, в стране утеряна социалистическая перспектива: «Коммунизм с самого начала был экспортом и в России вводился нерешительно и неполно для видимости» [9, с. 2]. В отличие от П.Н. Милюкова, Д.Н. Иванцов считал подлинным социалистическим строем лишь тот строй, который советская власть пыталась ввести в годы военного коммунизма. Основными его признаками являются отсутствие менового оборота и плавное государственное регулирование всей хозяйственной жизни. [6, л. 1].

Ученые-эмигранты уделяли особое внимание проблеме эксплуатации крестьянства, нашедшей яркое выражение в политике «ножниц цен». По мнению П.Н. Милюкова, «смыслом НЭПа являлось создание диктатуры города над деревней, искусственного подчинения крестьянского хозяйства интересам государственного хозяйства и советской буржуазии с участием связанного с государственно-буржуазным хозяйством пролетариата...» [10, с. 4]. «Ножницы цен» рассматривались русскими мыслителями как главная причина постоянно повторяющихся экономических кризисов в Советской России.

Издания русской эмиграции критически оценивали попытки большевистской власти разрешить возникшие трудности путем административного снижения цен, которое, в свою очередь, приводило к кризису бестоварья, «товарному голоду» и политическому недовольству населения. Любую обсуждаемую проблему советской экономики русские ученые сводили к необходимости возрождения свободного рынка и свободы частной предпринимательской деятельности. Эмигрантская печать жестко комментировала выступление Л.Б. Троцкого на XII съезде партии (апрель 1923 г.), в котором было наглядно показано нарастание «ножниц» между ценами на промышленную и сельскохозяйственную продукцию. Резкие колебания цен вызывали негодование ученых, поскольку советская экономическая действительность полностью противоречила интересам производителей сельскохозяйственной продукции. С.Н. Прокопович подчеркивал, что в октябре 1923 г. «ножницы» раскрылись до предела, разница между ценами на промышленные товары и сельскохозяйственную продукцию была уже в три раза больше, чем в 1913 г. [12].

Не только в либеральной среде русской эмиграции, но и в самой Советской России в середине 1920-х гг. стали появляться предложения об ослаблении государственного давления на крестьянство. В целях снижения «товарного голода» предлагался путь товарной интервенции, то есть завоза в страну дешевых и качественных товаров из-за границы. Неожиданно русские мыслители выступили против идеи «товарной интервенции», которая, по их мнению, могла ослабить национальное производство. В этом вопросе либерал П.Н. Милюков поддержал крупного деятеля большевистской партии Ю. Ларина [8]. В начале 1924 г. Ю. Ларин опубликовал в «Правде» статью, в которой выступил против импорта зарубежных товаров. Поддерживая эту, казалось бы, нелиберальную идею, П.Н. Милюков писал: «В окарикатуренной форме здесь, несомненно, поставлен серьезный вопрос о правильном соотношении национальной обрабатывающей промышленности с промышленностью добывающей... Возражение Ларина против разрушения русской промышленности нужно признать, конечно, основательными: альтернатива здесь одна – Россия «колония».

П.Н. Милюков в своих размышлениях об аграрном вопросе в России все больше приходил к антикрестьянским выводам. Интересы русского крестьянства ученый противопоставлял успехам большевистской модернизации страны. Разрабатывая проблему демократической альтернативы, П.Н. Милюков писал: «Если сейчас осуществить демократию, значит дать России то правительство, которая она действительно требует. Такое правительство не будет ни меньшевистским, ни социал-революционным, ни кадетским, ни царистским. Настоящая крестьянская программа потребовала бы частной собственности на землю без вознаграждения, неограниченной эксплуатации города деревенским кулаком, выступала бы против централизма и подъема культурного уровня» [11]. Реализация такой «крестьянской» программы, по мнению ученого, могла привести к масштабной «товарной интервенции», гибели национальной промышленности, самобытной городской российской цивилизации, массовой безработице в городах и социальной напряженности в обществе. Эти выводы заставили П.Н. Милюкова серьезно переоценить роль и значение большевистского государства в России.

Сохраняя либеральные взгляды, П.Н. Милюков сделал удивительный для непримиримого врага большевизма вывод о том, что советская власть не только разрушала, но и создала экономику новой России. По его мнению, только большевизм сумел покончить с революционной анархией и обеспечить защиту международных интересов России, дал определенную свободу крестьянству. В середине 1920-х гг. в работах П.Н. Милюкова появляется мысль о том, что в рамках большевизма сложилось новое течение, готовое выражать и отстаивать национальные интересы России. Оставаясь либералом, П.Н. Милюков возлагал особые надежды на перспективу буржуазного возрождения страны. Главную проблему Советской России он видел в том, что сложившаяся при большевиках социально-экономическая и политическая система препятствуют процессу внутренних накоплений, особенно в аграрном секторе. П.Н. Милюков был уверен, что со временем большевики смогут обеспечить правовые гарантии сель-

скому предпринимательству, ликвидируют препятствия на пути развития рыночных отношений.

Определенный оптимизм П.Н. Милюкова в оценке перерождения советской власти не разделял другой мыслитель русской эмиграции А.Д. Билимович. В ряде глубоких работ он предсказывал скорый конец советского строя и последовательно обосновывал предстоящие перемены. А.Д. Билимович придавал огромное значение разработке стратегических основ и тактических программ развития экономики России, «освобожденной от большевизма». Ученый четко сформулировал основные принципы, на основе которых возможны восстановление и развитие российского хозяйства после советских преобразований: «Горькие последствия произведенного опыта показали наглядно, что обычный, не социалистический строй хозяйства, сколькими бы недостатками он ни страдал, пока является единственным строем, который способен обеспечить населению гражданский мир, пищу, одежду, жилье, передвижение по железным дорогам и удовлетворение других материальных потребностей». [1, с. 51] Осмысливая переход к новой экономической политике, изменившей экономическую ситуацию в Советской России, А.Д. Билимович предсказывал скорый конец советского строя.

Аграрная наука русской эмиграции рассматривала новую экономическую политику в Советской России как временную уступку крестьянству, как средство для сохранения власти большевиков. При этом ученые признавали, что «большевики отодвинули страну, по крайней мере, на 50 лет от момента широкого развития государственного капитализма» [15, с. 1]. Не случайно в большинстве своих публикаций ученые-аграрники отмечали, что советская власть установлена в России ненадолго. Особая ставка делалась на протестный потенциал русского крестьянства.

Надежды на освобождение России от коммунизма русские ученые связывали с крестьянством потому, что «...деревня становится поперёк горла советскому режиму. Она превратилась для коммунистов в тяжёлый кошмар, от которого освободиться нельзя и уйти некуда...» [3, с. 4]. С опорой на статистические данные ученые показывали кризисное положение отдельных крестьянских дворов: «...мужики бояться завести лишнюю корову - в кулаки запишут. Советский режим сознательно держит крестьян в железных тисках голода и разрухи...» [3, с. 5]. Исследователи аграрной политики большевиков акцентировали внимание на понижении крестьянского рыночного спроса, падении крестьянского производства, фактах голода в отдельных регионах Советской России.

Мнения русских экономистов совпадали в том, что советская власть ошибочно «продвигала» промышленность в ущерб сельскому хозяйству. Б.Д. Бруцкус писал о том, что вывоз зерна – единственный выход из экономического тупика, в который зашла экономика России: «Экспорт хлеба – незыблемая необходимость, однако крестьянину принесет не очень большую пользу. Он не может существенно повысить цены на хлеб на внутреннем рынке. От вывоза выиграет многочисленный слой «торгующих коммунистов», которые командуют

всей экономической жизнью страны. А крестьянину останутся ножки да рожки. Так как цены для заграницы и закупочные цены не соответствуют» [2].

Экономисты русской эмиграции рассматривали проблемы советского крестьянства в тесной взаимосвязи с другими вопросами политического и экономического развития страны. И.В. Гессен считал, что успех преобразований, которые проводили большевики в годы НЭПа, зависел от возможности установления правового строя, при котором будут соблюдены принципы демократии. Ученые подчеркивали необходимость модернизации промышленности, которая снабдит необходимой продукцией советскую деревню. Для получения средств, необходимых для технической модернизации аграрной экономики, ученые считали необходимым обратиться за помощью к западным странам, однако, подчеркивали, что «большевистский режим» не может дать необходимых правовых гарантий. Находясь в Европе, они знали общественное мнение западных стран о Советской России, поэтому проводили параллели между возможностью получения иностранного капитала и признанием России другими государствами.

Несмотря на жесткую критику советской власти, отдельные мыслители русского зарубежья признавали достижения большевиков в возрождении национальной экономики после революции и затяжной войны. Например, видные политические деятели П.Н. Милюков и А.Ф. Керенский, оценивая итоги НЭПа, пришли к выводу, что такую политику проводило бы любое правительство, оказавшееся у власти в этот период. По их мнению, преодоление отсталости, вызванной пережитками дореволюционной России, было необходимо стране, и большевики были вынуждены решать те насущные проблемы, которые стояли перед Россией, собственными методами, которые, не смотря на размах свершений, оказались по своей сути антинародными [7].

П.Б. Струве подчеркивал, что в 1920-е гг. в стране господствовал строй, при котором сосуществовали элементы капитализма и коммунизма. Однако, из-за того, что у власти находились большевики, возможности изменения политического курса не было [14, С. 211].

Еще в 1920-е гг. ученые русского зарубежья предсказывали, что осуществить добровольную коллективизацию большевикам, скорее всего, не удастся. Методы «революционного принуждения», используемые при осуществлении коллективизации, вызвали закономерную жесткую критику научного сообщества. Совхозы и колхозы Н.Н. Зворыкин называл бесперспективными образованиями, главным образом, потому, что в них земледелец отчужден от прав собственности на землю и другие средства производства, его экономическая мотивация к труду в этих условиях минимизируется. Кроме того, колхозы и совхозы были слишком велики, а потому трудноуправляемы в рыночных условиях. Это, разумеется, снижало уровень их эффективности.

Ученые русской эмиграции создали значительную литературу, описывающую экономические итоги и ужасы коллективизации в СССР. Главным образом, данная акция советской власти рассматривалась как война «Красного Кремля против российского крестьянства» [5, л. 3], унесшая миллионы жизней. В работах начала 1930-х гг. эмигранты смогли оценить всю силу государствен-

ного натиска, который обрушился на советское крестьянство в годы коллективизации. Но даже в этих работах теоретики русского либерализма продолжали говорить о неустойчивости и непродуктивности колхозов и совхозов, что, как они надеялись, заставит большевиков от них отказаться. Здравый смысл и человеколюбие русских ученых долго мешали правильно оценить принудительный потенциал большевиков, их неизменную тенденцию считать свое идеологическое и политическое влияние вопросом куда более важным, чем хозяйственная целесообразность.

К началу коллективизации эмигрантам стало ясно, что новая экономическая политика использовалась большевиками как временное средство для достижения конечной цели, отнюдь не соответствующей чаяниям широких масс крестьянства. К середине 1930-х гг. у ученых-либералов русской эмиграции не осталось иллюзий относительно вероятности «самоликвидации коммунистической диктатуры» из-за ее хозяйственной нерациональности. Они сделали вывод о том, что для большевиков приоритетом является не экономическая целесообразность, а проблема сохранения единовластия.

В период проведения коллективизации ученые русской эмиграции тщательно отслеживали аграрные меры власти и реакцию на них крестьянских масс. Сохранялась надежда на рост крестьянского недовольства отменой частной собственности на землю (включая приусадебную), сокращением и изъятием приусадебных участков при невыработке колхозником установленного минимума трудодней. Мыслители подчеркивали, что коллективизация стала средством отчуждения крестьян от земли. Обезземеливание крестьян, согласно расчетам ученых-аграриев, не должно было пройти бесследно.

Экономисты русского зарубежья отмечали, что материальных условий для коллективизации в стране не было. Государство не могло предоставить кредиты, технику, удобрения. В результате, оно пошло на простое обобществление труда. Как отмечал П.Н. Милюков: «Сталин, как никто из русских государей понял общинную душу русского народа и создал колхозы» [9].

Ученые русского зарубежья акцентировали внимание на том, что коллективизация привела к неисчислимым бедствиям крестьянства. Мир русской деревни пережил одно из тяжелейших потрясений в истории России. В статьях Н.Н. Зворыкина, Б.Д. Бруцкуса, А.Д. Билимовича, П.Н. Милюкова указывается на массовые репрессии, голод, унесший «миллионы человеческих жизней». Не имея точных сведений, эмигранты писали о том, что «миллионы крестьян прошли через ужасы ссылки и лагерей». Коллективизация, по их мнению, нанесла огромный ущерб сельскому хозяйству, особенно на первом ее этапе.

В трудах зарубежных экономистов практически не отразился тот факт, что с 1935 г. началось восстановление сельскохозяйственного производства, стали подниматься урожаи, возобновился рост поголовья скота, выше стала оплата труда колхозников. Ни один мыслитель русского зарубежья не признал, что крупное коллективное хозяйство открывало возможности экономического и социального прогресса. Они писали лишь о том, что эти возможности могут реализовываться тогда, когда трудовой коллектив является хозяином. Коллек-

тивизация, по мнению русских ученых, способствовала отчуждению крестьян от земли, от распределения произведенного продукта. Большая часть эмигрантских публикаций 1930-х гг. была посвящена формированию системы директивного планирования колхозного производства и командования крестьянством со стороны партийно-советского аппарата. Анализируя советскую практику в деревне, теоретики русской аграрно-экономической науки отмечали, что колхоз не получил статуса кооператива в полном понимании этого слова.

Подавляющее большинство экономистов русского зарубежья различных направлений не сомневались в неотвратимости крушения советского строя. Например, Н.Н. Зворыкин писал: «Придет время, когда измученный произволом большевиков терпеливый русский народ соберется с силами и стряхнет их иго. Тогда насажденные большевиками социальные иллюзии исчезнут, как кошмарный сон» [4]. Экономисты рассчитывали на возрождение в постсоветской России рыночных основ и свободы частной предпринимательской деятельности. Главным пунктом эмигрантской программы возрождения России являлся вопрос о собственности на землю. Н.Н. Зворыкин был глубоко убежден, что подавляющая часть русского крестьянства, измученного гнетом сельско-общинного быта, желала бы получить землю в вечное потомственное владение, которое может осуществляться в двух юридических формах: вечнонаследственной аренды и частной (личной) собственности.

Экономисты русского зарубежья предлагали для новой России экономическую модель, которая, по их мнению, стимулировала вложения в землю труда и капитала, нацеливала земледельцев на достижение высоких производственных результатов. В отличие от марксистов и народников, предпочтение они отдавали частной собственности на землю. Важным звеном в цепи рассуждений русских либералов о будущем аграрного сектора явилось положение о необходимости разрешения рыночного оборота земли.

Чрезвычайно важен тезис ученых русского зарубежья о постепенном темпе проведения аграрных преобразований, суть которых состоит в переходе от коллективных форм землепользования к индивидуальному хуторскому хозяйству. Этот переход, по мнению либеральных экономистов, должен осуществляться «с величайшей осторожностью», ибо без культурно-технической и материальной помощи крестьянам будет трудно сразу организовать частное хозяйство. Теоретики русского либерализма справедливо и проницательно указывали на необходимость определенного переходного периода, позволяющего постепенно провести принципиальные и прочные изменения в сложившейся системе аграрного хозяйствования.

Предпринятый экономистами русской эмиграции анализ большевистского варианта социалистической системы хозяйствования отличается глубиной и последовательностью. Они первыми убедительно показали, что советский вариант аграрной политики являет собой историческую аномалию общественного развития. В данной связи, делался закономерный вывод о неизбежном и предрешенном крахе советской экономической системы. Неотвратимость крушения советской экономики связывалась либеральными мыслителями с подавлением свободы и конкурентоспособного рыночного механизма, принципиальной не-

возможностью найти компенсирующие рецепты и механизмы, которые сообщили бы должную эффективность созданной в СССР планово-централизованной системе.

Либеральные экономисты русского зарубежья показали, что аграрная система СССР, состоявшая из огромных колхозов и совхозов, подавила все импульсы, побуждавшие крестьян продуктивно трудиться в собственных хозяйствах. Политика большевиков в деревне уничтожила в народе прежнюю заинтересованность в результатах своего труда.

Литература

1. Билимович А.Д. Экономический строй освобожденной России. М.: Наука, 2006.
2. Бруцкус Б. Экспорт хлеба // Руль. 1923. 26 ноября.
3. В деревне // Руль. 1925. 21 февраля.
4. Зворыкин Н.Н. К возрождению России. Париж, 1929.
5. Иванцов Д.Н. Главные особенности экономики сельского хозяйства (Сельскохозяйственная кооперация) // ГАРФ. Ф. Р-5790. Оп. 1. Д. 68.
6. Иванцов Д.Н. Современная русская теория социализма // ГАРФ. Ф. Р-5790. Оп. 1. Д. 47.
7. Керенский А.Ф. Раздумье правды // Дни. 1925. 17 марта.
8. Ларин Ю. «Протекционист» против «младозесеров» физиократов // Последние новости. 1924. 19 января.
9. Милюков П.Н. Листки из дневника. Потеря перспектив // Последние новости. 1925. 2 августа.
10. Милюков П.Н. Рецензия на «Экономический вестник» / Под ред. С.Н. Прокоповича // Последние новости. 1923. 8 ноября.
11. Последние новости. 1925. 15 марта.
12. Прокопович С.Н. Банкротство НЭПа // Свободная Россия, 1924. № 2.
13. Руль. 1925. 11 января.
14. Струве П.Б. Итоги и существо коммунистического хозяйства // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX – начала XX века. Избр. произведения / Сост. Я.И. Кузьминов. М., 1994.
15. Эволюция большевиков // Руль. 1923. 13 июля.

Вдовин А.И. «Националистический нэп» в истории СССР¹

¹ Вдовин Александр Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России XX-XXI вв. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; профессор кафедры новейшей отечественной истории исторического факультета Московского педагогического государственного университета, г. Москва.

Аннотация: Автор исходит из допущения, что националистический нэп (ННЭП) – такой же исторический феномен, как новая экономическая политика. В статье сделана попытка дать определение ННЭПа, выявить его предпосылки, хронологические рамки, проявления на этапах перехода к ННЭПу, его углубления и отказа от него в связи с возвращением к классовой национальной политике.

Ключевые слова: нэп, националистический нэп, патриотизм, традиции, здоровый национализм, шовинизм, уклоны в национальном вопросе, Коминтерн, политика, отношения с союзниками по антигитлеровской борьбе, религия, церковь.

Vdovin A.I. "Nationalist NEP" in the history of the USSR

Abstract: The author proceeds from an assumption that the nationalist New Economic Policy (NNEP) – the same historical phenomenon as new economic policy. In article attempt to give definition NNEP, to reveal its prerequisites, a chronological framework, manifestations at transition stages to NNEP, its deepening and refusal of it in connection with return to class national policy is made.

Keywords: the New Economic Policy, the nationalist New Economic Policy, patriotism, traditions, healthy nationalism, chauvinism, biases in an ethnic question, Komintern, policy, the relations with allies on anti-Hitlerite fight, religion, church.

Постановка вопроса. Изучение истории национальной политики в СССР в годы Великой Отечественной войны наталкивают на мысль о проведении параллелей между этой политикой и нэпом 1921-1928 годов, а также неонэпом 1934-1936-х годов¹. Тогда новая политика понадобилась для восстановления народного хозяйства и создания необходимых условий перехода к социализму. В годы гитлеровского нашествия новая национальная политика СССР – националистический нэп – понадобился для мобилизации советского народа на победу в войне.

Под националистическим нэпом мы понимаем политику, обеспечивающую (отвечающую интересам) единства всех слоев народа (в нашем случае – общности народов СССР) для отражения непосредственной угрозы их существованию. В условиях войны – угрозы существованию конкретного народа и конкретной общности народов – национальные интересы преобладают над интересами отдельных классов и отдельных народов ради сохранения условий самого их существования. Если новая экономическая политика 1920-х годов была отступлением от классовой политики (политики военного коммунизма) к политике, отвечающей интересам крестьянства и других слоев общества, то националистический нэп был отступлением от классовой политики к политике, отвечающей интересам всех слоев политической нации (общности советских наро-

¹ См.: НЭП в контексте исторического развития России XX века. М., 2001; НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М., 2006; Цакунов С.В. Нэп: эволюция режима и рождение национал-большевизма // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. М., 1997; Роговин В.З. Сталинский неонэп. М., 1995 и др.

дов) во имя сохранения жизни каждого народа и их совокупности в едином государстве – СССР.

Историография дает основание для постановки проблемы о националистическом нэпе в СССР. Например, А. Верт, автор одной из самых проникновенных книг о Великой Отечественной войне, писал, что воззвание Сталина к национальной гордости русских, слова о немцах, «лишенных совести и чести» и о «великой русской нации» в докладе 6 ноября 1941 г., а также призыв вдохновляться мужественным образом «наших великих предков», прозвучавший на параде войск 7 ноября, означали не что иное как проявление сталинского национализма, который «уже много лет до этого... восторжествовал над интернационализмом Троцкого»¹. Некоторое время спустя, по словам того же Верта, «один весьма ортодоксальный коммунист» говорил: «Провозгласить националистический нэп было в то время совершенно необходимо». Октябрь и ноябрь 1941 г. были «самыми мрачными месяцами за все время советско-германской войны. С ними может сравниться только октябрь 1942 г., когда висела на волоске судьбе Сталинграда»².

В.И. Криворотов, участник гражданской войны в России на стороне белых, затем эмигрант, выпускник югославского университета, участник Второй мировой войны на стороне противников Германии, а после нее – бразильский писатель, утверждал, что массовая сдача советских солдат в немецкий плен в начале войны показывала, что у них «нет никакого желания защищать Политбюро»³. Сам Сталин в беседе с У. Гарриманом, возглавлявшим делегацию США на московском совещании в конце сентября 1941 г. признавал: «Мы знаем, народ не хочет сражаться за мировую революцию; не будет он сражаться и за советскую власть... Может быть, будет сражаться за Россию»⁴. Поэтому, по Криворотову, советским властям «пришлось спешно применять нечто похожее на нэп, вроде НПП – Новой Психологической Политики. Пришлось показать народу не то оплеванное политграммой русское прошлое, а то блестящее из него, что было тщательно скрывается»⁵.

Выбор в пользу ННЭПа или новой психологической политики был исключительно своевременным. Этот идеологический поворот, совершенный в начале войны, во многом обусловил ее коренной перелом и в конечном итоге саму Победу. Как позднее написал видный русский писатель, мыслитель и общественный деятель И.Л. Солоневич, «разгром Гитлера есть, конечно, результат национального чувства, взятого в его почти химически чистом виде»⁶.

¹ Верт А. Россия в войне 1941-1945. М., 1965. Вып. 1. С. 246.

² Там же. С. 247.

³ Криворотов В.И. Некоторые мысли к русской возрожденческой идее: статьи и письма. Мадрид, 1975. С. 160.

⁴ Цит. по: Николаевский Б.И. Тайные страницы истории. Сборник документов и материалов. М., 1995. С. 204.

⁵ Криворотов В.И. Указ. соч. С. 160.

⁶ Солоневич И.Л. Народная монархия. Репринт. воспроизведение издания 1973 г. М.: Феникс, 1991. С. 200.

Признание того, что националистический нэп является историческим фактом, вызывает вопросы о предпосылках этого явления, о проявлениях ННЭПа, его хронологических рамках и этапах. Ответам на эти вопросы и посвящена настоящая статья.

Предпосылки ННЭПа стали складываться уже вскоре после Октябрьской революции. Как известно, большевики пошли на захват власти в России «исключительно в расчете на мировую революцию»¹. После прихода к власти В.И. Ленин неустанно призывал «идти на самые величайшие национальные жертвы... если это полезно развитию *интернациональной* рабочей революции»². Когда, несмотря на жертвы, революции не случилось, он очень хотел, чтобы «пролетарская Советская республика, первая в мире свергнувшая свой империализм, продержалась до революции в Европе, раздувая пожар в других странах»³. До конца своих дней он выражал уверенность в близости и неизбежности международной революции. В его последней статье «Лучше меньше, да лучше», продиктованной 2 марта 1923 г., утверждалось: «Весь мир уже переходит теперь к такому движению, которое должно породить всемирную социалистическую революцию»⁴. Однако уже к этому времени выяснялось, что мировая революция «запаздывает».

Ее дальнейшее запаздывание вынуждало прагматически мыслящих лидеров революционной республики все больше и больше переключаться с мировых проблем на обустройство «отвоеванной у мирового капитала» России. Идея строительства социализма первоначально в одной, отдельно взятой стране, после смерти Ленина высказывалась Н.И. Бухариным и А.И. Рыковым, а затем генеральным секретарем ЦК РКП(б) И.В. Сталиным.

«Изучая империализм, особенно в период войны, Ленин пришел к закону о неравномерности, скачкообразности экономического и политического развития капиталистических стран», – писал Сталин 17 декабря 1924 г.⁵ По смыслу этого закона он заключил: «Победа социализма в одной стране, если даже эта страна является менее развитой капиталистически, при сохранении капитализма в других странах, если даже эти страны являются более развитыми капиталистически, – вполне возможна и вероятна»⁶.

Идея была поддержана большинством членов ЦК на XIV конференции партии в апреле 1925 г. На конференции подчеркивалось, что именно Ленин, а не кто-либо другой, открыл истину о возможности построения социализма в отдельно взятой стране. Несмотря на это, идея еще несколько лет оставалась дискуссионной. То было время острой полемики между революционерами, считавшими невозможной победу социализма в России без мировой пролетарской революции, и их противниками, которые призывали, не дожидаясь ее, постро-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5 изд. М., 1974. Т. 42. С. 1.

² Там же Т. 37. С. 108.

³ Там же.

⁴ Там же. Т. 45. С. 403.

⁵ Сталин И.В. Соч. М., 1947. Т. 6. С. 369.

⁶ Там же. С. 370.

ить социализм в одной стране, чтобы использовать его в свою очередь как «базу и орудие мирового революционного движения»¹.

В феврале 1931 г. была выставлена новая веха на пути к ННЭПу. Выступая на всесоюзной конференции работников социалистической промышленности Сталин заявил: «В прошлом у нас не было и не могло быть отечества. Но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас, у народа, – у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость»². Новое определение «социалистического отечества» потребовалось для того, чтобы сузить его неопределенные пролетарско-мировые очертания до реальных границ СССР. Это позволяло «реабилитировать» патриотизм в его привычном для широких масс виде, начать его культивирование как высшей доблести советских людей.

После прихода Гитлера к власти в Германии на острие политики СССР стали выдвигаться новые трактовки отечественной истории и патриотизма в его советском варианте. В 1934 г. анализ ситуации в Германии членами Политбюро с участием Г.М. Димитрова, вызволенного из нацистской тюрьмы, привел к заключению о том, что главная причина неудач коммунистов крылась в неправильном подходе к широким слоям рабочего класса, в пропаганде, замешанной на национальном нигилизме, в игнорировании своеобразия национальной психологии. Димитров, избранный генеральным секретарем Исполкома Коминтерна, начал перестраивать его работу с учетом выявленных ошибок³.

Восстановив в «правах» Родину и Отечество (раньше эти понятия связывались с дореволюционной Россией, защитниками и патриотами которой могли быть только реакционеры и белогвардейцы), большевики в июне 1934 г. признали также и ранее «совершенно неприличный в устах социал-демократа “патриотизм”»⁴, однако теперь уже в качестве высшего закона советской жизни, высшей общественной ценности и высшей доблести человека⁵. Советское руководство остановилось перед признанием национализма в его здоровом выражении точно такой же доблестью, как и патриотизм. Между патриотизмом и национализмом есть прямая связь. Если патриотизм – любовь к Родине, то национализм в его здоровом выражении есть любовь к нации, бережное отношение к национальным традициям.

В 1941 г., перед войной, Сталин и его ближайшие сподвижники были готовы сделать и этот шаг. 27 февраля секретарь ЦК ВКП(б) по идеологии А.А. Жданов на встрече с Г.М. Димитровым, А.А. Андреевым и Г.М. Маленковым сделал поразительное признание: «Мы сбились (т.е допустили ошибку. – *А.В.*)

¹ Там же. Т. 11. С. 152.

² Там же. Т. 13. С. 39.

³ Лейбзон М.М. Поворот в политике Коминтерна: Историческое значение VII конгресса Коминтерна. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1975. С. 93.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5 изд. М., 1973. Т. 17. С. 190.

⁵ Васильковский Г. Высший закон жизни // Правда. 1934. 28 мая; За родину! // Правда. 1934. 9 июня; Постановление ЦИК Союза ССР «О дополнении положения о контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления статьями об измене Родине» // Правда. 1934. 9 июня.

на национальном вопросе. Не обращали достаточно внимания на национальные моменты». Между тем требуется «сочетание пролетарского интернационализма со здоровыми национальными чувствами данного народа. Подготовить надо наших “националистов”»¹. И уже на следующий день в Исполнительном комитете Коминтерна состоялось практическое обсуждение вопроса об одногодичной школе по подготовке таких «националистов». Определялся состав слушателей и преподавателей. Программа школы составлялась «с учетом большого внимания к национальным проблемам (проблемам собственно стран)», – записано в дневнике Г.М. Димитрова².

12 мая 1941 г. руководители Коминтерна, Г.М. Димитров (генеральный секретарь ИККИ) и Д.З. Мануильский (секретарь ИККИ), обсуждали вопрос о возможном прекращении деятельности Коминтерна, обдумывали мотивировку такого решения. В тот же день судьба Коминтерна стала темой беседы Г.М. Димитрова и А.А. Жданова. Итоги разговора отражены Димитровым в его дневнике: «Нужно развивать идеи сочетания здорового, правильно понятого национализма с пролетарским интернационализмом. Пролетарский интернационализм должен опираться на этот национализм (т. Сталин разъяснял, что между правильно понятым национализмом и пролетарским интернационализмом нет и не может быть противоречия. Безродный космополитизм, отрицающий национальные чувства, идею родины, не имеет ничего общего с пролетарским интернационализмом. Этот космополитизм подготавливает почву для вербовки разведчиков, агентов врага). Идеи Коминтерна глубоко проникли в ряды передовых слоев рабочего класса капиталистических стран. На данном этапе необходимо, чтобы коммунистические партии развивались как самостоятельные национальные партии. На основе расцвета национального коммунистического движения в отдельных странах возродится на следующем этапе на более крепкой и широкой базе международная коммунистическая организация. Нужно показать ясно, что прекращение деятельности ИККИ не означает отказ от международной пролетарской солидарности»³. Предполагалось, что «от этого шага коммунистическое движение может получить большие выгоды: а) сразу потеряют всю почву все антикоминтерновские пакты; б) важный козырь буржуазии, что коммунисты являются подчиненными иностранному центру, а значит “предатели”, будет отнят; в) Компартия в каждой стране усилит свою самостоятельность и превратится в подлинно народную партию своей страны; г) облегчается вступление в компартию и тех рабочих-активистов, которые теперь входят, считая, что тем самым они отчуждаются от своего народа»⁴.

Таким образом, к июню 1941 г. выбор в пользу ННЭПа в руководстве ВКП(б) и Коминтерна фактически был уже сделан. Дело оставалось за разъяснением и пропагандой в широких слоях населения. В армии такая работа по

¹ Цит. по: Марьина В. Георги Димитров – советский гражданин. 1934-1945 гг. (по материалам дневников Г. Димитрова) // Россия XXI. 2007. № 4. С. 97.

² Там же.

³ Там же. С. 100.

⁴ Там же. С. 101.

существу уже началась. В мае 1940 г., по окончании советско-финской войны под руководством вновь назначенного наркома обороны С.К. Тимошенко прошло совещание по военной идеологии. Пафос основного доклада, с которым выступил начальник Политуправления РККА Л.З. Мехлис, заключался в некотором отрезвлении от шапкозакидательских настроений и призывах покончить с культом опыта гражданской войны. Одновременно прозвучал призыв к внесению изменений в работу по воспитанию Красной армии. Осуждалось забвение русской военной истории: «Не популяризируются лучшие традиции русской армии, и все, относящееся к ней, огульно охаивается... В оценке действий царской армии процветает шаблон упрощенчества. Всех русских генералов до недавнего времени скопом зачисляли в тупицы и казнокрады. Забыты русские полководцы – Суворов, Кутузов, Багратион и другие, их военное искусство не показано в литературе и остается неизвестным командному составу»¹. 23 мая 1940 г. Л.З. Мехлис направил А.А. Жданову доклад о работе Политуправления Красной Армии. В докладе снова осуждалось «неправильное освещение интернациональных задач» и выдвигалось предложение о том, что «нашу армию необходимо воспитывать на ее героических традициях и на героическом прошлом русского народа»².

Важнейший выбор в пользу введения ННЭПа был сделан в связи с определением характера начинавшейся войны утром 22 июня 1941 г. На совещании советских руководителей с участием Димитрова прозвучало: «Советский народ ведет Отечественную войну против фашистской Германии. Коминтерн пока не должен выступать открыто. Партии на местах развертывают движение в защиту СССР. Не ставить вопрос о социалистической революции. Вопрос идет о разгроме фашизма, поработившего ряд народов и стремящегося поработить и другие народы»³. В шифровках компартиям, секциям Коминтерна, отправленных в тот же день, подчеркивалось: «Учтите, что на данном этапе вопрос идет о защите народов от фашистского порабощения, а не о социалистической революции»⁴.

В.М. Молотов в полдень 22 июня в своем обращении к советскому народу говорил о начавшейся войне: «В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил Отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с ... Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную Отечественную войну»⁵. Эта же мысли прозвучали и в июльской речи Сталина.

¹ Цит. по: Рубцов Ю.В. Alter ego Сталина. Страницы политической биографии Л.З. Мехлиса. М.: Звонница МГ, 1999. С. 136.

² Мехлис Л.З. О работе Политического управления Красной Армии. Из доклада в ЦК ВКП (б), 23 мая 1940 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 199.

³ Цит. по: Фирсов Ф.И. Архивы Коминтерна и внешняя политика СССР в 1939-1941 гг.) // Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 34.

⁴ История Коммунистического Интернационала. 1919-1943: Документальные очерки. М.: Наука, 2002. С. 192, 194.

⁵ Молотов В.М. Выступление по радио заместителя Председателя Совета Народных

В ней был сделан особый упор на то, что война с фашистской Германией не должна рассматриваться как обычная война между армиями, это – «великая война всего советского народа», «всенародная отечественная война», «война за свободу нашего отечества», которая «сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы»¹.

Свое основное выражение всенародный характер войны получил в мобилизации на фронт и тыловые работы в народном хозяйстве военнообязанных всех национальностей СССР. Накануне войны в составе населения СССР русские насчитывали 51,8%, украинцы – 17,6%, белорусы – 3,6%, другие национальности – 27%². Среди мобилизованных за все годы войны русских было 65,4%, украинцев – 17,7%, белорусов – 3,2%, других – 13,7%. Среди отдавших свои жизни за Победу русские составляли 66,4%, украинцы – 15,9%, белорусы – 2,9%, другие национальности – 14,8%³. Особенности национального состава победителей (преобладание славянского ядра) учитывалось в воспитательной и агитационно-пропагандистской работе в армии и тылу на протяжении всего периода войны.

Воскрешение традиций русской армии. Во всей воспитательной и агитационно-пропагандистской работе сознательно и многократно усиливалась роль традиций – способа сохранения и передачи из поколения в поколение ценностей, основополагающей системы взглядов, философии, которая задает место человека в мироздании, определяет его отношения с вечностью, его обязательства по отношению к ближним, к другим людям⁴. В условиях войны на первое место выдвигались традиции русской армии. Их воскрешение прослеживается с первых дней войны.

В соответствии с традицией уже 23 июня 1941 г. был создан чрезвычайный орган высшего военного управления, осуществлявший стратегическое руководство Советскими Вооружёнными Силами – Ставка Главного Командования, преобразованная вскоре в Ставку Верховного Командования (10 июля), а затем в Ставку Верховного Главного Командования (8 августа). В июле 1941 г. вышла из печати книга «Героическое прошлое русского народа в художественной литературе» с разделами «Киевская Русь в борьбе с кочевниками», «Александр Невский и Ледовое побоище», «Грюнвальдская битва», «Полтавский бой», «Семилетняя война», «Походы Суворова», «Отечественная война», «Крымская война 1854-1855 и оборона Севастополя», «Первая мировая война», «Гражданская война», «Война с белофиннами», «Великая Отечественная война советского народа против фашизма». Книга вышла в ряду многочисленных публикаций о героическом прошлом русского народа, о подвигах защитников Отечества в

Комиссаров Союза ССР и Народного Комиссара Иностранных Дел // Правда. 1941. 23 июня.

¹ Сталин И.В. О великой Отечественной войне Советского Союза. М., 2002. С. 15.

² Население России в XX веке: Исторические очерки: В 3 т. М., 2001. Т. 2. С. 13, 15.

³ Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М.: Вече, 2014. С. 228.

⁴ Речь Святейшего Патриарха Кирилла на церемонии присуждения степени *honoris causa* Московского государственного университета 28 сентября 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2496952.html> (дата обращения: 01.08.2015).

отражении попыток его порабощения в прошлом, о подвигах, которые представлялись примером для современников, спасавших страну от новой напасти. Воскрешению вдохновляющих традиций старой русской армии служило возрождение 18 сентября 1941 г., после героического Смоленского сражения, гвардейских званий. Слово «гвардия», появившееся в России еще в петровское время, всегда означало самые отборные, боеспособные, отличающиеся особым мужеством войска.

Переход к ННЭПу открывался выступлениями И.В. Сталина в ноябре 1941 г. по случаю годовщины Октябрьской революции. 7 ноября в обращении на параде Красной армии ко всем красноармейцам и партизанам он говорил: «Война, которую Вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!»¹

Днем ранее, в докладе на торжественном заседании Моссовета, было положено начало культивированию ненависти к поработителям. О немцах и их лидерах в этом выступлении говорилось в уничижительно-оскорбительном тоне, как о людях, «лишенных совести и чести, людях с моралью животных», которые «имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова!.. Немецкие захватчики хотят иметь истребительную войну с народами СССР. Что же, если немцы хотят иметь истребительную войну, они ее получают. Отныне наша задача... будет состоять в том, чтобы истребить всех немцев до единого, пробравшихся на территорию нашей родины в качестве ее оккупантов»².

Вскоре руководство СССР пошло еще дальше. В начале контрнаступления советских войск под Москвой, 10 декабря, начальник Главного политического управления РККА направил в войска директиву: «Все военные газеты... печатают рядом с названием газеты лозунг: “Пролетарии всех стран, соединяйтесь”. В условиях войны с немецко-гитлеровскими империалистами, когда стоит задача истребить всех немецких оккупантов, этот лозунг может неправильно ориентировать некоторые прослойки военнослужащих. Приказываю: 1. Со всех без исключения военных газет снять... лозунг “Пролетарии всех стран, соединяйтесь” и заменить его лозунгом “Смерть немецким оккупантам!” ...2. Ни одно печатное издание (книги, брошюры, журналы, листовки и т.п.), выпускаемое политорганами и штабами для наших войск, не должно впредь иметь лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь»... 3. Лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» разрешаю ставить на литературе, издаваемой для войск противника... 4. На листовках, брошюрах и газетах, выпускаемых для населения оккупированных немцами районов, ставить лозунг: «Смерть немецким оккупан-

¹ Сталин И.В. О великой Отечественной войне Советского Союза. С. 37.

² Там же. С. 31.

там»¹. 20 декабря 1941 г. словосочетание «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» было также заменено лозунгом «Смерть немецким оккупантам!» на знамёнах воинских частей².

С этого дня спасение страны и социализма окончательно связывалось с превращением войны в отечественную, национальную, а не классовую. Этот поворот и означал, на наш взгляд, завершение перехода к ННЭПу в СССР. Идеологический поворот, связанный с внедрением в коммунистическую идеологию национально-патриотических лозунгов, признание духовно-культурных ценностей дореволюционной России великим достоянием СССР с позиций коммунистического фундаментализма были временным отходом от идей революции и пролетарского интернационализма и могли быть терпимыми лишь как вынужденная уступка. Коммунистическое руководство страны не могли официально признать введение ННЭПа, поскольку это означало бы явный разрыв с ленинским учением. В.И. Ленин утверждал в свое время: «Марксизм непримирим с национализмом, будь он самый “справедливый”, “чистенький”, тонкий и цивилизованный»³. Останавливало и опасение перед возможными обвинениями Сталина со стороны партийных ортодоксов в переходе в национальном вопросе на шовинистическую точку зрения, ставящую нацию и национальную идею в центр идеологии и политики. Именно поэтому, как представляется, вводя ННЭП фактически, пришлось делать вид, что он не противоречит интернационализму.

Несмотря на ННЭП, принципы интернационализма, трактуемые как равноправие, сотрудничество, взаимопомощь в отношениях между народами, никогда не исключались из арсенала советской политики. Без них было бы невозможно образование союза народов и укрепление антигитлеровской коалиции. В 1942 г., во время успешного развития операции по разгрому немецко-фашистских войск под Москвой казалось, что инициатива сохранится в руках Красной армии до победного окончания войны⁴. В приказе Наркома обороны от 1 мая 1942 г. он считал возможным «добиться того, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения советской земли»⁵.

При этом, в духе интернационализма подчеркивалось, что цель Красной армии состоит вовсе не в том, чтобы истребить немецкий народ и уничтожить германское государство, как это изображалось порой в иностранной печати⁶.

¹ Директива начальника Главного политического управления РККА, 10 декабря 1941 г. // Лютов С.Н. Организация военно-политической пропаганды в первые месяцы Великой Отечественной войны: Документы // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Новосибирск, 2011. Т. 10. Вып. 1. С. 204-212. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nsu.ru/jspui/bitstream/nsu/4713/1/23.pdf> (дата обращения: 01.08.2015).

² Великая Отечественная: Главные политические органы Вооружённых Сил СССР в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. М., 1996. С. 96.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5 изд. М., 1973. Т. 24. С. 131.

⁴ Сталин И.В. О великой Отечественной войне Советского Союза. С. 42.

⁵ Там же. С. 50.

⁶ Там же. С. 43.

Очень вероятно, полагал Сталин, что война за освобождение советской земли приведет к изгнанию или уничтожению клики Гитлера. Но в СССР не отождествляют клику Гитлера с немецким народом и немецким государством. «Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остается». У Красной армии «нет и не может быть расовой ненависти к другим народам, в том числе и к немецкому народу... Теория расового равноправия в СССР и практика уважения к правам других народов привели к тому, что все свободолюбивые народы стали друзьями Советского Союза»¹.

Углубление ННЭПа. Однако после поражений весной-летом 1942 г. и вплоть до весны 1944 г., когда победный исход войны обозначился со всей очевидностью, советской стороне пришлось постоянно изыскивать ресурсы для укрепления духа Советской армии на путях углубления ННЭПа. В литературе и пропаганде безраздельно господствовали два чувства – любовь к России и ненависть к врагу, выливавшаяся в клич «Убей немца!». Потрясающим по глубине выражения этих чувств стал рассказ М. Шолохова «Наука ненависти», опубликованный 23 июня 1942 г. в ряде газет. В июле в «Правде» напечатана пьеса К. Симонова «Русские люди» – высокохудожественное воплощение темы «все русские едины». Своего максимума чувство патриотизма в сочетании с темой ненависти достигло в стихотворении Симонова «Убей его!», опубликованном в «Красной звезде» 17 июля 1942 г.: «Если ты не хочешь отдать / Немцу с черным его ружьем, / Дом, где жил ты, жену и мать, / Все, что Родиной мы зовем... / Так убей же хоть одного! / Так убей же его скорей! / Сколько раз увидишь его, / Столько раз его и убей!». Феноменальную способность перелagать жгучую ненависть русских и всех советских людей к немцам на язык едкой, вдохновляющей прозы проявил И. Эренбург. Его статья «Убей!» утверждала: «Мы поняли: немцы не люди. Отныне слово «немец» для нас самое страшное проклятие». «Если ты убил одного немца, убей другого – нет для нас ничего веселее немецких трупов» (Красная звезда. 1942. 24 июля). В дни, когда немцы рвались к Сталинграду, Эренбург обращался к его защитникам: «Можно все стерпеть – чуму, голод, смерть. Нельзя стерпеть немцев. Нельзя стерпеть этих олухов с рыбьими глазами, которые презрительно фыркают на все русское... Не жить нам, пока живы эти серо-зеленые гады. Нет... ничего кроме одной мысли: убить немцев. Перебить их всех. Закопать, Тогда уснем. ...Нужно их перебить скорее, не то они разорят всю Россию, замучат еще миллионы людей» (Красная звезда. 1942. 13 августа). Днем раньше в этой газете было опубликовано стихотворение Алексея Суркова «Ненавижу!», заканчивающееся словами: «Осквернен мой дом пруссаками, / Мутит разум их пьяный смех, / Я бы этими вот руками / Задушил их проклятых всех»².

Когда началась битва за Сталинград, 29 июля 1942 г. Президиум ВС СССР издал Указ об учреждении трех новых орденов для награждения командного

¹ Там же.

² Цит. по: Верг А. Россия в войне 1941-1945. М.: Прогресс, 1965. Вып. 2. С. 45-51.

состава Красной Армии – Суворова, Кутузова, Александра Невского. С учреждением этих орденов возникал ряд наград, семантически связанных со старым строем, совсем недавно трактовавшимся как антинародный, самодержавный. А после побед в Сталинграде и на Курской дуге были добавлены еще четыре ордена, развивавшие возникшую тенденцию: 10 октября 1943 г. – Богдана Хмельницкого, 3 марта 1944 г. – Ушакова и Нахимова, и только для рядового, сержантского и старшинского состава – Славы трех степеней, повторявший существовавший до революции знак отличия ордена св. Георгия – Георгиевский крест для нижних чинов. С этого времени наряду с советскими наградами военнослужащим не запрещалось носить Георгиевские кресты, полученные в Первую мировую войну.

Данью историческим традициям стало возвращение армии офицерских званий и традиционной формы русской военной одежды с погонами (январь 1943 г.) – золотыми и серебряными, широкими и узкими в зависимости от рода войск, принадлежности к той или иной службе вооруженных сил. С прежними, дореволюционными просветами и звездочками вместо привычных петлиц с «треугольниками», «кубиками», «шпалами»¹.

По некоторым данным, 10 января 1943 г. члены Политбюро согласилось с И.В. Сталиным в том, что «общая политическая и военная обстановка требует еще более резкого курса на патриотизм и русский национализм». Представлялось своевременным изменение названия "командир" на "офицер", привлечение духовенства всех исповеданий, особенно православного, на службу в армии и даже переименование Красной армии в Русскую армию, введение трехцветного государственного флага². Предложения не имели последствий в виде реального постановления. Но они вполне укладывались в углубляющееся русло возрождаемых исторических традиций в воюющей стране.

В мае 1943 г., когда события на фронте для советской стороны вновь поворачивались к худшему, а второй фронт еще не был открыт, руководство ВКП(б) пошло на роспуск Коминтерна, известного всему миру «штаба мировой революции». Такая идея впервые выдвигалась в апреле 1941 г. Тогда она мыслилась как разменная карта в торге с Гитлером, способная устранить основу антикоминтерновских пактов. В условиях весны 1943 г. важно было как можно скорее развеять распространенные на Западе подозрения о коминтерновских планах «большевизации» Европы и добиться укрепления союзнических отношений с капиталистическими странами ради расширения их помощи советскому народу. Между тем эти отношения в мае 1943 г. совсем не удовлетворяли СССР, причем настолько, что советские послы М. М. Литвинов и И.М. Майский были отозваны из столиц США и Великобритании³. О роспуске Коминтерна было

¹ Рудевич А. Почему Сталин вернул погоны в 1943 году. 10.02.2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://amic-polit.ru/pochemu-stalin-vernul-pogonyi-v-1943-godu> (дата обращения: 01.08. 2015).

² См.: Цурганов Ю.С. Зачем Сталину трехцветное знамя? // Посев. 2000. № 10. С. 36; Он же. Неудавшийся реванш: Белая эмиграция во Второй мировой войне М., 2001. С. 240, примеч. 395; История России. XX век: 1939-2007 / Отв. ред. А.Б. Зубов. М., 2009. С. 122.

³ Ваксберг А.И. Из ада в рай и обратно: Еврейский вопрос по Ленину, Сталину и

объявлено в прессе 15 мая, в самом начале Вашингтонской конференции с участием Рузвельта и Черчилля, от результатов которой зависело, когда будет открыт второй фронт. Объявление, положительно воспринятое в странах Запада и особенно в США, привело к укреплению их отношений с Советским Союзом. «Роспуск Коммунистического Интернационала является правильным и своевременным, – говорил Сталин, – так как он облегчает организацию общего натиска всех свободолюбивых наций против общего врага – гитлеризма»¹.

С лета 1943 г. усиливалась пропагандистская работа на фронте на основе директивы о воспитании советского патриотизма на примерах героического прошлого русского народа (направлена в войска по указанию ЦК ВКП(б) Главным политическим управлением Советской Армии 25 мая 1943 г.)². В помощь пропагандистам была подготовлена и издана массовым тиражом книга «Героическое прошлое русского народа», состоящая из разделов: Александр Невский и его победы над шведами и немцами; Дмитрий Донской и разгром хана Мамаю в 1380 г.; Минин и Пожарский. Разгром немецкой армии русскими войсками в Семилетней войне (1756-1763) и взятие Берлина; Великий русский полководец Александр Суворов; Отечественная война 1812 года и Михаил Илларионович Кутузов; Героическая оборона Севастополя (1854-1855); Брусилковский прорыв 1916 г.; Борьба советских народов с немецкими оккупантами в 1918 г. Широко распространялись брошюры и книги о Белинском, Чернышевском, Сеченове, Павлове, Пушкине, Толстом, Глинке, Чайковском, Репине, Сурикове и других великих представителях русского народа³.

Данью историческим традициям стало учреждение в августе 1943 г. Суворовских и Нахимовских училищ типа старых кадетских корпусов для подготовки с детства профессиональных военных. В училища в первую очередь принимались дети погибших на войне офицеров⁴.

С сентября 1943 г., вводилось, по дореволюционной традиции, отдельное обучение мальчиков и девочек в средней школе (существовало до июля 1954 г.)⁵.

Солженицыну. М.: Олимп, 2003. С. 246.

¹ Сталин И.В. О великой Отечественной войне Советского Союза. С. 91.

² Идеологическая работа КПСС в действующей армии. 1941-1945 гг. М.: Воениздат, 1985. С. 48.

³ Героическое прошлое русского народа в художественной литературе. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941.

⁴ Лешин Г.М. Создание в Советском Союзе сети суворовских военных училищ (по типу старых кадетских корпусов России) в 1943-1944 гг. и в первой половине 50-х годов. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ruscadet.ru/history/sms_nmns/comm.htm (дата обращения: 01.08.2015).

⁵ Пыжиков А.В. Раздельное обучение в советской школе. 24.10.2007. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.portalus.ru/modules/shkola/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1193232434&arc_hive=1196815145&start_from=&ucat=& (Дата обращения: 01.08.2015).

В сентябре 1943 г. была осуществлена, по мнению Ж.А. Медведева, «наиболее важная националистическая реформа – полная легализация русской православной церкви»¹. Ряд шагов к прекращению гонений и признанию важной роли церкви был сделан с началом войны. В 1942 г. церкви была отдана типография Союза воинствующих безбожников, где напечатана большая книга под названием «Правда о религии в России». В ней отмечались полная свобода религии в СССР, традиционный патриотизм Русской православной церкви, подчеркивалась тесная связь между русским народом и его церковью². В конце марта в Ульяновске был созван первый за время войны Собор епископов Русской православной церкви. На нем были осуждены иерархи, вставшие на путь сотрудничества с германскими оккупационными властями. Осуждение «изменников веры и Отечества» не могло не сокращать общих масштабов коллаборационизма на оккупированных территориях. Оно во многом способствовало тому, что большинство попавших в оккупацию рядовых священников сохраняли верность Родине, помогали партизанам, укрывали мирных жителей от репрессий гитлеровцев. Патриотическая деятельность священников нещадно каралась оккупантами.

Демонстрируя меняющееся отношение к церкви, московские власти в апреле 1942 г. впервые способствовали организации религиозного празднования православной Пасхи. 2 ноября 1942 г. один из трех высших иерархов РПЦ, митрополит Николай (Б.Д. Ярушевич), был включен в Чрезвычайную государственную комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. 5 января 1943 г. митрополит Сергей послал Сталину телеграмму с просьбой разрешить открытие церковью банковского счета, на который вносились бы деньги, жертвуемые на оборону. В ответной телеграмме Сталин дал свое согласие и поблагодарил церковь за ее труды. Открытие банковского счета означало признание церкви де-факто юридическим лицом. Главные перемены в отношениях между государством и церковью произошли после встречи Сталина с митрополитами Сергием, Алексием и Николаем. Во встрече участвовали также В.М. Молотов и начальник отдела НКВД Г.Г. Карпов, назначенный на пост будущего председателя Совета по делам Русской православной церкви при Совмине СССР³.

Встреча состоялась 4 сентября 1943 г. На ней был очерчен круг вопросов, требующих решения для нормализации государственно-церковных отношений в СССР⁴. Сразу же после встречи Патриархии был передан особняк, занимае-

¹ Медведев Ж. Сталин как русский националист // Медведев Ж.А., Медведев Р.А. Неизвестный Сталин. М.: Время, 2007. С. 484.

² Правда о религии в России. М.: Московская патриархия, 1942.

³ См.: Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве: (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939-1964 годах). 3-е изд., доп. М.: Изд-во Крутицкого подворья; Общество любителей церковной истории, 2005. С. 195-216.

⁴ См.: Одинцов М.И. Сталин: «Церковь может рассчитывать на всестороннюю поддержку правительства» // Диспут. 1993. № 3. С. 142-145; Записка Г.Г. Карпова // Там же. С. 146-153.

мый ранее германским послом. 8 сентября был созван Архиерейский собор для избрания патриарха, престол которого пустовал со дня смерти патриарха Тихона (В.И. Беллавин). 12 сентября Собор в составе 19 иерархов (16 из них до этого испытали репрессии, прошли лагеря и ссылки) избрал митрополита Московского Сергия новым Патриархом Московским и всея Руси. Затем было объявлено об образовании совещательного органа при Патриархе – Священного Синода из трех постоянных и трех временных членов. Собор принял актуальный для военного времени документ, в котором говорилось, что «всякий виновный в измене общецерковному делу и перешедший на сторону фашизма, как противник Креста Господня, да числится отлученным, а епископ или клирик – лишенным сана». Не менее значимым было обращение Собора к христианам всего мира с призывом «объединиться во имя Христа для окончательной победы над общим врагом».

8 октября 1943 г. образован Совет по делам Русской православной церкви при СНК СССР. С конца года открываются для службы храмы, растет число православных общин, возвращается из лагерей репрессированное духовенство. В ноябре 1944 г. правительство приняло решение об открытии Православного богословского института и богословско-пастырских курсов. Позднее они были преобразованы в две духовные академии и 8 семинарий. Церковь получила возможность легальной подготовки кадров священнослужителей.

По мере освобождения советских земель от оккупантов в лоно РПЦ возвращались монастыри и храмы, в большом количестве открытые по разрешению немецких властей в целях противопоставления их советской власти. Всего за 3 года на занятой гитлеровцами территории восстановлено около 9400 церквей, более 40% от их дореволюционного количества¹. В то же время фашистское нашествие привело к разрушению и повреждению 1670 православных храмов, 237 костелов, 532 синагог, 69 часовен, 258 других культовых зданий². Гитлеровцы, в принципе враждебно относящиеся к любой форме христианства, религиозную свободу допускали временно. Впоследствии, как писал гитлеровский идеолог А. Розенберг, христианский крест должен быть заменен свастикой. Однако первый этап религиозной политики гитлеровцев на оккупированной территории оказал существенное влияние на государственно-церковные отношения в СССР.

¹ Шкаровский М.В. Германская церковная политика и "религиозное возрождение" на оккупированной территории Белоруссии, Прибалтики и Северо-Запада России. [Электронный ресурс]. URL: http://www.orthedu.ru/ch_hist/hi_rpz/2524ger.htm (дата обращения: 01.08.2015).

² Из сообщения Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР. 12 сентября 1945 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000193/st177.shtml> (дата обращения: 01.08.2015).

Кульминацией признания советской властью роли и авторитета церкви стало проведение Поместного собора РПЦ (31 января – 2 февраля 1945 г.), созванного в связи со смертью патриарха Сергия. Собор принял «Положение об управлении Русской православной церкви» и избрал тринадцатым Патриархом Московским и всея Руси ленинградского митрополита Алексия (С.В. Симанский).

Урегулирование государственно-церковных отношений распространилось и на другие религиозные объединения, развернувшие активную патриотическую деятельность в годы военного лихолетья. Так, Союз мусульман, созданный в Уфе в июне 1942 г., призвал всех мусульман страны к борьбе против фашистов и осудил сотрудничество части мусульман с гитлеровцами. Евангельские христиане-баптисты собрали средства на транспортный самолет, а Армяно-григорианская церковь – на танковую колонну «Давид Сасунский»¹.

К концу войны в СССР действовали 10 547 православных церквей и 75 монастырей, в то время как перед ее началом было только около 380 церквей и ни одного монастыря. В 1945 г. в РПЦ возвращается Киево-Печерская лавра, из запасников музеев передаются в действующие храмы чудотворные мощи, изъятые в 1920–1930-е годы. Годы войны стали годами религиозного возрождения в СССР².

1 января 1944 г. по радио прозвучал новый Государственный гимн СССР. Работа над созданием нового гимна велась с весны 1942 г. (устное поручение Сталина А.С. Щербакову), официально (создание комиссии во главе с К.Е. Ворошиловым) – с июня 1943 г. Решение о замене гимна было принято 25 сентября. Окончательный выбор музыки – 14 декабря. «Интернационал» оставался только гимном партии. Отбор текста по конкурсу и музыки для нового гимна проводился очень тщательно³. С 15 марта 1944 г. официальные торжественные мероприятия и ежедневные передачи советского радио начинались с исполнения гимна о нерушимом союзе республик, сплоченных великой Русью. В его основу положена величественная музыка А.В. Александрова с ее устремленностью и призывом к подвигу, так необходимыми сражающейся стране.

Уже в первых откликах на новый гимн военнослужащих различных званий и должностей, зафиксированных службой вездесущего начальника «СМЕРШа» В.С. Абакумова, были метко отмечены и особенности и значимость этого выдающегося произведения. «За границей это будут расценивать, как шаг назад, как уступку союзникам, а на самом деле это не так. Ведь сколько таких шагов мы сделали за войну: комиссаров ликвидировали – ничего не случилось, даже

¹ См.: Одинцов М.И. Конфессиональная политика в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. / Одинцов М.И., Кочетова А.С. М.: РОССПЭН, 2014.

² Шкаровский М.В. Нацистская Германия и Православная Церковь: (Нацистская политика в отношении Православной Церкви и религиозное возрождение на оккупированной территории СССР). М.: Изд-во Крутицкого Патриаршего Подворья: Общество любителей церковной истории, 2002. С. 498.

³ Шап И. История создания Гимна СССР. 23.12.2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chitalnya.ru/print.php?id=948169> (дата обращения: 01.08.2015).

лучше стали воевать; генеральские и офицерские звания ввели, погоны всем надели, дисциплину укрепили. Святейший Синод создали, патриарха выбрали, Коминтерн распустили и, наконец, отменили “Интернационал” – и все это на пользу родине. Как может быть “Интернационал” с немецким зверем, истребившим сотни тысяч советских людей, превратившим нашу страну в пустыню” (Яковлев – генерал-полковник, начальник Главного артиллерийского управления Красной армии). «Наконец-то вспомнили про великую Русь, а то ведь ее совсем было забыли. Из русского лексикона это слово было вычеркнуто. Это было большой ошибкой. Основой нашего государства, из которой возник Советский Союз, была Россия. На этой основе и надо воспитывать. Это слово создает большие традиции, в которых мы так нуждаемся» (Мотаев – инженер-полковник, начальник отдела Главного управления Инженерно-авиационной службы ВВС Красной армии)¹.

Сугубо прагматическими соображениями вызвалось и широко разрекламированное решение Январского (1944) пленума ЦК о расширении прав союзных республик в области обороны и внешних сношений². Решение, помимо всего прочего, расценивалось как «новый важный шаг в практическом разрешении национального вопроса в многонациональном советском государстве»³. Оно было связано с предложениями добиваться включения в состав создававшейся ООН 16 советских республик. Попытаться сделать это можно было, придав (хотя бы символически) большую «суверенность» союзным республикам. В расчете на это приняты указы ВС СССР о преобразовании союзных наркоматов обороны и иностранных дел в союзно-республиканские. Конституция СССР была дополнена статьей 18-а: «Каждая союзная республика имеет право вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами, заключать с ними соглашения и обмениваться дипломатическими и консульскими представителями»⁴. Республики получили конституционное право иметь самостоятельные воинские формирования.

Впервые о необходимости включения в число членов ООН всех союзных республик СССР было официально заявлено в августе 1944 г. на заседании глав делегаций на переговорах представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе⁵. Встретившись с неприятием этой инициативы, руководители СССР позднее, на Крымской (Ялтинской) конференции (февраль 1945 г.), гово-

¹ Спецсообщение Абакумова Сталину о реакции военнослужащих на новый государственный гимн СССР. 23.12.1943. [Электронный ресурс]. – URL: <http://warhistory.livejournal.com/1195008.html> (дата обращения: 01.08.2015).

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1985. Т. 7. С. 490.

³ Молотов В.М. О преобразовании Наркомата Обороны и Наркоминдела из общесоюзных в союзно-республиканские наркоматы: Доклад в Верховном Совете СССР 1 февраля 1944 г. // Агитатор и пропагандист Красной Армии. 1944. № 3-4. С. 2.

⁴ Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 — июль 1956). М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1956. С. 29.

⁵ Жуков Ю.Н. Тайны власти. М: ВАГРИУС, 2005. С. 217.

рили, что было бы справедливо, если «три или по крайней мере две из советских республик находились в числе инициаторов международной организации». При этом речь велась об Украине, Белоруссии и Литве, которые «понесли наибольшие жертвы в войне и были первыми территориями, на которые вторглись немцы»¹.

В конечном итоге усилия советской стороны увенчались соглашением о включении в ООН, помимо СССР, еще двух советских республик. Несомненное достижение советской дипломатии на международной арене с внутривластной точки зрения выглядело явной дискриминацией остальных «равноправных» субъектов федерации. Особенно Советской России, изначально лишенной возможности какого-либо самостоятельного участия в деятельности международных организаций. Объяснение этому видится одно – советским руководством РСФСР рассматривалась как государствообразующая республика, и в силу этого факта отпадала необходимость ее отдельного представительства в международных организациях.

Свертывание ННЭПа. Отступление от социалистической идеологии в духе ННЭПа дает о себе знать с начала завершающего этапа Великой Отечественной войны (1944-1945 гг.). В марте 1944 г., при подведении итогов обсуждения трехтомной «Истории философии», в редакционной статье журнала «Партийное строительство» утверждалось: «Партийные организации должны быть насторожены против малейших попыток протащить взгляды, отдающие великодержавным шовинизмом или местным национализмом». При этом предлагалось «постоянно разъяснять те принципы, на которых основан наш строй»². А в мае-июне того же года в ЦК состоялось совещание историков, на котором осуждались крайности, идущие по линии как очернения прошлого русского народа, преуменьшения его роли в мировой истории (А. М. Панкратова, М. В. Нечкина, Н. Л. Рубинштейн и др.), так и сползания на позиции «великодержавного шовинизма» и «квасного патриотизма» (Х.Г. Аджемян, Б.Д. Греков, А.В. Ефимов, Е.В. Тарле и др.). Этим, в частности, можно объяснить, почему не были приняты предложения о включении в число исторических героев А.А. Брусилова, А.М. Горчакова, А.П. Ермолова, М.И. Драгомирова, К.П. Кауфмана, М.Д. Скобелева, М.Г. Черняева и других военных и государственных деятелей дореволюционной России. Отвергнуты проекты об учреждении орденов, носящих имена Дениса Давыдова (для награждения партизан), Николая Пирогова (офицерам-медикам). Для гражданских лиц проектировался орден Михаила Ломоносова, а также медали, которые носили бы имена Чернышевского, Павлова, Менделеева. Известны и проектные рисунки советского ордена «Петр Великий». Проекты остались неосуществленными, видимо, из-за отсутствия острой

¹ Крымская конференция. 4-11 февраля 1945 г. Запись заседания глав правительств 7 февраля 1945 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/War_Conf/krim07.htm (дата обращения: 01.08.2015).

² Об идеологической работе парторганизаций // Партийное строительство. 1944. № 15-16. С. 4-8.

необходимости в дальнейшем поощрении «националистической» тенденции в наградном деле¹.

Вероятно, по этой же причине не получила развития в годы войны и беспрецедентная «топонимическая контрреволюция», произошедшая в Ленинграде за две недели до прорыва блокады города. 13 января 1944 г. П.С. Попков подписал решение исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся «О восстановлении прежних наименований некоторых улиц, проспектов, набережных и площадей города Ленинграда». В нем говорилось: «Ввиду того, что прежние наименования некоторых улиц, проспектов, набережных и площадей Ленинграда тесно связаны с историей и характерными особенностями города и прочно вошли в обиход населения, в силу чего лучше обеспечивают нормальные внутригородские связи, – Исполнительный комитет Ленинградского городского совета депутатов трудящихся решает восстановить наименования следующих улиц, проспектов, набережных и площадей города». Далее следовал перечень существовавших и восстановленных наименований: Проспект 25 октября – Невский проспект; Улица 3 июля – Садовая улица; Проспект Красных Командиров – Измайловский проспект; Площадь Красных Командиров – Измайловская площадь; Площадь памяти Жертв Революции – Марсово поле; Площадь имени Воровского – Исаакиевская площадь; Площадь имени Плеханова – Казанская площадь; Проспект имени Володарского – Литейный проспект; Проспект имени Нахимсона – Владимирский проспект; Проспект Карла Либкнехта – Большой проспект; Улица имени Розы Люксембург – Введенская площадь; Набережная имени Рошаля – Адмиралтейская набережная; Проспект имени Рошаля – Адмиралтейский проспект; Улица имени Слуцкого – Таврическая улица; Советский проспект – Суворовский проспект; Проспект Пролетарской Победы – Большой проспект; Проспект Мусоргского – Средний проспект; Проспект Железняка – Малый проспект; Площадь Урицкого – Дворцовая площадь; Набережная 9 января – Дворцовая набережная. «Националистическая контрреволюция» зримо и отчетливо восстанавливала статус Ленинграда как русского города, была должным образом «засчитана» П.С. Попкову и другим ленинградским руководителям в известном «Ленинградском деле» 1949-1950-х годов².

Воспитание у советских людей чувства ненависти и мести средствами публицистики, кино, всей системой политико-воспитательной работы, особенно поощряемое на первых этапах войны и выраженное в призывах «Смерть немецким оккупантам!», «Убей немца!», в преддверии Победы было решено прекратить с тем чтобы ненависть к врагу не вылилась во всеобщую слепую ярость ко всему немецкому народу.

11 апреля 1945 г. в «Красной звезде» была опубликована статья И.Г. Эренбурга «Хватит!», с призывами к поголовному истреблению немцев: «Во время

¹ Вдовин А.И. Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа. М., 2013. С. 198, 213.

² См.: Куняев С. Post scriptum I // Наш современник. 1995. № 10. С. 197.

встречи с союзниками скажем: “довольно! Немцы сами себя прозвали «оборотнями»... Обратней не будет: теперь не восемнадцатый год, хватит! На этот раз они не обернутся и не вернутся”». Рядом размещалась статья начальника Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрова «Товарищ Эренбург упрощает». В ней говорилось: «Если признать точку зрения т. Эренбурга (на Германию как на «колоссальную шайку») правильной, то следует считать, что все население Германии должно разделить судьбу гитлеровской клики. Незачем и говорить, что т. Эренбург не отражает в данном случае советского общественного мнения. Красная Армия... никогда не ставила и не ставит своей целью истребить немецкий народ. Это было бы глупо и бессмысленно». Восстанавливался классовый подход, в соответствии с которым, по словам И.В. Сталина, неверно «отождествлять клику Гитлера с германским народом». Красная Армия «воспитана в духе расового равноправия и уважения к правам других народов. Не следует кроме того забывать, что в нашей стране проявление расовой ненависти карается законом».

Довольно жестким было осуждение «националистических проявлений» в союзных республиках СССР. 31 января 1944 г. Сталин принял личное участие в обсуждении киноповести А.П. Довженко «Украина в огне» и нашел, что в ней ревизуется политика нашей партии по коренным вопросам. Автор выступает против классовой борьбы, против ликвидации кулачества как класса. Не разоблачаются петлюровцы и другие предатели украинского народа. Изображается, будто колхозный строй убил в людях человеческое достоинство и чувство национальной гордости. По киноповести, в Отечественной войне не участвуют представители всех народов СССР, в ней участвуют только украинцы. Заключение было суровым: повесть является «ярким проявлением национализма, узкой национальной ограниченности». В феврале решением Политбюро ВКП(б) А.П. Довженко сняли со всех занимаемых должностей в государственных учреждениях и в общественных организациях¹.

В августе 1944 г. ЦК ВКП(б) принял постановление, осуждающее республиканскую газету «Красная Татария» за принижение роли Красной Армии в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и «преклонение перед военной мощью, техникой и культурой буржуазных стран». Татарскому обкому партии предлагалось устранить «серьезные недостатки и ошибки националистического характера в освещении истории Татарии (приукрашивание Золотой Орды, популяризация ханско-феодалного эпоса об Идегее)»². В январе 1945 г. аналогичное внушение сделано руководству Башкирской партийной организации. Серьезные идеологические просчеты были обнаружены в подготовленных к печати «Очерках по истории Башкирии», в литературных произведениях «Идукай и Мурадым», «Эпос о богатырях», в пьесе «Кахым-Туря»³. Формули-

¹ Марьямов Г.Б. Кремлевский цензор: Сталин смотрит кино. М.: Изд-во: Конфедерация союзов кинематографистов "Киноцентр", 1992. С. 61.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1985. Т. 7. С. 514, 518.

³ Там же. С. 540.

ровки постановлений были ужесточены на X пленуме правления Союза советских писателей (май 1945 г.). Здесь уже говорилось, что в Татарии «поднимали на щит ханско-феодальный эпос об Идегее и делали Золотую Орду передовым государством своего времени»; нечто подобное произошло и в Башкирии с эпосом «Карасахал», где тоже «извратили историю и впали в идеализацию патриархально-феодального прошлого»¹.

В октябре 1944 г. в журнале «Большевик» была опубликована статья «За высокую идейность советского искусства». В ней осуждались «излишняя популяризации истории и культуры прошлого», подражание в искусстве западным образцам, появившаяся во время войны тенденция восхищаться иконами и церковной музыкой на том лишь основании, что они составляют часть русского национального наследия². Это был явный сигнал к сворачиванию ННЭПа, негласно введенного в СССР в начале войны.

Конец ННЭПа. Однако и послевоенные проявления ННЭПа власти стремились держать в определенных рамках. Получив в июле 1947 г. записку А.А. Жданова с материалами к проекту новой Программы партии, Сталин против слов: «Особо выдающуюся роль в семье советских народов играл и играет великий русский народ... он по праву занимает руководящее положение в советском содружестве наций» написал выразительное: «Не то»³. Видимо, для оценки роли русского народа в войне Сталин посчитал достаточной его благодарность, выраженную в выступлении на приеме в Кремле 24 мая 1945 г., когда он поднял тост за здоровье русского народа, за его ясный ум, стойкий характер, терпение, доверие правительству и жертвы, обеспечившие «историческую победу над врагом человечества»⁴.

В 1948 г., в декабрьском номере журнала «Вопросы истории», в редакционной статье прозвучали жесткие требования: не допускать ошибочного понимания, игнорирования классового содержания советского патриотизма. Не менее опасными и вредными представлялись также ошибки, идущие по линии «очернения прошлого», преуменьшения роли русского народа в истории. Подчеркивалось, что «всякая недооценка роли и значения русского народа в мировой истории непосредственно смыкается с преклонением перед иностранщиной. Нигилизм в оценке величайших достижений русской культуры, других народов СССР есть обратная сторона низкопоклонства перед буржуазной культурой Запада». Как недопустимый объективизм в науке осуждались предложения о замене «классового анализа исторических фактов оценкой их с точки зрения прогресса вообще, с точки зрения национально-государственных интересов». Историкам напоминалось, что все эти «ревизионистские идеи» осуждаются Цен-

¹ Советская литература в 1944-1945 гг. // Литературная газета. 1945. 17 мая. С. 2.

² Солодовников А. За высокую идейность советского искусства // Большевик. 1944. № 19-20. С. 55-57.

³ Цит. по: Попов В.П. Большая ничья. СССР от Победы до распада. М., 2005. С. 69.

⁴ Сталин И.В. О великой Отечественной войне Советского Союза. М., 2002. С. 151.

тральным Комитетом партии¹. Таким образом, известный баланс в отношении уклонов в национальном вопросе восстанавливался.

Во время послевоенных кампаний по борьбе с низкопоклонством и космополитизмом в СССР о националистическом нэпе не вспоминали. Попытка воскресить идеи такого нэпа прозвучала в октябре 1952 г. на XIX съезде партии. Обращаясь к представителям зарубежных коммунистических и демократических партий, И.В. Сталин говорил: «Я думаю, что это знамя (буржуазно-демократических свобод, – *А.В.*) придется поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперед, если хотите собрать вокруг себя большинство народа. Больше никому его поднять. Раньше буржуазия считалась главой нации, она отстаивала права и независимость нации, ставя их «превыше всего». Теперь не осталось и следа от «национального принципа». Теперь буржуазия продает права и независимость нации за доллары. Знамя национальной независимости и национального суверенитета выброшено за борт. Нет сомнения, что это знамя придется поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперед, если хотите быть патриотами своей страны, если хотите стать руководящей силой нации. Его никому больше поднять»².

После смерти Сталина к идеям националистического нэпа в нашей стране никто из руководителей СССР уже не обращался. Полагаю, что забвение о необходимости культивирования «здорового национализма» и использования его в целях развития и упрочения советского общества явилось одной из причин крушения СССР в 1991 г.

Горянина О.О. Развитие человека в СССР (сопоставление с нацистской Германией)³

Аннотация. Осуществлено сравнение теоретических положений национал-социализма и коммунизма в области антропологии. Сделаны выводы, что национал-социализм и коммунизм различаются отношением к возможности развития человека: национал-социализм предполагает развитие физических (животных) качеств и инстинкта, коммунизм – человеческих качеств. Рассмотрено влияние этих различий на практическую реализацию социальных идей. На основании анализа результатов опроса ВЦИОМ можно предположить, что в СССР, строившем коммунизм, условия для формирования морально-нравственного стержня человека были более благоприятны, чем в нынешней России.

Ключевые слова: нацизм, коммунизм, человек.

¹ Против объективизма в исторической науке // Вопросы истории. 1948. № 12. С. 11.

² Сталин И.В. Речь на XIX съезде партии. М., 1953. С. 8.

³ Горянина Ольга Олеговна, г. Санкт-Петербург; olgoryanina@mail.ru.

Goryanina O.O. A Human Development in the USSR (comparison with Nazi Germany)

Abstract: Comparison of theoretical concepts of National Socialism and Communism from the perspective of anthropology is made. The conclusion is that National Socialism and Communism differ in attitude to possibilities of a human development: National Socialism supposes development of physical (animal) capabilities and instinct while Communism – human capabilities. Influence of these differences on the practice of implementation of social ideas is considered. Based on the analysis of public opinion polls it's assumed that in building communism USSR conditions for forming of a moral core of a human were more auspicious than in today's Russia.

Key words: nazism, communism, human.

В настоящее время усиливаются попытки антикоммунистических сил уравнивать СССР с нацистской Германией. Отдельные политики, опираясь на внешнюю схожесть форм (коллективизм), делают вывод об идентичности содержания. Поэтому сегодня важно показывать содержание данных идеологий на теоретическом уровне и на уровне реализации идей на практике.

Макс Шелер писал о фундаменте исторических концепций: «Глубочайшую причину нынешней ожесточенной борьбы столь многочисленных и столь различных исторических и социологических концепций следует усматривать в том, что в основе всех этих воззрений на историю лежат принципиально различные идеи о сущности, структуре и происхождении человека. Ибо каждая историческая концепция имеет своим фундаментом определенного рода антропологию – безразлично, сознает ли ее историк, социолог, философ истории, известна ли она ему или нет» [25, с. 73]. Фундамент неизбежно накладывает решающий отпечаток и на саму концепцию, и на характер реализации ее на практике. Поэтому различие во взглядах на сущность и природу человека, лежащих в основе концепций, показывает неправомерность приравнивания этих концепций.

Для сравнения концепций на идеологическом уровне сопоставлялись работы и высказывания по национал-социализму – Гитлера, по коммунизму – Маркса и Ленина. Для сравнения целей и реализации идей на практике использовались программы правящих партий, программные выступления лидеров, декреты, энциклопедии. Оценка условий развития в СССР морально-нравственных качеств человека проведена по результатам опроса общественного мнения ВЦИОМ.

1. Сущность и природа человека

Гитлер видел человека как часть природы, участвующей в естественном отборе, о чем писал в своей книге «Моя борьба». Он считал, что мир должен управляться согласно естественным законам силы, и что самым важным для выживания является инстинкт. Гитлер с презрением относился к человечности: «Природа не признает политических границ. Она дает жизнь человеческим существам на нашей планете и затем спокойно наблюдает за свободной игрой сил. У кого окажется больше мужества и прилежания, тот и будет ее самым любимым дитятей и за тем она признает право господства на земле. <...> В по-

следнем счете всегда побеждает только инстинкт самосохранения. Под давлением этого инстинкта вся так называемая человечность, являющаяся только выражением чего-то среднего между глупостью, трусостью и самомнением, тает как снег на весеннем солнце». Он утверждал, что природа господствует над человеком, и борьба человека против природы неизбежно приводит к его собственной гибели. По Гитлеру, необходимо подчиниться природе, действовать по тем же законам, по которым действуют животные, борясь за существование, и только в этом случае возможно выживание человеческих рас: «Испытания судьбы выдерживают в этом случае только те, кто к этому приспособлен. Именно они, прошедшие через тысячи испытаний и все же выжившие, имеют право производить новое потомство, которое опять и опять подвергается основательному отбору. Природа оказывается таким образом очень жестокой по отношению к отдельному индивидууму, она безжалостно отзывает его с этой земли, раз он неспособен выдержать ударов жизни, но зато она сохраняет расу, закаляет ее и дает ей силы даже для больших дел, чем до сих пор» [6].

Маркс же считал нужным не подчиняться природе, а устранять противоречие между природой человека (его общественной сущностью) и его существованием при капитализме, вынуждающим человека действовать согласно природе только в случае, когда он осуществляет животные функции, а не тогда, когда он совершает человеческие действия (трудится): «В результате получается такое положение, что человек (рабочий) чувствует себя свободно действующим только при выполнении своих животных функций – при еде, питье, в половом акте, в лучшем случае еще расположась у себя в жилище, украшая себя и т.д., – а в своих человеческих функциях он чувствует себя только лишь животным» [16, с. 91]. По Марксу, когда человек будет трудиться для общества (а не для капиталиста), произойдет «подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека, <...> полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства предшествующего развития, возвращение человека к самому себе как человеку общественному, т.е. человеческому. Такой коммунизм, как завершенный натурализм, = гуманизму, а как завершенный гуманизм, = натурализму; он есть действительное разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом» [16, с. 116].

2. Человеческие отношения и возможность развития человека

Взгляды на сущность и природу человека влияют на представления о должных человеческих отношениях. Различие проявляется в отношении к идее равенства людей и возможности совершенствовать человека.

Нацизм отрицает равенство, утверждая аристократизм и в природе, и в обществе. Гитлер писал, что аксиому неравенства следует применять внутри каждого народа: «Раз мы объявляем непримиримую войну марксистскому принципу "человек равен человеку", раз мы оцениваем человека прежде всего с точки зрения принадлежности его к определенной расе, – то мы должны уметь сделать из этого все необходимые логические выводы до самого конца. <...> Раз мы говорим, что один народ вовсе не равен другому народу, то эту аксиому

приходится применить и к отдельным людям внутри каждого народа». Гитлер утверждал необходимость человеческого отбора для совершенствования человека, выделяя наиболее ценные в расовом смысле элементы и в области физического здоровья, и в области интеллектуальных способностей для обучения (причем указывал, что в первом случае это легко сделать механически, а во втором случае для отбора необходима повседневная борьба) [6]. Среди деятелей, чье наследие важно для будущего, Гитлер называет Мартина Лютера – реформатора, утверждавшего, что человек, будучи худым деревом, может делать только зло, а на добро он способен только в подчиненном состоянии [12, 13].

Отрицание возможности благого развития человеческих качеств и провозглашение обязательности борьбы за существование в человеческом обществе неизбежно ведет к утверждению необходимости развития животных качеств человека. В «Моей борьбе» Гитлер писал, что главная задача государства – вырастить молодых людей здоровыми, а из духовных способностей (развитие которых он считал второстепенным) требовал развивать волю. В 1935 году, выступая на Нюрнбергском партийном съезде, Гитлер так сформулировал воспитательные критерии нацизма: «Нам не нужны интеллектуальные упражнения. <...> По нашему мнению, молодой немец будущего должен быть стройным и ловким, резвым как борзая, гибким как кожа и твердым как крупковская сталь» [3, с. 185].

В противоположность нацизму коммунизм провозглашает равенство людей, у идеологов коммунизма нет даже намеков на отбор людей по каким-либо признакам. В 1844 году Маркс писал: «Равенство есть не что иное, как немецкая формула "Я=Я", переведенная на французский язык, т.е. на язык политики. Равенство как основа коммунизма есть его политическое обоснование. Это то же самое, что имеет место, когда немец обосновывает для себя коммунизм тем, что он мыслит человека как всеобщее самосознание» [16, с. 135]. Интересно, как формулировка «Я=Я» соотносится с христианской заповедью «Возлюби ближнего как самого себя», практически это одно и то же. Равенство в марксизме не означает тождества людей во всех их проявлениях (в противном случае была бы формула «Я=Ты»), т.е. отсутствует умаление индивидуальности. По Марксу, индивид не противопоставляется обществу: «Индивид есть общественное существо. Поэтому всякое проявление его жизни – даже если оно и не выступает в непосредственной форме коллективного, совершаемого совместно с другими, проявления жизни, – является проявлением и утверждением общественной жизни» [16, с. 119.]. Маркс писал, что «само общество производит человека как человека» [16, с. 118], и придавал большое значение становлению и изменению человека во времени: «Величие гегелевской "Феноменологии" и ее конечного результата – диалектики отрицательности как движущего и порождающего принципа – заключается, следовательно, в том, что Гегель рассматривает самопорождение человека как процесс, <...> понимает предметного человека, истинного, потому что действительного, человека как результат его собственного труда» [16, с. 158-159].

Таким образом, коммунистическая идеология предполагает возможность развития каждого человека, т.е. его совершенствования. По Марксу, совершен-

ствование это должно идти в сторону развития человеческих чувств и свойств. Именно для этого необходимо упразднение частной собственности, поскольку: «Частная собственность сделала нас столь глупыми и односторонними, что какой-нибудь предмет является нашим лишь тогда, когда мы им обладаем, т.е. когда он существует для нас как капитал или когда мы им непосредственно владеем, едим его, пьем, носим на своем теле, живем в нем и т.д., – одним словом, когда мы его потребляем <...>. Поэтому на место всех физических и духовных чувств стало простое отчуждение всех этих чувств – чувство обладания. <...> Поэтому уничтожение частной собственности означает полную эмансипацию всех человеческих чувств и свойств; но оно является этой эмансипацией именно потому, что чувства и свойства эти стали человеческими как в субъективном, так и в объективном смысле» [16, с. 120]. Маркс утверждал, что человеческие качества могут развиваться только в обществе других людей, и считал нужным «с одной стороны, очеловечить чувства человека, а с другой стороны, создать человеческое чувство, соответствующее всему богатству человеческой и природной сущности» [16, с. 122]. В Манифесте коммунистической партии 1848 г. коммунизм описан как «ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» [17, с. 447]. Именно развитие каждого (а не механический и естественный отбор, как это было при нацизме) положен в основу совершенствования человека при коммунизме.

3. Мировоззренческие цели

Представления о природе человека неизбежно влияют на цели политиков. Общим моментом в устройстве германского и советского общества было использование тяги человека к коллективности и обращение правящих партий к активности человеческих масс. Однако этот организационный принцип использовался для принципиально различающихся мировоззренческих целей.

Главными целями для нацистов было объединение германцев, установление в немецком государстве преференций для лиц германского расового корня и расширение территорий для них. Соответствующие пункты присутствовали в Программе Национал-социалистической германской рабочей партии (НСДАП) «25 пунктов», впервые оглашенной 1920 году и объявленной в 1926 году незыблемой:

«1. Мы требуем объединения всех немцев в Великую Германию на основе права самоопределения народов.

2. Мы требуем равноправия немецкого народа с другими нациями, отмены Версальского и Сен-Жерменского мирных договоров.

3. Мы требуем территории и земли (колоний) для пропитания нашего народа и для поселения нашего избыточного населения.

4. Гражданином государства может быть только тот, кто принадлежит к немецкому народу. Принадлежать к немецкому народу может только тот, в чьих жилах течет немецкая кровь, без различия вероисповедания. Поэтому евреи не могут принадлежать к немецкому народу. <...>

6. Право участвовать в управлении и законодательстве государства может принадлежать только гражданину государства. Поэтому мы требуем, чтобы каждую общественную должность, безразлично какую и безразлично на службе

ли империи, одного из союзных государств или общины, могли занимать только граждане государства» [5, с. 16-18].

Требование колоний для немецкого народа в дальнейшем было заменено требованием расширения государства на восток.

У коммунистов главная цель заключалась в уничтожении эксплуатации одной части общества другою и построении бесклассового общества. Из Программы Российской коммунистической партии (большевиков) 1919 года: «Заменив частную собственность на средства производства и обращения общественною и введя планомерную организацию общественно производительного процесса для обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества, социальная революция пролетариата уничтожит деление общества на классы и тем освободит все угнетенное человечество, так как положит конец всем видам эксплуатации одной части общества другою» [22, с. 8]. В соответствии с этой целью в программе РКП(б) были определены задачи развития просветительства, привлечения всего трудящегося населения в основу государственного аппарата, уничтожения следов неравенства людей и привилегий для каких-либо наций.

4. Реализация социальных идей заботы государства о человеке

И в нацистской Германии, и в Советском Союзе проводилась социальная политика заботы государства о народе. Однако разница во взглядах на сущность человека в нацистском и коммунистическом мировоззрениях проявилась в кардинальном различии реализации этих социальных идей на практике.

Так, в обеих странах развивалась система доступной медицинской помощи. В Германии это была заложенная еще Бисмарком система социального медицинского страхования, в Советском Союзе – система Семашко с упором на профилактику и доступность государственных клиник. Однако в Германии практиковалась принудительная стерилизация для предотвращения наследственных болезней и эвтаназия, с помощью которой избавлялись от инвалидов. Принудительной стерилизации было подвергнуто около 350–400 тысяч людей (по некоторым оценкам, в результате операций погибло до 5 тысяч женщин) [21, с. 277–279], общее число жертв эвтаназии в период между 1939 и 1945 гг. доходит до 180 тыс. человек [14]. Кроме того, в Германии практиковалось использование расово «неполноценных» людей для медицинских опытов [26, с. 1031–1045]. В СССР подобной практики не было.

Политика образования населения также различалась. В обеих странах стремились сделать образование доступным независимо от социального положения граждан, однако содержание образования было разным. Первостепенным Гитлер видел заботу о здоровье и воспитании силы духа, знаниям отводилась второстепенная роль. Еще в 1923 году Гитлер утверждал: «Необходимость изменения характера образования вызывается тем, что мы ныне страдаем от избытка образования. Ценны только знания, но всезнание является врагом действий. Что сейчас необходимо, так это инстинкт и воля» [19, с. 43]. На уже упоминаемом Нюрнбергском партийном съезде он заявил: «Знание разрушительно для моей молодежи» [3, с. 185]. Учебные программы Германии менялись в со-

ответствии с этой установкой. В общую программу включались только те предметы, которые могут быть использованы в дальнейшей практической деятельности и специализации. Соответствующий пункт содержался в программе НСДАП «25 пунктов»: «п. 20. <...> Учебные планы всех учебных учреждений должны быть приспособлены к практическим потребностям» [5, с. 16–18].

Заявлялось, что доступность высшего образования не должна зависеть от социального положения молодых людей, однако это образование предназначалось только для особо одаренных. Когда гитлеровцы пришли к власти, одним из первых мероприятий явилось ограничение доступа учащейся молодежи к высшему образованию. В декабре 1933 года было сокращено число абитуриентов в высших учебных заведениях на 15 тыс. человек. В дальнейшем к началу Второй мировой войны это число сократилось вдвое – до 60 тыс. [23, с. 219].

В СССР существовал противоположный подход к образованию – получение народом знаний рассматривалось как необходимая основа для построения коммунистического общества. Ленин так озвучил этот подход 2 октября 1920 года на III Всероссийском съезде Российского коммунистического союза молодежи: «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество» [10, с. 305]. Задачей ставилось освобождение школы от тупого натаскивания и зубрежки в пользу продуманного освоения знаний. В соответствии с этим и велась политика в сфере образования. По всей стране ликвидировалась безграмотность, открывались новые школы и вузы. В отличие от Германии, в которой количество немецких студентов вузов уменьшалось, в СССР количество студентов высших учебных заведений увеличивалось [18, с. 136, табл. 11]:

Страна	Число студентов высших учебных заведений			
	Всего		на 10 000 человек населения	
	1930 г.	1940 г.	1930 г.	1940 г.
Германия	128 000	49 700	20	7
СССР	272 000	812 000	17	42

5. Развитие способностей человека размышлять

Сравнение политики в образовании показывает, что в нацистской Германии правящая партия формировала примитивные массы, так как опиралась на чувства, фанатизм и слепую веру людей. В Германии реализовывались на практике требования Гитлера: «От солдата мы требуем одного: чтобы он был строжайше дисциплинирован и фанатически верил в правоту и силу нашего дела. Только этого же требуем мы и от рядового сторонника нашего движения», «Организация вообще возможна лишь тогда, когда базой для высококачественного руководства служит более широкая масса, руководящаяся преимущественно чувством. Военный отряд, состоящий, скажем, из двухсот одинаково развитых людей, труднее поддается прочной дисциплине, нежели отряд, состоящий из

190 менее развитых и одного десятка более развитых людей» [6]. Напротив, в СССР людей развивали, так как опирались на сознательность масс. Разница в подходе двух режимов к развитию людей выразилась в отношении к книгам как к хранилищам знаний и средству учиться размышлять.

В обеих странах печать использовали для привлечения масс на сторону правящей партии, однако по разному относились к мировому культурному наследию. В Германии после прихода к власти Гитлера было устроено демонстративное сожжение книг. Кроме неудобных марксистских политических изданий уничтожались книги Томаса Манна, Генриха Манна, Эриха Марии Ремарка, Альберта Эйнштейна, Джека Лондона, Стефана Цвейга и других выдающихся представителей немецкой и мировой прогрессивной литературы [23, с. 215; 15, с. 257].

В России наблюдалась обратная тенденция. Сразу после революции большевики хотя и пресекли выпуск контрреволюционных изданий, но одновременно приняли меры для выпуска доступных по цене изданий русской классической литературы и массовых учебников. Из Декрета ВЦИК о Государственном издательстве от 29.12.1917 (11.01.1918): «поручается Народной комиссии по просвещению через ее литературно-издательский отдел [...] немедленно приступить к широкой издательской деятельности. В первую очередь должно при этом быть поставлено дешевое народное издание русских классиков. Сочинения тех из них, срок авторского права которых истек, должны быть переизданы <...> Государственное издательство должно затем озаботиться массовым изданием учебников» [7]. Ленин считал необходимым «даже при теперешней нищете – дать народу, по 2 экземпляра на каждую из 50 000 библиотек и читален, все необходимые учебники и всех необходимых классиков всемирной литературы, современной науки, современной техники» [11, с. 332]. В тяжелый послереволюционное время с мая 1918 г. по май 1919 г. литературно-издательский отдел издал 142 книги русской классической литературы общим тиражом более 8 миллионов экземпляров [24]. Кроме того, Советская власть оказывала духовную и материальную поддержку издательству «Всемирная литература», созданному при Наркомпросе по инициативе Горького специально для перевода и выпуска зарубежной классики [24]. До слияния в 1924 году с Ленгизом издательство выпустило 120 томов избранных произведений зарубежных писателей в старых и в новых переводах [4].

Одновременно советская власть занималась обеспечением сохранности имеющегося книжного фонда и доступности книг для населения. 17 июля 1918 г. был издан декрет «Об охране библиотек и книгохранилищ Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» [8, с. 41–42]. Библиотеки создавались при заводах, профсоюзах, домах культуры. В 1939 г. в СССР было уже около 250 тыс. библиотек всех типов с фондом более 500 млн. книг [1]. Количество массовых библиотек увеличилось с 14 тыс. в 1913 г. до 95 тыс. в 1940 г. [18, с. 137, табл. 12]. В СССР существовала цензура, но она касалась идеологических моментов и осуществлялась в целях сохранения государственного строя, а не в целях уничтожения культуры или ограничения доступа насе-

ления к ней. Случавшиеся злоупотребления цензурой не могут быть закономерностью, вытекающей из идеологии, которая ратовала за свободное развитие каждого.

6. Морально-нравственный климат в СССР

Развитие человеческих качеств неизбежно сказывается на морально-нравственном климате в обществе, ибо мораль как система регуляции отношений возникает именно в человеческих сообществах и облегчает взаимодействие людей (мораль направляет и корректирует практическую деятельность человека с точки зрения учета интересов других людей [9, с. 4]). Морально-нравственный климат в обществе сложно выразить цифрами, например, статистикой по преступности, потому что количество преступлений зависит не только от морального состояния членов общества, но и от поведения потенциальных жертв, от мер предотвращения преступлений, от работы правоохранительных органов по раскрытию преступлений. Нам кажется более адекватной оценка морально-нравственного климата общества по результатам опроса членов общества в сравнительном аспекте (это интегральная оценка ощущения изменений обстановки в обществе). Оценка морального климата в целом, безусловно, зависит от развития человеческих качеств окружающих респондента людей.

Пропаганда коллективизма, отсутствие частной собственности, доступ к культурному наследию играли свою роль в развитии человеческих качеств членов общества при советской власти. После перестройки, в результате изменения характера производства, критики коллективизма и форсированного вброса в общественное сознание индивидуалистических идей, условия формирования человека изменились. Изменился и морально-нравственный климат. Опрос ВЦИОМ в 2007 году [20] показал, что для большинства опрошенных граждан (61%) этот климат за последние 15 лет изменился в худшую сторону. Показательно распределение ответов в разных возрастных группах по поводу возможности преступать морально-нравственные нормы. Респондентам предлагали выбрать из двух суждений более близкую им точку зрения.

Доля людей (% от всего количества людей возрастной группы), выбравших одно суждение из двух приведенных [20, с. 79, табл. 32]:

Вопрос. «Существуют разные точки зрения, как нужно относиться к тому, соблюдают люди общепринятые морально-нравственные нормы или нет. С какой из ниже перечисленных точек зрения Вы скорее согласны?»	Доля людей, выбравших суждение, среди всех опрошенных	Доля людей, выбравших суждение, среди респондентов разного возраста, в %				
		18–24 лет	25–34 лет	35–44 лет	55–59 лет	60 лет и старше

Современный мир жесток, и для того, чтобы добиться успеха в жизни, иногда приходится переступить через моральные принципы и нормы	35	5 6	4 8	4 2	23	16
Я лучше не добьюсь успеха в жизни, но никогда не переступлю через моральные принципы и нормы	55	3 3	4 1	4 8	67	73
Затрудняюсь ответить	11	1 1	1 1	1 0	10	11

Распределение ответов в разных возрастных группах показало тенденцию уменьшения доли людей, считающих невозможным преступать моральные нормы, с уменьшением возраста: от 73% среди пожилых людей (старше 60 лет) до 33% среди молодежи (18-25 лет).

Психологи указывают, что система моральных принципов и норм складывается в старшем школьном возрасте [2]. Процесс формирования морального сознания может вообще не завершиться – человек может до конца жизни оставаться человеком без твердых жизненных убеждений, однако именно с возрастом в процессе формирования мировоззрения человек отходит от односторонности и узости суждений, свойственных подросткам (смелость во всех условиях хороша, гордость всегда плоха и т.д.) [2, с. 192]. Поэтому предположение, будто наблюдаемая тенденция может быть объяснена возрастными изменениями, не имеет оснований. Скорее, наоборот, более вероятно, что эта тенденция связана с изменением условий, при которых формируется морально-нравственный стержень человека. Можно предположить, что эти условия после разрушения СССР ухудшились.

Национал-социализм и коммунизм различаются отношением к возможности развития человека в течение жизни: национал-социализм предполагает развитие физических (животных) качеств и инстинкта, предполагая совершенствование человека путем отбора. Коммунизм настаивает на необходимости развития человеческих качеств всех членов общества. Различия во взглядах на возможность развития человека сказались при реализации на практике социальных идей заботы государства о народе – организации здравоохранения и образования. На основании анализа результатов опроса ВЦИОМ можно предположить, что в СССР, строившем коммунизм, условия для формирования морально-нравственного стержня человека, зависящего от развития человеческих качеств, были более благоприятны, чем в нынешней России.

Литература

1. Библиотеки в СССР // Советская историческая энциклопедия. Т. 2. М., 1962. Колонки 403-404.
2. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб, 2008.
3. Воропаев С. Энциклопедия Третьего Рейха. М., 1999.
4. Всемирная литература // Литературная энциклопедия. Т. 2. М., 1929. Колонки 325-326.
5. Гейден К. История германского фашизма. Москва – Ленинград, 1935.
6. Гитлер А. Моя борьба.
7. Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 296-298.
8. Декреты Советской власти. Т. 3. М., 1964. С. 41-42.
9. Кобликов А.С. Юридическая этика. М., 1999.
10. Ленин В.И. Задачи союзов молодежи (Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 г.) // Полн. собр. соч. Т. 41. М., 1963. С. 298-318.
11. Ленин В.И. О работе Наркомпроса // Полн. собр. соч. Т. 42. М., 1963. С. 322-332.
12. Лютер М. Диспутация против схоластической теологии // Verbum. Вып. 15. 2013. С. 377-383.
13. Лютер М. Гейдельбергские диспутации // Verbum. Вып. 15. 2013. С. 384-420.
14. Кранах М. Уничтожение психически больных в нацистской Германии в 1939-1945 // Независимый психиатрический журнал, 2006, 3 квартал. С. 5-14.
15. Макнаб К. Третий рейх. 1933-1945. М., 2010.
16. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Карл Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 42. М., 1974. С. 41-174.
17. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Карл Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 2. М., 1955. С. 419-459.
18. Миронов М.Б. История в цифрах. Математика в исторических исследованиях. Ленинград, 1999.
19. Моссе Дж. Нацизм и культура. М., 2003.
20. Образованных больше, честных – меньше? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 2007, № 1 (81). С. 76-79.
21. Пленков О.Ю. Третий Рейх. Социализм Гитлера (Очерк истории и идеологии). СПб, 2004.
22. Программа Российской Коммунистической Партии (большевиков). Петроград, 1919.
23. Розанов Г. Германия под властью фашизма. М., 1964.
24. Хлебникова Л.М. Из истории горьковских издательств «Всемирная литература» и «Издательство З.И. Гржебина» // Литературное наследство. Т. 80. В.И. Ленин и А.В. Луначарский. Переписка, доклады, документы. М., 1971. С. 668-699.

Никитина Н. Н. Антирелигиозная политика советской власти в период коллективизации и раскулачивания (на примере Западной области)¹

Аннотация: В статье рассматриваются основные направления антирелигиозной политики советской власти в 1929-1930 гг. в советской деревне. Основное внимание уделено характеристике форм и методов этой политики и крестьянскому протесту против неё. Исследование выполнено на основе документов архивных фондов Калужской области

Ключевые слова: крестьяне, кулаки, раскулачивание, коллективизация анти-религиозная политика, Советская власть, крестьянский протест, колхоз, Западная область.

Nikitina N.N. Anti – religion policy of the Soviet power during collectivization and dispossession (on the example of Western region)

Abstract. The article dwells upon the main directions of anti – religion policy of the Soviet power in 1929 – 1930 in the Soviet village. The emphasis is put on the characteristics of the forms and methods of this policy and the protest of peasantry against it. The research is made on the basis of the documents from the State archives of the Kaluga region.

Key words: Peasants, kulaks, dispossession, collectivization, anti – religion policy, the Soviet power, the protest of peasantry, kolhoz, Western region.

Раскулачивание периода коллективизации явилось логичным завершением аграрной политики большевиков. Придя к власти, они изначально объявили врагами помещиков-землевладельцев, стараясь привлечь на свою сторону крестьян. Затем врагами были объявлены богатые крестьяне. Уничтожив их, большевики принялись за зажиточных крестьян. Одновременно врагом мог стать крестьянин-середняк и даже иногда бедняк, несогласный с государственной политикой или имевший непростые отношения с местной властью, либо открыто помогавший местному храму и свято хранивший христианскую веру в трудные 20-30-е годы XX века.

Советская власть пыталась дать определение понятия «кулак», но фактически так и не смогла этого сделать, отдав решение этого вопроса на откуп местным властям. При желании под определение «кулак» можно было подвести любого крестьянина.

Г.Ф. Доброноженко считает, что в 1918-1920 гг. большевики разделили крестьян на две группы: сторонников и противников новой политики в деревне. «Врагами экономических мероприятий Советской власти», «величайшими преступниками», «эксплуататорами трудового народа» объявлялись крестьяне-собственники, сопротивлявшиеся государственной хлебной монополии. С 1918 г. в отношении «сельских эксплуататоров» большевики стали применять нега-

¹ Никитина Наталья Никитична, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры новейшей истории, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, г. Калуга; nikay85@yandex.ru.

тивный термин, давно существовавший в крестьянском лексиконе – кулак. Г.Ф. Доброноженко приходит к выводу, что «кулак» в большевистской теории – это идеологема, внедряемая в общественное сознание для обозначения классового врагов крестьянской среде [3, с. 91].

Наиболее развернутая характеристика социальной структуры деревни в 1920-е гг. приводится в исследованиях В. П. Данилова. Он утверждал, что «социальное расслоение крестьянства в 20-е годы, наличие в нем формирующегося эксплуататорского слоя – кулачества – факты истории», а значит «кулак, середняк и батрак были реальными, а не мифическими фигурами». По его мнению, к моменту революции крестьянские хозяйства были необратимо втянуты в товарно-капиталистическую систему развития. В послереволюционной деревне происходило «перераспределение удельного веса социальных групп, сложившихся задолго до революции», «изменилось место бедноты, середняков и кулаков в хозяйственной и политической жизни деревни, но сами эти группы сохранились, как и возможность их роста в дальнейшем» [2, с. 88].

Местные партийные советские органы, не всегда умея разобраться, «кто есть кто», стали причислять к кулакам значительную часть середняков. Даже кратковременное использование наемного труда в большинстве случаев считалось признаком кулачества. В результате хозяйства крестьян, «к которым отношение должно быть хорошее, искреннее, как к честным пахарям и передовым крестьянам, у которых многому можно научиться в области восстановления, улучшения и укрепления сельского хозяйства», объявлялись кулацкими [11, с. 84].

В октябре 1924 г. на Пленуме ЦК с докладом «Очередные задачи работы в деревне» выступил В.М.Молотов. Он признал, что вопрос о кулачестве «со стороны партии далеко еще не встречает единодушной оценки...Под рубрику кулачества иной раз зачисляем такой крупный процент сельского населения, который в своем большинстве не является не только враждебным, но который ни в коем случае не должен делаться враждебным Советской власти». [11, с. 91]

Выступавший на Пленуме нарком земледелия А. П. Смирнов говорил об отсутствии ясности в понимании, что скрывается за популярным выражением «кулачество».

Н. К. Крупская на том же Пленуме предложила передать право определения кулака в деревне местным органам, так как «на местах прекрасно знают, кто кулак, кто середняк» [11, с. 92].

На практике результаты такого перехода к определению кулака на местах зачастую приводили к печальным последствиям. На примере Западной области мы можем убедиться что, вся ответственность за причисление к кулакам и обложению их индивидуально ложилась целиком и полностью на плечи местных начальников.

Вот характеристика одной из деревень Брянского округа: «Всего в 369 хозяйствах – 220 лошадей, коров 360, безлошадных 130 хозяйств, безкоровных 25 хозяйств...»

По социально-экономическим группам Голышено выглядело так: бедноты – 100 хозяйств (29%), середняков – 257 хозяйств (68%), кулацких хозяйств

12 или 3%... хотя сельсовет и партиячка кроме 2-х хозяйств мельников-кулаков в деревне не находят...

При характеристике голышенских кулаков в партийных документах особенно подчеркивались религиозные факторы и мотивы.

Игнатов П. Ф., племянник попа, имеет ветряную мельницу. Организатор местных мельников (тайные собрания). Покупал хлеб у бедняков осенью под 2 рубля и отправлял в другие районы. Уговорил стариков Маргуновых кормить их до смерти, сломал их избу, а здесь выстроил себе дом, а бедняки живут в сарае 2-й год, причем старик работает на мельнице, а старуха в хозяйстве этого кулака. Кулак Игнатов хочет прибрать к рукам их землю. Поп был у него на квартире. Беднячка Бобылева 6 месяц носила кулаку воду, полгода ходила за его коровой и смотрела за ней «как детей», две недели держала ее в своей избе (до отела). Белье стирала и пряла на кулака.

«Зуборев П.М. – председатель церковного совета. Дал бедняку Барсукову Федору займы 5 пудов хлеба на таких условиях: хлеб Барсуков должен вернуть, а за одолжение взял в лето земельку бедняка. Самогоном торговал, и сейчас торгует. Активно выступает против всех мероприятий. Организатор сбора средств на ремонт церкви, голоса не лишен» [6, с. 91].

Таким образом, в конце 1920-х гг. у государства не было «ясных, четких критериев при определении социальных слоев», а сформулированные в законодательстве признаки кулацких хозяйств оцениваются как «неопределенные и расширительные». К кулакам можно было отнести «чуть ли не каждый третий крестьянский двор», «любого крестьянина, если дом у него был получше, чем у соседа, корова поупитаннее, лошадь посильнее». С 1928 г. «всякие социально-экономические критерии отнесения к кулачеству были отброшены»; «возобладал сугубо политический взгляд на «кулака» как классового врага, который подлежит ликвидации» [3, с. 88].

1 февраля 1930 г. ЦИК и СНК СССР принял постановление «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством», сделавшее политику ликвидации кулачества как класса государственным законом. Оно отменяло «в районах сплошной коллективизации действие закона о разрешении аренды земли и о применении наёмного труда в единоличных крестьянских хозяйствах». [4, с.329] Постановление предоставляло исполнительным комитетам краёв и областей и правительствам автономных республик «право применять в этих районах все необходимые меры борьбы с кулачеством вплоть до полной конфискации имущества кулаков и выселения их из пределов отдельных районов и краёв (областей)». У кулацких хозяйств конфисковывали средства производства, хозяйственные постройки, скот.

Принятая модель раскулачивания решала сразу несколько проблем – удаление из деревни противников коллективизации, передача конфискованного у них имущества колхозам, а также освоение необжитых районов с помощью даровой рабочей силы.

Чувство классовой ненависти и зависти подогревалось экономической заинтересованностью батрацко-бедняцких слоев в экспроприации имущества богатых соседей. Это выражалось в стремлении расширить на местах круг хозяйств, определяемых как кулацкие. Он был расширен за счёт таких размытых категорий, как «культурный хозяин», «подкулачник», «зажиточный». Раскулачиванию подвергались не только зажиточные крестьянские хозяйства, но также хозяйства середняков и даже бедняков, при этом фактор религиозности учитывался в качестве одного из основных.

Нередки были постановления сельсоветов следующего содержания: «Девев – кустарь, к Советской власти относится хорошо, в антисоветских выступлениях не замечен, религиозен – раскулачить и выслать из пределов Уральской области» [9, с. 122]. Весной 1930 г. М. И. Калинин говорил, что «органам власти в 95 случаях из ста приходится в области раскулачивания играть сдерживающую роль» [5, с. 216] при вынесении приговоров верующим.

По утверждению авторов «Истории крестьянства Западного региона России 1917-1941»: во время раскулачивания допускались многочисленные нарушения. Нередко подвергались раскулачиванию не только зажиточные крестьяне, но и середняки.

Были случаи, когда раскулачивали пастухов за то, что у них кулаком был дед, или за воспитание племянника-сироты [8, с. 206]. Ссылали или арестовывали крестьян, имевших два самовара, а также тех, кто «убил свинью с тем, чтобы её съесть и тем самым не дать ей стать социалистической собственностью» [7, с. 158]. Крестьяне говорили, что «раньше судили и сажали в тюрьмы за убийства и кражи, а теперь за то, что сеешь хлеб и кормишь век сидячую саранчу на мужицкой шее» [10, с. 104]. Так же, например, в апреле 1930 года облисполком была получена жалоба гражданки деревни Сабурово Сурьяновского сельсовета Карачевского района Брянского округа: «... семья наша состоит из шести человек Марка Антоновича Сабурова с женой Натальей Федоровной и брата Василия Антоновича Сабурова с женой Марией Викторовной и дочерью Прасковьей Васильевной Сабуровых. Лишили избирательных прав в начале сего тридцатого года и раскулачили, отобрали все и выселили за то, что Марк Сабуров был избран религиозным культом церковным старостой притом же Марка Сабурова посадили в арестный дом, а Василия Сабурова выслали на принудительные работы, а остальные оставлены без всяких средств, а посему покорнейше прошу Вас рассмотреть и не оставить нашей просьбы о восстановлении нас в правах и о возвращении отобранного. Наталья Сабурова. II/IV-30 г.» [6, с. 117].

3 февраля в семействе Сабуровых была произведена опись имущества. Всего было учтено 99 объектов на общую сумму 2676 рублей 65 копеек. Раскулачивание произошло сразу же. Часть изъятого имущества, как зафиксировано в акте описи, была возвращена. Стоимость возвращенных предметов в опись не вносилась. Характер они носили бытовой, и не представляли прикладной ценности для колхоза.

Изъятые же имущество имело хозяйственное предназначение, и в присутствии члена сельсовета, понятых, члена рабочей бригады, председателя оргбю-

ро и хозяйев было передано оргбюро Сурьяновского производственного участка Сурьяновского колхоза [6, с. 202].

Из вышеприведенных примеров видно, что одним из основных факторов при принятии решения о раскулачивании являлась религиозность: в большинстве случаев верующие люди, крестьяне, выражавшие свое уважение к вере, заступавшиеся за церковное имущество, становились первыми жертвами раскулачивания и выселения с применением формулировки в личном деле «религиозен».

Одновременно после выхода постановления ЦК ВКП(б) от 30 января в отношении кулачества усилилась антирелигиозная политика. Собственно в постановлении подчеркивалось, что «религиозным организациям следует помешать статьюпорными пунктами кулачества, лишенчества и вообще антисоветских элементов». Предлагалось в срочном порядке «поручить Оргбюро ЦК дать директиву по вопросу о закрытии церквей, молитвенных домов сектантов и проч. и о борьбе с религиозным и сектантским движением, в целях устранения тормозов в соваппарате, мешающих проведению в жизнь принятых подавляющей массой крестьянства решений о закрытии церквей, молитвенных домов сектантов и т. п.» [12, с. 130]. Тем более, что основания для подобных мероприятий были закреплены в протоколе № 2 на заседании коллегии ОГПУ 30-31 января 1930 г. Была отредактирована первая категория кулаков, куда попал «антисоветский актив церковников и сектантов».

В закрытом письме Брянского окружкома ВКП(б) от 9 апреля 1930 года всем райкомам и ячейкам указывалось, что «кулак действует не прямо, а через своих агентов подкулачников и церковников», которые всячески дезорганизуют колхозное строительство. Да еще вовлекают женскую массу, как главное орудие в своей борьбе, «используя ее неорганизованность, неграмотность, религиозные предрассудки» [1, л. 51].

Закрытие церквей, глумление над чувствами верующих, репрессии в отношении их и служителей церкви подводились под политику коллективизации и раскулачивания. Так, в селе Бояновичи священник Полидоров А.Н. был осужден за подготовку и организацию контрреволюционной деятельности в ноябре 1930 года. Примером глумления над верующими можно считать случай в том же селе в феврале того же года. Избач, он же секретарь ячейки вместе с армейцами поджег солому у церкви, затем зазвонили в церковный колокол «набат». После активист вскочил на трибуну и начал митинг со словами «пошлем пламенный огонь нашим врагам», затем достал револьвер и выстрелил в воздух. Из ближайших деревень прибежали крестьяне, опасаясь, что будут снимать колокола [1, л. 98].

Часто виновниками неудач в ходе коллективизации объявлялись все, кто сочувственно относился к Русской православной церкви. Раскулачивали церковных старост, псаломщиков, которые объявлялись если не кулаками, то попадали в подкулачники, что также являлось основанием для применения соответствующих санкций к ним. В отношении священнослужителей Хвастовичского района, за исключением одного, в селе Берестне, не было

составлено ни одного протокола о раскулачивании в феврале-марте 1930 г., однако странными являются заявления священников с просьбой о возврате изъятого имущества или части вещей при раскулачивании. Так, например, в протоколе № 2 от 5 апреля 1930 г. встречаются два заявления от священников Подбужского и Красненского сельсоветов о возврате изъятых вещей и имущества при раскулачивании [1, л. 98].

В секретном письме от 9 апреля 1930 г. Брянского окружного комитета секретарю Хвастовичского райкома сообщалось: «...в селах районов наблюдается движение за открытие закрытых церквей», связывали это с предстоящими пасхальными праздниками. Рекомендовалось не препятствовать открытию церквей, в обратном случае считалось, что запреты «будут использованы поповскими и кулацкими элементами для разжигания фанатизма и для срыва колхозного движения и дезорганизации сева». Запрещались такие формы и методы антирелигиозной агитации как карнавалы, сжигание на улицах икон и т.д. Одновременно предлагалось приступить к оформлению в советском порядке решений о закрытии церквей [1, л. 107].

Беспокойство властей вызывали постоянные выступления, преимущественно женские, выразившиеся как в пассивных, так и в острых формах сопротивления. Причинами массовых недовольств были насилие и принуждение, администрирование и репрессии в ходе коллективизации и раскулачивания, а также усиление антирелигиозной политики, связанной с закрытием церквей, причислением к «кулакам» верующих и священнослужителей.

Источники и литература

1. ГАДНИКО. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 8.
2. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М.: Наука, 1977.
3. Доброноженко Г.Ф. Методология анализа социальной группы «кулаки» в отечественной историографии.// Российская история. 2009. № 5.
4. Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927-1932 гг. Под ред. В. П. Данилова, Н. А. Ивницкого. М.: Политиздат, 1989.
5. История советского крестьянства. В 5 т. Т. 2. М.: Наука, 1986.
6. Коллективизация сельского хозяйства в Западном районе РСФСР. М., 1968.
7. Куртуа С., Верт Н., Панне Ж-Л. Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. М.: Три века истории, 1999.
8. Медведев Р.А. О Сталине и сталинизме. М.: Прогресс, 1990.
9. Роголина Н.Г. Реформаторство XX века и крестьянский менталитет.// Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.). М.: РОССПЭН, 1996.
10. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 3. Кн. 1. Подред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2003.

11. Солопов А. Кого считали кулаком в 1924-1925 годах? // Трудные вопросы истории: Поиски. Размышления. Новый взгляд на события и факты. Под ред. В.В. Журавлева. М.: Политиздат, 1991.

12. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы. В 5-ти т. Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2000-2003. Т. 2.

Трубников С.С. Феномен массового культурного просвещения в первые годы советской власти. Война за смыслы в период Гражданской войны¹

Аннотация. Советское государство считало необходимым системно работать над повышением культурного уровня населения страны: борьба с неграмотностью и необразованностью, популяризация научных знаний, создание разветвленной сети клубов, библиотек, домов культуры, приобщение широких слоев населения к произведениям высокой культуры. Работа по культурному просвещению началась с первого же года провозглашения в стране советской власти и велась даже в условиях Гражданской войны.

Ключевые слова: СССР, образование, культура, Гражданская война.

Trubnikov S.S. The phenomenon of mass cultural education in the first years of Soviet authority

Abstract. Cultural education began with the first years of the establishment of Soviet authority in Russia, and was conducted even during the the Civil War.

Key words: USSR, education, culture, civil war.

Отношение партии большевиков к культуре и культурному просвещению зафиксировано в резолюции VIII съезда РКП(б), проходившего в марте 1919 года: *«Общее образование – школьное и внешкольное (включая сюда и художественное: театры, концерты, кинематографы, выставки, картины и пр.), стремясь не только пролить свет разнообразных знаний в темную деревню, но, главным образом, способствовать выработке самосознания и ясного мирозерцания, — должно тесно примыкать к коммунистической пропаганде. Нет таких форм науки и искусства, которые не были бы связаны с великими идеями коммунизма и бесконечно разнообразной работой по созиданию коммунистического хозяйства [курсив – С. Т.]»* [1, с. 434].

Создатель советского государства и идейный лидер большевиков В.И. Ленин подчеркивал огромную важность научного и культурного просвещения. Выступая перед комсомольцами 2 октября 1920 года, В.И. Ленин говорит: *«Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество»* [6, с. 305].

¹ Трубников Сергей Сергеевич, г. Брянск; sergeyt@yandex.

Другая причина, по которой большевики придавали огромное значение образованию и научному просвещению, была необходимость создания в стране новой современной промышленности. Уже в апреле 1918 года Ленин публикует набросок плана научно-технических работ, в котором указывает, что академии наук необходимо поручить создать комиссию для возможно быстрого составления плана реорганизации промышленности страны [4, с. 228]. В плане говорится о рациональном размещении промышленных объектов, об электрификации промышленности и сельского хозяйства.

Выступая перед комсомольцами в 1920 году, Ленин говорит: *«Мы знаем, что коммунистического общества нельзя построить, если не возродить промышленности и земледелия, причем надо возродить их не по-старому. Надо возродить их на современной, по последнему слову науки построенной, основе»* [6, с. 307].

В связи с поставленными амбициозными задачами, становится понятно, почему в 1923 году Ленин в статье «Странички из дневника» подчеркивает особую роль учителя в советском обществе (статья была опубликована в газете «Правда»): *«Народный учитель должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе»* [7, с. 365].

Примечательно, что активная культурно-просветительная работа началась в Красной армии практически с первых месяцев после ее создания. Чтобы завоевать симпатии населения и укрепить дисциплину в армии большевики делают ставку на сознательность. Боец Красной армии должен вести борьбу осмысленно. Он должен понимать, за что сражается Красная армия, и за что сражается противник. Большевик И.Н. Смирнов на VIII съезде РСДРП говорит: *«В то время как белогвардейские армии имеют возможность использовать среднее крестьянство лишь путем палочной дисциплины, путем суровых наказаний, выбивания из их голов всяких мыслей о том, почему и за что они воюют, мы можем действовать на него путем пропаганды, развивая в нем сознательное отношение к происходящей борьбе»* [1, с. 154-155].

13 марта 1919 Ленин произносит речь в народном доме в Петрограде, в которой особо подчеркивает роль не только политической, но и культурно-просветительской работы в Красной армии: *«Наши победы на Дону стали возможны исключительно благодаря усилению партийной и культурно-просветительской деятельности в рядах Красной армии. — Это вызвало психологический сдвиг, и в итоге наша Красная Армия завоевала для нас Дон»* [5, с. 35-36].

Одной из задач, возложенных на институт комиссаров, была организация культурно-воспитательной работы. Позже, когда в апреле 1919 бюро комиссаров было расформировано, эти задачи были возложены на просветительный отдел Политического управления Реввоенсовета (ПУР). В рамках культурно-воспитательной работы для красноармейцев, когда имелась подобная возможность, устраивали спектакли, киносеансы, концерты, проводили лекции, организовывали экскурсии в музеи.

Основными центрами организации культурно-воспитательной работы были клуб и библиотека.

Клубы. Клубы создавались в местах, где были расквартированы части Красной армии. Предполагалось, что клубы должны использоваться красноармейцами для чтения, обсуждения актуальных событий, спортивной подготовки, проведения культурных мероприятий, чтения лекций. При клубах открывались различные секции: музыкально-вокальные классы, хоровое пение, секция изобразительных искусств и др. Также могли проводиться театральные постановки, в том числе силами красноармейцев.

Краевед Зорина Е.В. из города Котлас опубликовала статью-исследование «Клуб «Вооруженный пролетарий»» [2]. Ее работа опирается на данные «Великоустюгского центрального архива». В статье описывается работа клуба для красноармейцев в городе Великий Устюг.

Из работы Зориной мы узнаем, что гарнизонный клуб «Вооруженный пролетарий» начал работу с октября 1918 года. Его основателем является был губернский военный комиссар И. Д. Соболев. В клубе проводились театральные постановки, работали курсы любителей сценического искусства. Для красноармейцев половина спектаклей была бесплатной. Также при клубе работали вокально-музыкальные классы, в которых преподавали известные в Великом Устюге музыканты. Для красноармейцев обучение было бесплатным. При клубе имелась библиотека с читальными комнатами. В 1919 году количество книг в библиотеке превышало 1400 книг.

Е.В. Зорина пишет: «В 1919 году при клубе начали работать по контрактам профессиональные актеры, постепенно организовалась постоянная труппа. Еженедельно ставили по 3-5 спектаклей. Репертуар включал пьесы современных и классических авторов, соответствующие идеологическим требованиям. Это – «Дядя Ваня» и «Медведь» А.П. Чехова, «Василиса Мелентьева» Островского, «Шоколадный солдатик» Б. Шоу, «Рыцарь индустрии» А. Аверченко» [2].

Библиотеки. Красноармейские библиотеки организуются при воинских частях и на флоте, в госпиталях и военных клубах. Первый съезд политработников Красной армии принимает решение ввести в армии и на флоте единообразную библиотечную сеть.

В «Руководстве для красноармейских библиотек», разработанном литературно-библиотечным отделом Всероссийского бюро военных комиссаров говорится, что библиотека является *«очагом всей культурно-просветительной работы»* [9].

В начале 1919 ЦК РКП(б) выпускает инструкцию для партийных ячеек, которые предписывают им заботиться о распространении газет и книг, устраивать в частях общие чтения и собеседования.

Библиотечные отделения печатали списки рекомендованной литературы по различным направлениям, будь то художественная литература, международное положение, сельское хозяйство, военное дело, общественно-политическое направление и т.д.

В связи с желанием красноармейцев читать книги и газеты, в частях Красной армии была организована работа по обучению грамоте. Показательно, что к концу 1921 доля неграмотных в Красной армии составляла 5-7% [9]. В это же время уровень грамотности в целом по стране был гораздо ниже.

Кандидат педагогических наук М. В. Корякин в диссертационной работе «Массовая военная библиотека как институт социализации военнослужащих» [3] указывает, что до революции 1917 года русская армия располагала количеством библиотек в 600 единиц, и пользовались ими в основном офицеры. К концу 20-х годов количество массовых библиотек в армии и на флоте достигло более 10 тысяч.

Культурное просвещение большевики считали необходимым слагаемым борьбы за коммунизм. Образование и культура должны были стать средством воспитания нового человека – человека творца, активного строителя коммунизма. Народный комиссар просвещения Луначарский в 1928 году на лекции «Воспитании нового человека» заявил: *«...сознайтесь, что его [педагога] руками вы растите ту здоровую ветку, ради которой мы боремся, ради которой мы существуем, без которой нам не стоило бы жить и бороться. Это самое важное, что есть в нашей борьбе* [курсив, – С. Т.]» [8, с. 269].

Такое отношение к образованию и культуре – уникальная черта советского общества, его сильная сторона. Придавая образованию, просвещению и культуре чрезвычайно высокое значение, большевикам удалось в короткие сроки ликвидировать образовательный и культурный провал, создать в своей стране передовую промышленность и науку.

Литература

1. Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. М., 1959.
2. Зорина Е.В. Клуб «Вооруженный пролетарий» // Двинская земля: материалы шестых межрегиональных общественно-научных историко-краеведческих Стефановских чтений. Вып. 6. Котлас, 2010. С. 197-203.
3. Корякин М.В. Массовая военная библиотека как институт социализации военнослужащих». Дисс. ... канд. ист. наук / Московский государственный университет культуры и искусств. Москва, 2005.
4. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36.
5. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38.
6. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41.
7. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45.
8. Луначарский А.В. О воспитании и образовании. М., 1976.
9. Михеева Г.В. Рекомендательная библиография в России в 1917-1921 гг. Часть 3. Библиографическая деятельность в Красной армии (1918-1921 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2011. Вып. № 4.

Чураков Д.О. Эволюция взглядов Н.И. Бухарина и кризис левого коммунизма¹

Аннотация. Статья посвящена деятельности Н. И. Бухарина. Бухарин рассматривается как идеолог левого коммунизма. Дан анализ его взглядов на политэкономия, империализм, мировую революцию, революционное насилие, бюрократизм. Показаны истоки и формы идейного перерождения Бухарина. Переход Бухарина на правоконсервативные в статье рассматриваются как проявление общего кризиса левого большевизма.

Ключевые слова: левый коммунизм, империализм, перманентная революция, насилие, кризис, бюрократизм, перерождение.

Churakov D.O. Evolution of N.I. Bukharin and the crisis of communism left
Abstract. The article is devoted to the work of N.I. Bukharin. Bukharin is seen as the ideologue of the left communism. The analysis of his views on the political economy of imperialism, world revolution, revolutionary violence, bureaucracy. Showing the origins and forms of ideological degeneration of Bukharin. Transition of Bukharin in the right-conservative in the article are considered to be a manifestation of the general crisis of the left Bolshevism.

Keywords: Left communism, imperialism, permanent revolution, violence, crisis, bureaucracy, rebirth.

Изучение советского общества в наши дни имеет не только научный, но и сугубо прикладной характер. Многие структуры, сформировавшиеся и укрепившиеся в советский период в нашей стране не исчезли, а только трансформировались. Следовательно, они по-прежнему влияют на нашу жизнь. То же можно сказать так же о некоторых идеологических течениях, которые мимикрировали под сегодняшние условия идеологического многообразия и плюрализма.

Ключевым методологическим основанием исторических изысканий должно стать понимание, что советское общество никогда не было монохромным. В нём всегда присутствовали полутона и оттенки. Именно это позволило советскому наследию, как позитивному, так и негативному пережить несколько исторических эпох и занять свои ниши в сегодняшнем российском обществе. Такой подход будет актуален и при изучении центрального звена советской системы – а именно самой коммунистической партии: её организационных структур, кадров и т.д.

Так, в большевизме всегда существовало несколько течений, отличавшихся радикальными расхождениями в трактовке многих вопросов революционной и постреволюционной практики. К ключевым вопросам, по которым шли идеологические баталии, относились вопросы о природе мировых процессов,

¹ Чураков Дмитрий Олегович, доктор исторических наук, проф. Московский государственный педагогический университет, г. Москва; histor@inbox.ru.

российского общества, революционного насилия, пролетарского государства и др.

Наибольшей непримиримостью по всем этим вопросам отличалось такое идейное течение, как левый коммунизм. Внутри себя оно так же было очень неоднородным. В разные исторические периоды оно ассоциировалось с разными партийными лидерами. В силу этого изучение левого большевизма всегда было затруднено. Успехи на этом поприще не велики. Но именно левый коммунизм часто задавал тон в партии, даже если существовал в тени т.н. «генеральной линии».

Одной из центральных фигур левого коммунизма в большевистской партии длительное время являлся Н.И. Бухарин. Его жизнь и политическое наследие активно исследовалось на рубеже 80-90-х гг. прошлого века, но и сейчас интерес к этой фигуре полностью не угас. Однако со времён перестройки Бухарина чаще ассоциировали с т.н. «правым уклоном». Вместе с тем об этом лидере большевистской партии и советского режима объективно говорить, при этом абстрагируясь от лево-коммунистического периода его биографии ошибочно. До тех пор, пока Бухарин не будет понят, как один из столпов левого коммунизма, говорить о полном возвращении его в отечественную историю преждевременно.

Каково же место в этом самобытном, сыгравшем столь значимую роль в истории большевистской партии и всей страны идейного течения? Сформулировать понимание этого вопроса можно внимательно изучив дореволюционные работы Бухарина. К сожалению, в отечественной и даже зарубежной историографии этому периоду деятельности Бухарина уделяется неоправданное малое значение. Понять такой подход просто — основные достижения Бухарина как практика революционного движения приходятся, как ни посмотри на эту проблему, на послеоктябрьский период. Тогда же появляются его ключевые теоретические работы.

Однако основы бухаринского мировоззрения, основы созданной его творчеством картины мира закладываются задолго до Красного Октября. Особенно насыщенными, как представляется, являлись годы Первой Мировой войны. В этот период Николай Иванович уже успел заявить о себе как о крупном партийном работнике. Тогда же, находясь в эмиграции, он получает возможность заполнить пробелы в своей марксистской подготовке, заняться теоретическими разработками.

Многие из бухаринских работ тех месяцев сосредоточены на различных аспектах экономической науки и практики революционной борьбы. Решительным образом слава Бухарина как самобытного теоретика выросла в 1915 г. Этому способствовал выход в свет его крупной теоретической работы, в которой подробному анализу подвергались новейшие тенденции в развитии народного хозяйства ведущих капиталистических стран [1]. По сути, мы видим в ней первое среди большевиков обращение к актуальной тогда проблеме вступления человечества в новую эпоху — эпоху первичной глобализации. В трудах исследователей, идеологов и политиков тех лет она получила название эпохи империализма.

Статья “Мировое хозяйство и империализм” 1915 стала лишь первой среди целой серии работ Николая Ивановича, посвящённых новейшим тенденциям развития капиталистической формации. Над той же проблематикой Бухарин продолжил работать в период своего пребывания в Североамериканских соединённых штатах¹. По итогам своих изысканий он опубликовал несколько статей. Они появлялись на страницах русскоязычной газеты “Новый мир”. Выпускали её русские эмигранты, но проблематика публиковавшихся в ней материалов существенно выходила за узконациональные российские рамки. На страницах газеты находилось место не только для сообщений на злободневные темы, но и для общих аналитических обзоров. Пользуясь этим, Бухарин в новомировских статьях популяризировал и развивал свои взгляды на империализм.

Трактовка империализма, с которой в статье “Мировое хозяйство и империализм” и в новомировских публикациях выступал Бухарин, по некоторым параметрам отличалось от той классической теории империализма, с которой в скором выступит вождь большевистской партии В.И. Ленин. Отличия можно было наблюдать уже применительно к ключевым позициям, с которых два автора начинали анализировать новейшие тенденции развития капиталистической экономики.

Так, Ленин, продолжая линию, заложенную в его трудах о развитии в России капитализма и революционных настроений, за основу брал ситуацию внутри тех государств, которые перешли на новую фазу своего исторического развития. Анализ империализма Ленин, таким образом, делал как бы изнутри отдельного национального организма. Он шаг за шагом показывал этапы и направления роста монополистического капитала внутри отдельных наций, самостоятельных национальных экономик. Тем самым для Ленина империализм представлял собой закономерную ступень развития народного хозяйства передовых стран. То каким образом внутренняя эволюция сказывалась на мировой экономике, на международных отношениях так же интересовало вождя. Но, в определённом смысле, как бы во вторую очередь. Согласно его подходу, изменения на международном уровне были следствием внутригосударственного развития, являлись их продолжением.

Совсем иной ракурс для своих размышлений над характерными чертами эпохи империализма избрал Бухарин. За основу своих теоретических конструкций он, напротив, брал развитие мирового рынка. Именно под этим углом зрения он анализировал происходившие процессы. То есть направленные к первичной глобализации тенденции Бухарин подавал читателю как базовые. А те, которые видоизменяли национальные экономические институты отдельных стран, он понимал как производные, вторичные. Такой подход позволил Бухарину представить империализм как глобальную систему — всеобъемлющую и динамичную.

Бухарин выделял два основных вектора перемен, свойственных эпохе империализма. Первый вектор вёл к интернационализации капитала. Второй — к яв-

¹ Так тогда было часто называли Соединённые Штаты Америки.

лению, которое Бухарин определял термином «национализация» хозяйственных структур отдельных стран. Под «национализацией» молодой теоретик подразумевал внутринациональную коренизацию капиталов, слияние капиталов с государством. В борьбе первой и второй тенденций он видел главное противоречие империализма.

Первый вектор развития мировой экономики, по Бухарину, проявился в том, что разворачивалась целая система разного рода сегментов мирового рынка, международных рынков: труда, финансов, товаров. И, наоборот, «национализация» означала возникновение своего рода наций-трестов, т.е. государственно-монополистических трестов. В развитие своей мысли, он отмечал: “Организация финансового капитала самым тесным образом связывается с государственной властью и вырастает в великую силу, которая одной своей стороной направлена против других таких же организаций, а другой стороной против рабочего класса” [2].

Что означало наличие в новом мировом хозяйственном механизме двух совершенно разнонаправленных векторов? К чему могло вести отмеченное противоречие? По мнению Бухарина, дуализм хозяйственного развития эпохи империализма означал перенос внутренних противоречий, присущих капитализму как системе, на всемирный уровень. Это неизбежно означало крах и утрату *динамического равновесия* в обществе. Проще говоря, новое положение дел во всемирном масштабе означало назревание общемировых кризисов. Общемировые кризисы, что естественно, должны были решаться на глобальном, всемирном уровне.

Механизм кризисов новой эпохи Бухарин видел в обострении международной конкуренции. “Хотя все страны и связаны между собой, хотя люди и работают друг на друга, – полагал он, – но в то же время мир разделён на части, ибо существуют разные союзы капиталистов, разные государства, враждующие между собой... Существует несколько таких крупных союзов-государств, которые борются между собой из-за дележа добычи” [3]. Соперничество государств-трестов неизбежно ведёт к войне, естественно — мировой. Единственный возможный путь для мирового рабочего класса разорвать замкнутый круг кризисов и милитаризма Бухарин усматривал в социализме. Путь же к социализму, по его убеждению, лежал через революцию. Естественно, эта революция не могла замыкаться рамками одной, отдельно взятой страны.

В данном случае перед нами не столько прозорливость Бухарина как теоретика, сколько стремление подогнать коммунистическую теорию под реальность, имевшую место быть в момент написания Бухариным его статей по экономике. Речь идёт о сотрясавшей Европейский континент I Мировой войне. Так же бросается в глаза, что экономические изыскания приводили Бухарина к приятию идеи мировой революции в её троцкистской интерпретации. Тем самым идеология левого коммунизма получала более устойчивые основания уже не только в политологии, но и политэкономии.

Интерес представляет ещё два теоретических наблюдения. Бухарин, во-первых, отождествлял революцию с гражданской войной, что в целом для большевизма не характерно. Во-вторых, он обосновывал возможность и жела-

тельность революционных войн. Вернувшись в Россию, Бухарин не меняет своей радикальной позиции. Он отстаивает её не только в публичных выступлениях, но и пытается реализовать на практике.

Но значение работ Бухарина шире, чем только политэкономическое и историческое обоснование левого коммунизма через анализ русской революции и капиталистической экономики. Бухариноведы как правило, подмечают *динамизм* бухаринских взглядов. Бухарин оценивает новые веянья в экономике и политической сфере не как застывшие явления, а как *комплекс тенденций*. Вероятно, это было следствием знакомства Бухарина с философией А.А. Богданова, в частности, с его теорией равновесия — одним из ключевых звеньев богдановской тектологии. Влияние богдановской теории равновесия ощутимо во многих ранних статьях Бухарина. Например, несомненный интерес представляет изображение им империализма как *подвижной системы*, развивающейся путём обострения собственных противоречий.

Более того, Бухарин в своих работах непосредственно соединяет теорию перманентной революции и теорию строительства социализма как организационного творчества пролетариата. *Таким образом, политэкономические взгляды Бухарина для будущей доктрины левого коммунизма самым непосредственным образом становились мостом между философией Богданова и политологией Троцкого.* Всё это делало Бухарина одной из ключевых фигур левого коммунизма в России. Почему же все-таки имя именно Бухарина больше, чем кого-либо ассоциируется с **кризисом левого коммунизма**? По двум причинам.

Во-первых, именно из работ Бухарина в идейный багаж левых перекочевали некоторые идеи, слабо связанные с рабочим социализмом. На первый взгляд это может показаться старинным. Ведь никто иной, как Бухарин даже в период политики огосударствления органов рабочего представительства в 1918 г. ратовал за рабочее самоуправление без всяких посредников в лице правительственных комиссаров [4, с. 64-65]. Но дело было в другом. Бухарин не просто использовал богдановскую механистическую теорию равновесия. Он придал ей максималистскую трактовку в том смысле, что однажды нарушенное равновесие может, и должно быть восстановлено **насильно**.

Идея насилия как революционного способа установления общественной гармонии активно разрабатывалась в трудах Бухарина, причём, именно военного времени. Межимпериалистическая война, опалившая своим огнём все континенты, стала для Бухарина чем-то вроде философского камня, позволив соединить теорию с практикой революции. По мнению Бухарина, именно войны позволят рабочим победить в социалистической революции. Ведь войны ослабляют и разрывают цепь империалистических государств, а рабочему классу дают в руки оружие.

Но этим радикализм Бухарина не исчерпывался. Война, по Бухарину, создаёт и новые формы общественной организации, которые призваны стать основой коммунистического строя. Процесс обобществления для Бухарина шёл из сферы потребления, и только затем распространялся на производство. Бухарин не видел в этом ничего ненормального.

В период революции бунтарский максимализм Бухарина и его сторонников проявлялся неоднократно. В частности, не только Бухарин, но и многие молодые москвичи были по-настоящему убеждены, что мирный переход в руки Советов невозможен. Они делали ставку на захват её в ходе гражданской войны. В частности, с гражданской войной дальнейшее развитие революции связывалось в резолюции Московской областной конференции РСДРП (б), проходившей с 19-21 апреля [5, с. 111].

Другой пример радикализма левых коммунистов хорошо известен по событиям, связанным с заключением Брест-Литовского мира, когда Бухарин отвергал и миролюбивую платформу Ленина, и даже компромиссную платформу Троцкого. Но именно в этот момент Бухарин как лидер левых большевиков и само это течение внутри партии переживали один из своих максимальных подъёмов. Временами складывалось впечатление, что на позициях левого коммунизма стоят руководящие органы, ведущие региональные организации, преобладающее большинство всех членов большевистской партии.

Апогеем левачества Бухарина становится его известная работа “Экономика переходного периода”, в особенности сентенция о том, что “... принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи”. Для тех, кто мог подумать, что речь здесь идёт о свергнутых классах, Бухарин поясняет: “Принуждение, однако, не ограничивается рамками прежде свергнутых классов и близких к ним группировок. Оно в переходный период — в других формах — переносится и на самих трудящихся, и на сам правящий класс” [6, с. 164, 168].

Старый большевик М. Ольминский, оценивая этот “вклад” Бухарина в теорию, откровенно сомневался, что принуждение действительно может стать “методом выработки коммунистического человечества”. “Очень не надёжны были бы те коммунисты, которых загнали в коммунизм угрозой расстрела” — иронично подчёркивал Ольминский. Появление подобных взглядов он объяснял тем, “что после Октябрьской революции часть нашей партии переживала период увлечения властью” [7].

Во-вторых, фигура Бухарина становится символом кризиса левого коммунизма в силу особенностей политической биографии Николая Ивановича. В силу причин, разговор о которых выходит за пределы данной статьи, большевистская партия удержалась у власти. Из партии революционного штурма и разрушения она превратилась в правящую партию, партию порядка и стабильности. Пребывание у власти изменило не только саму партию, но и её отдельных членов, прежде всего руководителей, наиболее полно почувствовавших «прелести» бесконтрольно распоряжения судьбами целой страны.

Не стал исключением и Бухарин. И вот, к концу 1920-х гг., он становится символом уже другого внутрибольшевистского течения — правого уклона. Постепенно он начал отходить от своих ультралевых позиций, праветь. Какие же перемены произошли во взглядах Бухарина?

Лакмусовой бумажкой становится, например, отношение Бухарина к проблеме бюрократизма и бюрократической формации. Как известно, проблема нарастания бюрократизации являлась одной из наиболее болезненных для советского общества как в годы Гражданской войны, так и позже – в годы НЭПа и сталинских пятилеток. Бюрократическое перерождение рабочего государства стало для левых важным элементом критики сталинского режима.

До революции Николай Иванович по праву мог считаться одним из самых непримиримых критиков бюрократии и бюрократизма. Но постепенно его позиция в этом вопросе меняется. Уже в работе “Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз”, по замечанию Э. Манделя, критика бюрократизма практически отсутствует [8, с. 6]. Более того, в середине нэповской эпохи Бухарин совершенно открестился от тех радикальных демократических взглядов, которые он защищал в совсем недавнем прошлом. Он начинает утверждать, что так называемая теория бюрократического перерождения “стоит целиком на плечах социал-демократических, богдановских, троцкистских и каменево-зиновьевых-октябрьских предпосылок” [9, с. 303-304].

Объяснить подобную “эволюцию”, как совершенно справедливо подчёркивает современный исследователь С. Цакунов, можно только одним: к середине 20-х гг. Бухарин стал частью правящего бюрократического слоя, выражал его интересы и теоретически оправдывал его действия [10, с. 137]. В появлявшихся теперь редких статьях Бухарина о бюрократии звучали нотки, которые позже на долгие годы станут официальной трактовкой этой проблемы. Главную причину бюрократизма Бухарин видел в культурной отсталости масс и пережитках прошлого [6, с. 181-188]. Всё это было лишь фикцией борьбы с бюрократией и в действительности только укрепляло её позиции.

Отмежуетеся Бухарин и от других своих прежних взглядов. Изменил свои подходы Бухарин, например, к ключевой проблеме левого коммунизма — мировой революции. Всё ещё оставаясь интернационалистом, Бухарин становится одним из изобретателей и адептов идеи о возможности построения социализма в одной, отдельно взятой стране. Теперь о теории перманентной революции Бухарин будет писать как об антиленинской. Но это являлось, в лучшем случае, попыткой выдать желаемое за действительное.

Активно выступает Бухарин и в полемике против самих носителей лево-коммунистических взглядов. В частности, он переходит в наступление против своего вчерашнего кумира – Троцкого. Ближайший ученик Бухарина Д. Марецкий в парадной биографии своего учителя однозначно напишет о периоде пребывания Бухарина в Америке, что тот “ведёт непримиримую борьбу с тогдашней позицией Троцкого” [11, с. 271-284].

Идейное перерождение Бухарина, последовавшее за его социальным перерождением, позволило “забыть” о его лево-коммунистическом прошлом. Лево-коммунистические взгляды Бухарина рисовались как ошибка, от которой с переходом к НЭПу отрёкся сам Бухарин. Если какие-то идеи того периода, когда Бухарин был во главе течения левых коммунистов, и вспоминались, то это были исключительно те милитаристические перегибы, о которых мы говорили.

Словом, новый миф о Бухарине, столь же далёк от действительности, как и прежние мифы о нём. И лево-коммунистический период был в эволюции Бухарина существенно более важным и принципиальным, чем об этом писалось после его реабилитации.

Литература

1. Бухарин Н. Мировое хозяйство и империализм // Коммунист. Женева. 1915. № 1-2.
2. Бухарин Н.И. Что такое финансовый капитал // Новый мир. 1917. 23 января.
3. Бухарин Н.И. Международная конкуренция // Новый мир. 1917. 21 февраля.
4. Труды Первого Всероссийского съезда Советов народного хозяйства. 25 мая – 4 июня 1918 г. Стенографический отчёт. М. 1918.
5. Великая Октябрьская социалистическая революция. Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис. Документы и материалы. М., 1958.
6. Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма. М. 1989.
7. Ольминский М. О книге т. Н. Бухарина // Красная новь. 1921. № 1.
8. Мандель Э. Бюрократия альтернативы экономической политики (Трагедия Н.И. Бухарина). Париж.: Слово. 1988.
9. Бухарин Н.И. О характере нашей революции и о возможности победоносного социалистического строительства в СССР // Избранные произведения. М. 1988.
10. Цакунов С.В. В лабиринте доктрины. М. 1994.
11. Марецкий Д. Николай Иванович Бухарин // Большая Советская энциклопедия. 1-е изд. Т. VIII. М. 1926.

СЕКЦИЯ III. СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Абдрашев А.Б. Конституционное развитие кыргызской государственности в советский период (на примере анализа Конституция Кыргызской ССР 1978 г.)¹

Аннотация. В статье раскрываются пять этапов в развитии конституции Киргизии с 1929 г. до 1978 г., достоинства и недостатки Конституции 1978 г.

Ключевые слова: Киргизия, история, конституция.

Abdrashev A.B. Constitutional development of Kyrgyz statehood in the Soviet period (for example, the analysis of the Constitution of the Kyrgyz SSR 1978)

Abstract. The article describes five stages in the development of the Constitution of Kyrgyzstan from 1929 to 1978, the advantages and disadvantages of the 1978 Constitution.

Keywords: Kyrgyzstan, history, constitution.

Конституционное развитие Кыргызстана неразрывно связано с ее историей. Каждый очередной этап развития Конституции республики характеризуется новыми моментами в отношениях между классами и социальными группами, уровне экономики, масштабах осуществления функций государства, распределении компетенции между республикой, РСФСР и Союзом ССР, в состав которых она входила в разное время, полномочиях и направлениях работы государственных органов. Принятие конституций на различных этапах исторического развития кыргызской государственности имело задачей отразить все эти качественно новые явления, обеспечить динамику государственного, хозяйственного (экономического) и социально-культурного строительства.

Конституция прошла в своем развитии те же этапы, что и кыргызская государственность в целом. Историю общества и государства нельзя переделать, переписать в угоду каким-либо политическим теориям. Поэтому мы считаем объективной необходимостью при изучении развития конституции придерживаться той периодизации, которая была дана для своего времени марксистско-ленинской теорией государства и права, при этом отделяя только чрезмерную идеологическую окраску.

В соответствии с этим можно выделить следующие этапы развития конституции:

¹ **Абдрашев А.Б.** доктор политических наук, профессор Жалал-Абадского государственного университета; abdrashevab@bk.ru.

1. Конституция кыргызской государственности в период перехода от патриархально-феодального строя к социализму, минуя капитализм. Иначе говоря, конституция кыргызской государственности в форме автономии (1929 г.).

2. Конституция кыргызской государственности в период упрочения и завершения строительства социализма. Иначе говоря, конституция кыргызской государственности в форме союзной республики (1937 г.).

3. Конституция кыргызского государства, закрепившая построение развитого социализма. Иначе говоря, конституция, закрепившая дальнейшее развитие кыргызской государственности (1978 г.).

4. Конституция независимого кыргызского государства (1993 г.).

5. Конституция Кыргызской Республики (2010 г.).

Современная конституционно-правовая наука продолжает наработки советского времени. В то же время все большее внимание она уделяет восстановлению преемственности с исследованиями первого этапа. В числе основных задач настоящего времени: избавление от идеологических оков, штампов, комплексное осмысление перемен в государственном и общественном строе, произошедших в стране на рубеже XX и XXI веков; обеспечение правовыми средствами сильной, предсказуемой государственной власти и приоритета прав и свобод людей; усиление процессуальной составляющей в конституционно-правовом регулировании.

К 1936 г. в стране было завершено создание основ социализма. Технический уровень народного хозяйства был еще далек от уровня наиболее развитых индустриальных стран. В разных областях жизни продолжало сказываться наследие дореволюционных времен. Однако за последующие четыре десятилетия в советском обществе произошли глубокие изменения, которые затронули все стороны общественной жизни.

В результате культурной революции была ликвидирована неграмотность; кыргызский и другие народы получили доступ к сокровищам национальной и мировой культуры. Изменился и социальный облик общества, преобладающим явлением стал рост социальной однородности общества. Труд рабочих и крестьян приблизился к труду инженерно-технических работников, по мере роста уровня культуры народа и небывалого увеличения роли науки в жизни общества вырос удельный вес интеллигенции.

Рост социальной однородности общества привел к тому, что государство, возникшее как государство диктатуры пролетариата, переросло в общенародное государство. Все эти изменения, глубоко затронувшие общество и государство, должны были найти свое отражение в обновленной Конституции.

15 марта 1978 г. на заседании Президиума Верховного Совета Кыргызской ССР проект Конституции был рассмотрен и в основном одобрен. Проект Конституции был вынесен на всенародное обсуждение – опубликован в республиканской и местной печати общим тиражом почти в полмиллиона экземпляров на кыргызском, русском и узбекском языках.

Внеочередная восьмая сессия Верховного Совета Кыргызской ССР девятого созыва 20 апреля 1978 г. приняла новую Конституцию Кыргызской Советской Социалистической Республики. Она полностью соответствовала положе-

ниям и принципам Конституции СССР. Вместе с тем в ней получили отражение исторически сложившиеся особенности республики, опыт ее национально-государственного строительства, обеспечена преемственность основных положений с Конституцией 1937 г.

Особенности Конституции Киргизской ССР 1978 г.: закрепление всей политической системы советского общества как совокупности государственных и негосударственных организаций (государство, КПСС, общественные организации, трудовые коллективы), через которые реализуется полновластие народа Кыргызстана; впервые введен понятие политической системы; отражена необходимость повышения роли представительных органов государственной власти; впервые включена специальная глава о народном депутате; расширение круга прав, свобод и обязанностей граждан; определяет Киргизскую ССР как суверенное советское социалистическое государство, которая на основе добровольности и равноправия вместе с другими советскими республиками объединились в Союз ССР.

Конституция 1978 г. закрепляла принципы всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании. В итоге можно сделать вывод о том, что Киргизская ССР, являясь суверенным государством, обладает всеми необходимыми полномочиями для самостоятельного осуществления своей государственной власти. В Конституции были детально закреплены разнообразные ее полномочия по различным сферам общественной и государственной жизни. Но, обладая обширными правами в области государственного, экономического и социально-культурного строительства, она не имела права, например, руководить денежной и кредитной системами или осуществлять внешнюю торговлю.

Конституция 1978 г. несмотря на ее крайнюю идеологизированность, а по многим параметрам – фиктивность, имела важное значение. Прежде всего, в том плане, что она законодательно закрепила те качественные изменения, которые произошли в развитии национальной государственности кыргызского народа в советский период.

Литература

1. Ведомости Верховного Совета Киргизской ССР. 1990. № 21. Ст. 318.
2. Ведомости Верховного Совета Республики Кыргызстан, 1991, № 17. Ст. 530.
3. Соодонбеков С.С., Укушев М.К. Конституционное право КР: (Общая и особенная части). Б., 1999. С. 85.

Березкина О.С. Индустриальное общество в СССР: сущность и судьба¹

Аннотация. В статье ставится задача охарактеризовать базовые параметры социалистической модернизации и модели индустриального общества в СССР. Советский модернизационный проект был осуществлен в короткие сроки, комплексно, во всех областях общественной жизни. Его важными признаками стали индустриализация на основе государственной собственности, создание «эгалитарно-корпоративного» варианта социального государства, политический режим «тоталитарной демократии». Драматическая судьба советской модели обусловлена как изменением тенденций мирового развития, так и рядом параметров самой модели, неадекватной политикой руководства.

Ключевые слова: модернизация, индустриальное общество, советская модель, социальное государство, тоталитарная демократия.

Berezkina O.S. Industrial Society in the USSR: the Nature and Destiny
Abstract. The article seeks to characterize the basic features of socialist modernization and the model of industrial society in the USSR. The Soviet modernization project was implemented in a short time, comprehensively, in all areas of public life. Its vital characteristics were industrialization based on state ownership, the creation of “egalitarian-corporate” version of the welfare state, the political regime “totalitarian democracy”. Dramatic fate of the Soviet model is due to the changing trends of world development, to a number of parameters of the model itself, to an inadequate policy of the leaders.

Key words: Modernization, industrial society, Soviet model, welfare state, totalitarian democracy.

Понятие индустриального общества является сегодня общепринятым в определении этапа общественного развития, для которого характерен ряд признаков: индустриальное производство, урбанизация и рост грамотности населения, применение достижений науки во всех сферах, постепенная рационализация социальной жизни и др. Особое значение для оценки индустриальных обществ в XX веке приобрели факторы политического порядка: возрастание роли государства в регулировании социально-экономической сферы, построение социального государства, расширение политического участия за счет всеобщего избирательного права, институализации политики на основе массовых партий и других форм. В рамках дискуссий об индустриальном обществе и, особенно, о том, возможны ли его альтернативные варианты, именно трактовка этих факторов вызывала наибольшие споры. Будучи неразрывно связанной с проблематикой «государства всеобщего благосостояния» и понятием демократии, она напрямую затрагивала практически-политические аспекты противостояния систем.

¹ Березкина Оксана Степановна, кандидат политических наук, доцент исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва; os-berezkina@yandex.ru.

Построение советской модели индустриального общества было осуществлено в короткий исторический период и включало модернизационные изменения во всех сферах общественной жизни. Индустриализация, экономический рост, возрастание социальной мобильности, расширение политического участия, достижение всеобщей грамотности – все эти параметры, отвечавшие практическому опыту СССР, свидетельствовали о модели, имевшей черты завершенности во многих областях. При сходстве базовых параметров эта модель представляла собой альтернативу образцу, демонстрируемому западными странами.

Социалистическая модернизация стала наиболее масштабным проявлением мобилизационного типа развития, характеризовавшего Россию на протяжении ее истории, показала как его максимальные возможности, так и одиозные проявления, связанные с политикой принуждения и насилия. В конце 1920-х гг. гигантский амортизационный провал (100% износа оборудования), невозможность стабильных рыночных отношений с крестьянством при дефиците промышленных товаров, перманентный хлебозаготовительный кризис, безработица в городах, "тяжелейшие перебои с заработной платой", растущее недовольство рабочих политикой партии, вопиющее расхождение идеологических постулатов и нэповских реалий, наконец, нарастание внешней угрозы - все это побуждало партийное руководство к форсированной модернизации страны за счет крестьянства. "Если не по ученому,- с типичной для того времени простотой говорил С. Орджоникидзе, - то все разговоры о темпе сводятся к одному: где взять денег". Развивая свою мысль, Орджоникидзе отмечал: займов не дают, "сдирают шкуру", значит, взять можно только с крестьянина, и весь вопрос в том, как взять, «где предел, чтобы не было восстания» [7].

Социальная цена советской модернизации была очень высокой, однако это не отменяет того факта, что модернизация решила объективно стоявшие перед страной задачи: традиционное крестьянское общество с оазисами ускоренного развития превратилось в индустриальное (современное), хотя и уступавшее группе наиболее развитых стран по уровню дохода на душу населения. Развитие экономики СССР в 1940 году по сравнению с 1913 годом (уровень которого был достигнут в сер. 20-х гг.) характеризовалось ростом национального дохода в 5,3 раза, в машиностроении, электроэнергетике – в десятки раз [1, с. 17-19]. Городское население увеличилось на 30 миллионов человек, число студентов вузов выросло с 1928 по 1940 гг. со 170 до 810 тыс. человек [2, с. 253, 258]. Ключевое значение имело развитие социальных программ: почти сразу же после Октябрьской революции были введены бесплатное образование и здравоохранение, социальное обеспечение рабочих и служащих (крестьяне смогли получить пенсии только в постсталинский период). Кроме того, впервые в истории мобилизационный тип развития включал массовое участие, способствовавшее объединению в сознании масс полученных результатов с собственными усилиями. Все перечисленное в конкретных исторических условиях, когда стояли задачи обеспечения государственного развития при удержании большевиками власти, позволило осуществить стремительный переход к современно-

му обществу в стране, где в дореволюционный период подавляющее большинство населения было неграмотно и не имело доступа к необходимой медицинской помощи.

Важнейшим материалом для оценки общественной модели является ее зрелое, развитое состояние. В эпоху «зрелого социализма» (по статистическим данным за 1988 год) страна давала пятую часть мирового промышленного производства, большинство населения проживало в городах, более трети работавших граждан были заняты умственным трудом [5, с. 38, 40, 275]. СССР обеспечил стопроцентную грамотность населения, в стране действовали масштабные социальные программы: бесплатного образования, здравоохранения, пенсионного обеспечения, строительства жилья и др. Политическая система, каким бы термином ее ни характеризовать, продемонстрировала не только массовое вовлечение граждан в общественно-политическую жизнь, но и возможности вертикальной мобильности, значительно превосходившие аналогичные параметры в западных странах. Например, получившие высшее образование выходцы из семей неквалифицированных рабочих и крестьян составляли в ЦК КПСС 1966 г. более 70%, в 1981 г. – 80,4%, в 1986 г. – 72,7% [3, с. 32]. Традиционные социальные отношения, в том числе семейные, трансформировались. Демографические тенденции (за исключением ряда регионов) были также сопоставимы с тенденциями развитых стран.

Своеобразие советской модели в экономике определяла государственная собственность на средства производства, плановость, опора на расширение тяжелой промышленности и огромные инвестиции, вследствие чего рост потребления был более медленным и страна, производившая космические ракеты, не могла удовлетворить потребность населения в элементарных товарах первой необходимости. В социальной сфере сформировалась модель социального государства, которую можно назвать «эгалитарно-корпоративной»: масштабные социальные программы «для всех», проводившиеся за счет средств, аккумулируемых государством, дополнялись корпоративными привилегиями, даваемыми предприятиями своим работникам. В СССР предоставлялись беспрецедентно широкие возможности вертикальной социальной мобильности для представителей неэлитных групп, хотя неравенство и престижное потребление имели место. Сегодня говорят об экономической неэффективности советского социального государства, чрезмерной нагрузке на бюджет, более низком уровне зарплат и пособий, нежели в странах с общим более высоким уровнем жизни и т.д., однако все это никак не отменяет принципиальных основ модели и самого ее существования. Проблематика социального государства в постсоветской России определяется не его «становлением», а процессом деградации развитой эгалитарной модели и продолжающимся поиском новых вариаций социального обеспечения.

Советская политическая система занимала ключевое место в советской модели, обеспечивая ее воспроизводство. Она представляла собой сочетание жестких авторитарных институтов с демократическими компонентами, проявлявшимися в механизме формирования политической элиты ("из низов"), широким распространении на разных уровнях формально-

демократических процедур, многообразных формах общественной активности (голосовании на плебисцитарных выборах, участии в деятельности партии и общественных организаций, письмах, собраниях, «народном контроле», общественных комитетах и т.п.) Все это, несмотря на ограниченность, объективно свидетельствовало о подъеме массы населения к общественно-политическому участию, процессе демократизации, и сформировавшийся режим можно назвать «тоталитарной демократией». Особенность ее определялась тем, что именно массовая партия была основным институтом, выполнявшим не только функции артикуляции и агрегирования общественных интересов, но и принятия решений и контроля над их реализацией. Именно партийная элита, обновлявшаяся за счет выходцев «из низов», целенаправленно проводила политику, обеспечивавшую высокую степень открытости элиты социальной. Традиционная модель «правлящего класса» к советскому обществу неприменима, политическое развитие в СССР шло в русле модернизационных процессов, хотя и не приняло той формы, которая характеризовала плюралистические режимы. По замечанию Дж. Сартори, либеральная теория демократии «не спроецировала равенство как ценность на вертикальное измерение» (речь идет о доминировании элит), и на деле ее важнейшей ценностью стала свобода [4, с.89]. Перефразируя Сартори, можно сказать, что советская система, взяв за основу равенство (важнейшую ценность «горизонтальной демократии»), «не спроецировала» (или недостаточно спроецировала) ценность свободы (трактуемой, прежде всего, как социальное освобождение) на область гражданских и политических прав. В этом смысле термин «тоталитарный» по отношению к советскому режиму соответствует своей этимологии: режим действительно стремился ко всеохватывающему политическому контролю, целостности социально-политического организма, консенсусному принятию решений, общности цели и единству действий, ограничивая личную свободу, подчиняя индивид коллективу и государству, меньшинство – большинству (хотя это подчинение, как справедливо отмечали многие исследователи, никогда не было полным, и уровень свободы в постсталинский период был существенно выше, нежели ранее).

В целом в советский период было быстрыми темпами сокращено вековое отставание России от Запада по ряду ключевых параметров. В историческом масштабе советская модель, порожденная множеством факторов, стала одним из ярких воплощений индустриальной эпохи. Фундамент, который был заложен в советский период, дает возможность современной России в общем и целом решать задачи внутреннего развития и обеспечивать свои геополитические интересы, является, даже с учетом трансформационных потерь, базой развития всех бывших советских республик.

Специфику советского модернизационного проекта составляла его комплексность: процесс индустриализации, широкомасштабное развитие социальной политики, расширение политического участия в разных формах происходили синхронно, дополняя друг друга и обуславливая легитимность режима. Однако этот опыт был связан с конкретной ситуацией постреволюционного развития, доминированием авторитарных методов руководства, характером по-

литической культуры населения. Попытка М.С. Горбачева фактически повторить его в новых условиях окончилась провалом. Напомним, что усилия Горбачева, направленные на реформирование экономики, сопровождались попытками наращивания масштабов социальных выплат и политической реформой, подрывавшей основы системы «тоталитарной демократии», обеспечивавшей советский модернизационный проект и воспроизводство, если воспользоваться марксистским языком, всей формации.

Одной из коренных проблем советской модели, обусловивших в конечном итоге ее судьбу, был дефицит свободы, сложность выхода за рамки, жестко предписываемые режимом. И если в первые послереволюционные десятилетия многие люди, лишь недавно вышедшие из крестьянского мира, впервые получившие доступ к образованию, помнившие жестокие обстоятельства, в которых устанавливалась "диктатура партии", не осознавали ценности личной свободы, то с течением времени, повышением образовательного уровня населения, расширением его кругозора отсутствие свободы выбора стало восприниматься как серьезный и неискоренимый дефект советского режима.

Второй важнейшей проблемой стала неспособность построить «общество потребления», обусловленная как характером экономической модели, так и недооценкой фактора потребления в мотивации поведения советских людей. Наконец, научно-техническая революция, глобализация, переход к постиндустриальному обществу в западных странах принципиально изменили среду, в которой функционировал СССР. Возможности же быстрого приспособления советской модели к новым условиям были ограничены в силу тех базовых механизмов, на которых она строилась. Например, ни структура советской экономики, ни отношения собственности, ни система советских ценностей не позволяли эффективно и в короткие сроки осуществить интенсификацию производства, не подрывая легитимность режима. Болезненные процессы, неизбежно сопровождающие перевод экономики "на интенсивные рельсы" (например, безработица, необходимость оперативного переобучения и трудоустройства людей и др.), противоречили базовым ценностям советской системы - "ведущей роли" рабочего класса, отсутствию частной собственности, незыблемости социальных гарантий, постулату о бескризисном поступательном развитии, "все более полном удовлетворении" растущих материальных и духовных потребностей людей. На этих ценностях было воспитано несколько поколений, в том числе партийных руководителей. Радикальные перемены неизбежно ставили вопрос о сущности и будущем социализма, подрывая основы легитимации советского строя.

Следует отметить, что в период «застоя», который приводится как пример относительной деградации советской экономики, темпы экономического роста СССР были выше, а не ниже, нежели в западных странах в это же время: 3,6% в 1981-1985 гг. в СССР по сравнению с 2,4% в среднем в западных странах [1, с. 20; 5, с. 268-269; 6]. Именно в период «застоя» были осуществлены грандиозные проекты, в том числе в нефтегазовой сфере, благодаря которым стало возможным сегодняшнее развитие. Однако для СССР речь шла не о том, могла ли в принципе более или менее позитивно развиваться советская экономика, а о том, могла ли она и далее демонстрировать превосходящие конкурентов пара-

метры и выдерживать соревнование с Западом, в том числе в военной сфере. Власть оказалась не готова к решению беспрецедентно сложных задач, на деле имела место деградация политической элиты, ярко проявившаяся во второй половине 1980-х годов, когда партийное руководство шаг за шагом «сдавало свой пост». Результатом стали слом советской модели и драматический, включавший потери в базовых сферах, переход «по горизонтали» – к альтернативному варианту общественного развития. Постсоциалистическую трансформацию следует рассматривать как принципиально иной процесс, нежели «спонтанное» формирование рыночных и демократических институтов в западных странах или модернизацию в странах «третьего мира», где во многих случаях до сих пор не завершён переход от традиционных обществ к современным.

Наличие у современной России советского прошлого, советский опыт накладывали и до сих пор накладывают определённые ограничения на действия политиков. С одной стороны, желанию некоторых представителей власти «свернуть» социальное государство в сложных экономических условиях противостоит фактор исторической памяти, те достижения, которые остались от советского периода. С другой стороны, предложения ввести элементы «мобилизационной» экономики встречают острую критику, включающую отсылки к конечной неудаче экономики советской. Критикуются и элементы нелиберальной демократии, вводимые по инициативе власти, например, создание Общероссийского народного фронта как организации, получающей определённые контрольно-проверочные полномочия. Трудно не заметить некоторое сходство этой структуры с советским «народным контролем», хотя прямые параллели вряд ли оправданы. Отношение к советской системе сегодня двойственное и конъюнктурное: от желания максимально акцентировать её негативные стороны с целью поддержки легитимности постсоветской трансформации до положительной оценки, по крайней мере, отдельных её компонентов с целью решения конкретных политических задач. В этих условиях проблема исследователей – дать более объективный, честный подход к советскому обществу, автономизируясь от желания политического поля «добраться до недр» поля интеллектуального.

Литература

1. Байбаков Н.К. От Сталина до Ельцина. М., 1998.
2. Верт Н. История советского государства. 1900-1991. М., 1997.
3. Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7.
4. Сартори Дж. Вертикальная демократия // Политические исследования. 1993. № 2.
5. СССР в цифрах в 1988 году. М., 1989.
6. Страны и регионы мира 2003: экономико-политический справочник / Под ред. проф. А.С. Булатова. М., 2003.

Блинова Н.В. Актуализация советской модели решения вопросов местного значения: возврат к старому или политический ренессанс?¹

Аннотация. Статья обосновывает, что современное реформирование местного самоуправления в России идет в направлении воспроизводства принципов местного управления в СССР, сформировавшиеся после 60-х годов. Автор сопоставляет советскую модель местного управления с моделью местного самоуправления, сложившегося в России сегодня, а также пытается оценить перспективность такого политического ренессанса бюрократической модели управления местными делами. *Ключевые слова:* общественная и государственная теории местного самоуправления, местное управление.

Blinova N.V. Activation of the Soviet model of addressing issues of local importance: return to the old political or renaissance?

Abstract. The article argues that contemporary local government reform in Russia goes in the direction of reproduce the Soviet Union's principles of local government formed after the 60-ies. The author compares the Soviet model of local governance with a model of local government prevailing in Russia today, and also tries to evaluate the prospects of such a political Renaissance of the bureaucratic model for the management of local affairs.

Key words: social and public theories of local government, local government.

Отношение к самоуправлению, даже употребление этого термина в течение советского периода было различным. В наиболее близком к современному пониманию широкое обсуждение самоуправления можно отметить с 60-х годов XX века. Появлялись специальные исследования, посвященные проблеме развития самоуправления, базой которого считались местные Советы.

В работе В.А. Петрица «Проблемы местного самоуправления в СССР» (1963 г.) были сформулированы следующие признаки советского местного самоуправления:

- отражение воли местного населения,
- согласованность местных интересов с центральными органами власти,
- полномочия местных Советов в решении вопросов их ведения,
- построение взаимоотношений с центральными органами власти на началах демократического централизма.

При этом функционал местных органов самоуправления сводился к организационно-хозяйственным вопросам, а в ведении вышестоящих Советов находились нормотворчество и планово-регулирующая деятельность.

¹ Блинова Наталья Владимировна, кандидат политических наук, доцент кафедры государственного управления и политических технологий, Государственный университет управления, г. Москва.

Отметим также, что в организационном плане исполнительные органы управления на местах («по горизонтали») подчинялись местным Советам (так как последние их формировали и имели некоторые контролирующие функции), но основное руководство деятельностью местных властей осуществляли вышестоящие Советы, акты которых были обязательными для исполнения нижестоящими органами управления («по вертикали»).

Можно найти аналогии в таком технологическом решении и в современной России. Конечно, это не точная копия, но подходы и технологии организации функционирования власти и системы управления во многом схожи, аналогии напрашиваются сами собой.

Сегодня последовательно воспроизводятся принципы «демократического централизма» с его двойным подчинением местной администрации. С одной стороны, муниципальный исполнительный орган власти подотчетен местному представительному органу, который принимает нормативно-правовые акты, утверждает бюджет муниципального образования, не редко избирает главу муниципального образования и т.д. А, с другой стороны, местные администрации подчиняются региональным властям, находясь в жесткой финансовой зависимости от региона. Кроме того, появляются новые инструменты влияния субъектов на политику местных властей: возможности регионов изменить политическую раскладку в муниципалитете, отстранить главу или местный представительный орган от власти (например, через процедуру изменения системы органов местного самоуправления в муниципалитете, или через слияние, преобразование одного или нескольких муниципальных образований).

Центр политического управления в решении вопросов местного значения заметно сместился от муниципалитетов на региональный уровень власти после вступления в силу Федерального закона от 27.05.2014 № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» существенным образом были расширены полномочия субъектов (то есть государственно власти). По этому закону число вопросов местного правового поля, регулируемых региональными властями возросло более, чем в два раза: с 24 до 56.

Механизм избрания местных должностных лиц на местах (депутатов и главы) более не является решающим, так как население уступает по возможностям контроля региональной администрации, а для стимулирования качественной работы местной администрации, результативнее оказывается жаловаться губернатору, чем местным депутатам.

Такое политико-административное подчинение местных властей регионам наталкивает на сравнение с советской моделью. Конечно, ту систему сложно назвать самоуправлением, однако, если мы будем сопоставлять ее не с общественной теорией местного самоуправления, а с государственной, то здесь различия будут не столь существенными.

Бюрократическая модель управления на местах – один из вариантов организации этого процесса и в мире, и в России. Называть ее неестественной и неправильной весьма странно, тем более, что этот подход находит себе место не только в России, но и в других странах (например, во Франции, в Греции), в настоящее время и в прошлом. Государство избирает определенные технологии общественного управления, которые применяются на местном уровне, решая общегосударственные задачи в актуальных условиях, а не для того, чтобы воспитывать демократию на местах.

Бюрократическая модель управления местными делами, достигшая апогея в советский период истории, имеет основания быть актуальной и сегодня. Воспроизводство отдельных ее признаков в современных реформаторских преобразованиях в области местного самоуправления на практике выливается в усиление зависимости местных властей от региональных и выстраивание жесткой вертикали управления внутри региона, что является признаком государственной теории самоуправления. Хотя формально-юридически общие правила регулирования остаются в параметрах европейской Хартии о местном самоуправлении, основанной на общественной теории самоуправления.

Возможно, стоит начать открытую публичную дискуссию о том, что низовой уровень публичной власти (уровень местного самоуправления) может быть лишен нормотворческой функции, тем более, что такой опыт есть в Москве, где полномочия местных депутатов в области контроля весьма расширены, а нормотворчество ликвидировано. Тем самым завершится логически переход к построению и развитию системы управления местными делами по принципам, заложенным в, так называемой, государственной или континентальной модели местного самоуправления, и имеющей значительный исторический опыт в России.

Бойко С.И. Советский проект федерации и проблема стабильности государства¹

Аннотация. В статье предпринята попытка показать, что проект советской федерации стал механизмом ликвидации социалистического государства, основанного на главенстве КПСС в государственном управлении, когда для модернизации политического режима была избрана модель западной демократии. Сделан сравнительный анализ политической стабильности проектов «государства автономий» Испании и советской федерации. Рассмотрены факторы устойчивого и динамического развития государства в контексте перспектив некорпоративной демократии в современной России.

Ключевые слова: советская федерация, государство автономий, некорпоративизм, стабильность государства

¹ **Бойко Сергей Иванович**, кандидат политических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), г. Москва; bsi1952@yandex.ru. Статья подготовлена в рамках реализации Программы стратегического развития РГГУ на 2012-2016 гг. (проект 2.1.1).

Boyko S.I. The Soviet project of the Federation and the problem of stability of the State

Abstract. The article attempts to show that the project of the Soviet Federation became the mechanism the elimination of the socialist State based on the supremacy of the communist party of the Soviet Union in government, when for the modernization of the political regime was elected the model of western democracy. A comparative analysis of political stability projects "state of autonomies" Spain and the Soviet Federation. The factors of sustainable and dynamic development of the State in the context of neocorporatism prospects of democracy in modern Russia.

Keywords: Soviet Federation, the State of autonomies, neocorporatism, the stability of the State

После окончания гражданской войны для победителей главной задачей было строительство на подконтрольных территориях бывшей Российской империи нового государства. Известна дискуссия группы сторонников союза автономных республик (И. Сталин, Ф. Дзержинский, С. Орджоникидзе) и В. Ленина, отстаивавшего идею федерации с минимальными полномочиями центра, которому делегированы только дипломатические и военные функции [3, с. 361]. В.И. Ленин победил во внутрипартийном обсуждении фундаментальных принципов государственного строительства, поэтому во всех советских конституциях оставалось не имеющее аналогов в политической истории положение, что «за каждой союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР» [4, с. 187, 212, 253]. Право наций на самоопределение вплоть до отделения было доведено до законодательно оформленного абсолюта. В дальнейшем в советской науке такая конструкция федеративного государства преподносилось как пример добровольного и равноправного союза свободных народов. В.И. Ленин полагал стабильной конструкцию советской федерации на базе однопартийной системы, где партия была господствующей ветвью власти, институтом государственного управления. Верховенство аппарата партийного над аппаратом государственным стало краеугольным камнем ленинского проекта федерации. «Дробление наркоматов и несогласованность между их работой в отношении Москвы и других центров может быть парализовано достаточно партийным авторитетом, если он будет применяться со сколько-нибудь достаточной осмотрительностью и беспристрастностью...», – доказывал В. Ленин [3, с. 362].

Кроме Советского Союза, в истории человечества не было государства, в котором с федеративное административно-территориальное устройство можно было бы не только изменить по воле единственной в государстве политической партии (фактически – по воле руководителей высшего органа партии), но и использовать конституционно закрепленное право на выход из состава федерации в одностороннем порядке, по решению органов региональной власти (фактически, по решению националистически настроенной региональной политической

элиты союзных республик, пожелавшей полноты политической власти в суверенных государствах).

Коммунистическая партия большевиков, позднее КПСС была не политической партией в общепринятом политологическом смысле, партией – основным артикулятором общественного мнения и механизмом взаимодействия между гражданским обществом и государством. КПСС была стержневым институтом государственного управления, главным элементом в политико-административном механизме государства. И в этом смысле КПСС может рассматриваться как корпорация профессиональных государственных управленцев, государственных служащих. Как политическая корпорация аппарата, выделенного из социума и управляющего советским федеративным государством.

Вместе с тем, государство создается для решения определенных задач социума. «Государство есть некая ценность, и оно преследует какие-то большие цели в исторической судьбе народов и человечества... Государство не может потерпеть, чтобы у него были подрезаны крылья, – оно устремлено в историческую даль» [3, с. 537]. Постепенно цель построения коммунизма была дискредитирована. Для поколений, родившихся в последней четверти XX века, стали историей события, объединявшие граждан СССР – Великая Отечественная война, освоение космоса, устойчивое социально-экономическое развитие. Политическая мина, заложенная в проект советской федерации – сработала. Когда политическая корпорация КПСС утратила легитимность в общественном мнении, государство распалось, и республики, выходя из СССР, апеллировали к конституционному праву на самоопределение. В России провозгласили демократическое, правовое и социальное государство – Российскую Федерацию. Значительно уменьшились территориальные, демографические, экономические и социальные ресурсы постсоветского государства, объективно снизились его военная и политическая конкурентоспособность, динамическая устойчивость в условиях глобализации.

Политическая история Испании – государства автономий – предполагает возможность проведения параллелей с Россией. Выдающийся мыслитель Х. Ортега-и-Гассет считал Россию и Испанию двумя экстремумами великой европейской диагонали, искал параллели в историческом развитии двух государств и народов [7, с. 116]. Можно полагать, что и в настоящее время сохраняются основания для политологического анализа и сравнения российского федерализма и испанской модели государственного управления. После ухода в историю авторитарного режима Ф. Франко в 1975 г. автономные области получили широкие социально-экономические полномочия, но без права на самоопределение. Региональный сепаратизм в автономиях, например, в Стране Басков и в Каталонии, периодически обострялись, но территориальная целостность и динамическая политическая стабильность в целом сомнению не подвергались. Многие политологи в Испании стали считать, что «в начале XXI века дебаты о проблемах в перспективах Государства Автономий диктуют в большой степени необходимость закрытия обсуждения» [8, с. 113]. Такая оценка оказалась преждевременной, и одним из результатов глобального экономического кризиса, начавшегося в 2007 г., для испанского государства стало рез-

кое усиление сепаратистских настроений, прежде всего в Каталонии, индустриально развитой и самодостаточной автономной области Испании. Для преодоления радикальных сепаратистских настроений в автономиях, как отмечает Рамон Тамамес, известный испанский ученый, экономист и политолог, избравшийся депутатом Генеральных Кортесов, необходимы: «1) новый закон о политических партиях (заметим, что в Испании разрешены региональные политические партии, а России региональные партии создавать предусмотрительно запрещено федеральным законодательством); 2) обеспечение прозрачности организаций, окружающих государство (партий, профсоюзов, работодателей, НКО, ит.п.), чтобы иметь полное представление об общественных ресурсах, иначе демократия ослабевает безнадежно, а коррупция становится бесконечной; 3) подлинное разделение трех ветвей власти, прежде всего департизация кадрового состава исполнительной ветви и судебной ветвей власти, где имеются партийные квоты; 4) качественное улучшение публичной политики и государственной администрации; 5) пятая реформа предполагает народное образование в части пакта национального согласия и изучения Конституции для возникновения и развития подлинного конституционного патриотизма» [9, с. 382-383]. Параллели с современной ситуацией в России с позиций вопросов государственного строительства, требующих политического решения для обеспечения стабильного функционирования федеративного государства достаточно очевидны.

Постсоветская Россия пережила «парад суверенитетов» в первое десятилетие постсоветского периода. Институты государственного управления укреплялись постепенно, федеральный центр системно выстраивал иерархию политических и административных структур по всей вертикали власти. Современное российское государство – уже не результат революции, а эволюционно трансформирующийся с начала XXI века политический институт, развивающийся на основе достижения общественного согласия по формам, направлениям и методам социально-экономического и политического развития.

В условиях многопартийности и политической конкуренции, отсутствия явно выраженной национальной идеи, одним из определяющих факторов устойчивого развития, независимого от политической конъюнктуры, может быть равноудаленность государственных органов управления, особенно местных и региональных, от политических партий.

Фактором обеспечения политической стабильности и устойчивости структур государственного управления также становится возвращение в активную российскую политику общественных движений, а также изменения в электоральном законодательстве. Преобладание в политической структуре государства общественных и политических движений, а не политических партий – признак корпоративного (в современной политологии – некорпоративного) политического режима. Остро реагирует на проявления некорпоративных тенденций в России после создания и эффективного участия в социально-политических процессах общественного движения «Народный фронт «За Россию» и легитимации (в политологическом контексте) надпартийного статуса президента В.В. Путина и часть крайне либеральной российской оппозиции:

«Строительство корпоративистского государства по образцу муссолиниевской Италии, заменившее строительство коммунизма, продолжается» [2, с. 10]. Между тем, если не политизировать конъюнктурно анализ политических процессов и сбалансировано оценить этапы и результаты политической борьбы в истории государств Европы, то, кроме безусловно отрицательных и трагичных последствий от практики корпоративных политических режимов в Италии и Испании, можно увидеть следующее: в исторические периоды политических бифуркаций и турбулентности не политические партии, а организованные корпорации различных социальных групп способствовали сплочению гражданского общества для успешного преодоления социально-экономических проблем и сохранения основ демократических режимов в Швеции и послевоенной Германии. Шведская социал-демократия, построила один из самых стабильных демократических политических режимов, используя модель социального партнерства, а не конкуренцию политических партий, модель строительства «народного дома» [5, 6]. Россия и по конституции, и по социально-экономическим и политическим векторам развития целенаправленно движется в русле демократических преобразований. Разделение ветвей власти, многопартийность, последовательная эволюционная реформа избирательного законодательства, упорная работа над повышением роли и независимости судебной власти – очевидные проявления демократических трансформаций. Современная федеративная модель не предполагает «автоматического» права на отделение, политическая партия не может быть стержнем демократического государства и обеспечивать политическую стабильность управления. Успешное восстановление конкурентоспособности и динамичного социально-экономического развития России в глобальной трансформации на пути к новому многополярному мироустройству не получается по «классическим» западноевропейским или англосаксонским парадигмам демократического политического режима. Трансформация политического режима неизбежно должна опираться на собственный национальный опыт государственного управления в многонациональном, многоконфессиональном, иерархически сложносоставном социуме, исторически объективно тяготеющем к моноцентрической политической власти в Российской Федерации, сформированной не на единстве политической идеологии, а на общественном согласии и понимании единства исторической судьбы.

Литература

1. Бердяев, Н.А. Судьба России: Сочинения / Н.А. Бердяев. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 537.
2. Колесников А. Грантояды // Новая газета. 2013. 25 ноября. С. 10.
3. Ленин В.И. К вопросу о национальностях или об «автономизации» // Полн. собр. соч. Т. 45.
4. «Основной закон» (сборник законодательных актов России XI-XX вв.) / Составители: О.А. Смолкин, В.В. Балытников и др. ALONTA GRAPHICS, 2007.

5. Травин Д. Эра благоденствия. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.idelo.ru/222/25/html> (дата обращения 14.10.2015).

6. Шведская модель: дом на обочине // Коммерсантъ.ru "Guide (Швеция)". Приложение, №104/В (3435), 13.06.2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/680326> (дата обращения 14.10.2015).

7. Ortega y Gasset, José. España invertebrada. Barcelona, Espasa libros, S.L.U., 2013.

8. Pelaz López, José-Vidal. El estado de las autonomías. Regionalismos y nacionalismos en la historia contemporánea de España. – Madrid, Editorial ACTAS, s.l., 2002.

9. Tamames, Ramón. ¿A donde vas, Cataluña? Como salir del laberinto independentista. Barcelona, Ediciones Península Atalaya, 2014.

Домрин А.Н. Чрезвычайное и военное положение: особенности советского законодательства и опыт применения¹

Аннотация. В статье анализируется советское законодательство о чрезвычайном и военном положении в период 1936-1991 гг.

Ключевые слова: законодательство, чрезвычайные полномочия, чрезвычайное положение, военное положение.

Domrin A.N. Emergency and martial law: especially Soviet legislation and experience of

Abstract. The article analyzes the Soviet legislation on emergency or martial law in the period of 1936-1991 years.

Key words: legislation, emergency powers, state of emergency, martial law.

Законодательство стран мира предусматривает два принципиально отличных вида особых или исключительных режимов:

– санкционирование введения временного приостановления действия **некоторых**, но не названных статей конституции **в случае возникновения** каких-то чрезвычайных обстоятельств

– либо предварительная, **заранее** установленная регламентация **определенных** – и также временных - ограничений, затрагивающих конституционный статус личности.

Первый вид обеспечивает большую свободу действий органов государственной власти и управления, однако также несёт большой риск злоупотреблений чрезвычайными полномочиями. Второй вид исключительных режимов является более прогрессивным, поскольку заранее определяет **границы** отступ-

¹ Александр Николаевич Домрин, доктор юридических наук, профессор НИУ ВШЭ и МПГУ, г. Москва; kupavna62@gmail.com; alexander-domrin@uiowa.edu.

лений от нормального конституционного режима при наступлении чрезвычайных обстоятельств.

В России традиционно применяется второй способ регулирования правового режима чрезвычайного положения (ЧП), включая Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г. [Подробнее см., например: Alexander Domrin. A Lost War on Terror: Forgotten Lessons of the Russian Empire // Michigan State Journal of International Law, Vol. 19, No.1, 2010.], постановление ВЦИК и СТО «О местностях, объявленных на военном положении» от 4 ноября 1920 г. [Декреты Советской власти. В 13 т. / Под ред. Д.И. Антонюк, Ю.А. Ахапкин и др. М., 1983. Т. II. С. 172], Положение о чрезвычайных мерах охраны революционного порядка, утвержденное постановлением ВЦИК и СТО СССР 3 апреля 1925 г. [СЗ СССР. 1925. № 25. Ст. 167] и др.

До 1990-х годов ни в Советском Союзе, ни в союзных республиках, включая РСФСР, не существовало парламентского законодательства, направленного на борьбу с «чрезвычайными ситуациями», например, такими, которые возникают в результате беспорядков или стихийных бедствий.

Конституция СССР 1977 года не содержала каких-либо положений, посвященных «чрезвычайному положению». Однако она содержала нормы, регламентирующие введение двух других особых режимов: «состояния войны» и «военного положения». Вопросы войны и мира, в том числе право объявления войны, были отнесены к исключительному ведению союзных властей (ст. 73 (8)). Более конкретно, это было исключительной прерогативой Верховного Совета СССР. В качестве альтернативы, «в период между сессиями Верховного Совета СССР» статья 121 (17) предусматривала возможность объявления «состояния войны» постоянно действующим Президиумом Верховного Совета СССР. Объявление «состояния войны» было возможно «в случае военного нападения на СССР» или если оно требовалось для «выполнения международных договорных обязательств по взаимной обороне от агрессии». [В результате принятия конституционных поправок 1988 года нормы, регламентирующие право Верховного Совета СССР на введение состояния войны («определяет основные мероприятия в области обороны и обеспечения государственной безопасности; объявляет общую или частичную мобилизацию; объявляет состояние войны в случае военного нападения на СССР или в случае необходимости выполнения международных договорных обязательств по взаимной обороне от агрессии») были перенесены в ст. 113 (13), а соответствующие полномочия Президиума ВС СССР в период между сессиями ВС СССР – в ст. 119 (13)].

Помимо «состояния войны», Президиум Верховного Совета СССР обладал правом вводить режим «военного положения» отдельных местностях или по всей стране, когда того требуют «интересы защиты СССР» (ст. 121 (15)).

Аналогичные положения содержались в предыдущей Конституции СССР 1936 года: ст. 14 (б); ст. 49 (н); ст. 49 (т), соответственно.

Общие правила, регламентирующие данный правовой режим, содержались в указе Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года «О военном положении» [см.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1941, №. 29;

Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. - июль 1956 г. / Под ред. Мандельштам Ю. И. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. С. 213-215. Также см.: Постановление Совета народных комиссаров СССР от 1 июля 1941 г. «О расширении прав народных комиссаров СССР в условиях военного положения». В соответствии с Постановлением наркомы получали широкие полномочия в сфере своей деятельности. Они могли по своему усмотрению распределять и перераспределять ресурсы наркоматов между отдельными предприятиями, перераспределять капиталовложения, допускать отступления от утвержденных планов и смет, разрешать пуск в эксплуатацию недостроенных предприятий и т.д. (Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М.: Политиздат, 1968. Т. 3. С. 40-41).

В соответствии с указом, военное положение объявлялось в отдельных местностях или по всему СССР «в интересах обороны СССР и для обеспечения общественного порядка и государственной безопасности» (ст.1). В местностях, объявленных на военном положении, «все (!) функции органов государственной власти в области обороны, обеспечение общественного порядка и государственной безопасности принадлежат военным советам», а там где их нет - высшему командованию соединений (ст.2).

В местностях, объявленных на военном положении, военным властям предоставлялось право:

- привлекать граждан к трудовой повинности (ст.3 (а));
- устанавливать военно-квартирную обязанность для расквартирования воинских частей (ст.3 (б));
- объявлять трудовую и автогужевую повинность (ст.3 (в));
- производить изъятие транспортных средств и «иного необходимого для нужд обороны имущества» как у предприятий и организаций, так и у отдельных граждан (ст.3 (г));
- регулировать время работы учреждений и предприятий; организацию всякого рода собраний и шествий; вводить комендантский час; производить обыски и задержание «подозрительных лиц» (ст.3 (д));
- регулировать торговлю и коммунальных предприятий; устанавливать нормы отпуска населению продовольственных и промышленных товаров (ст.3 (е));
- воспрещать въезд и выезд в местности, объявленные на военном положении (ст.3 (ж));
- выселять в административном порядке «лиц, признанных социально опасными как по своей преступной деятельности, так и по связям с преступной средой» (ст.3 (з)).

За неподчинение распоряжениям и приказам военных властей, а также за преступления, совершенные в местностях, объявленных на военном положении, виновные подлежали уголовной ответственности «по законам военного времени» (ст.6).

Указ от 22 июня 1941 года передавал «все дела о преступлениях, направленных против обороны, общественного порядка и государственной безопасности» (включая дела об охране общественной собственности; все дела о преступлениях, совершенных военнослужащими; о разбое; об умышленных убийствах; об уклонении от исполнения всеобщей воинской обязанности и о сопротивлении представителям власти; о хищении оружия и его незаконном обороте, а также «дел о спекуляции, злостном хулиганстве и иных преступлениях...», если командование признает это необходимым по обстоятельствам военного положения» на рассмотрение военных трибуналов (ст.7) и утверждал «Положение о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий» (ст.8).

Действие указа распространялось не только на местности, объявленные на военном положении, но и на местности, где «в силу чрезвычайных обстоятельств» отсутствовал местные органы государственной власти и управления (ст.10).

Согласно «Положению о военных трибуналах», они формировались в составе трех человек (ст.12). Им предоставлялось право рассматривать дела по истечении 24 часов после вручения обвинительного заключения (ст.11). Приговоры трибуналов обжалованию не подлежали и могли быть отменены или изменены лишь в порядке надзора (ст.14). Однако о каждом приговоре, присуждающем к высшей мере наказания (т.е. расстрелу), военный трибунал должен был немедленно сообщать по телеграфу вышестоящим инстанциям - Председателю Военной Коллегии Верховного Суда СССР, Главному Военному Прокурору Красной Армии или Главному Прокурору ВМФ – и те могли в течение 72 часов с момента вручения телеграммы приостановить приговор (ст.16).

В 1943 году было объявлено военное положение на железнодорожном, речном и морском транспорте. Работники транспорта объявлялись мобилизованными до конца войны.

Советское законодательство предусматривало введение еще одного особого правового режима – осадного положения, которое можно рассматривать как более жесткую форму военного положения и которое вводилось в случае угрозы захвата территории противником.

19 октября 1941 года Государственный Комитет Обороны – «в целях тылового обеспечения обороны Москвы и укрепления тыла войск, защищающих Москву, а также в целях пресечения подрывной деятельности шпионов, диверсантов и других агентов немецкого фашизма» - принял постановление «О введении осадного положения в г. Москве». Осадное положение вводилось с 20 октября 1941 г. не только в Москве, но и в «прилегающих к городу районах» (ст.1).

Данный особый правовой режим предусматривал ограничение «всякого уличного движения, как отдельных лиц, так и транспорта» с полуночи до 5 ча-

сов утра (ст.2). Охрана «строжайшего порядка» в городе и пригородных районах была возложена на коменданта г. Москвы, для чего в его распоряжение предоставлялись «войска внутренней охраны НКВД, милиция и добровольческие рабочие отряды» (ст.3).

Постановление предусматривало жесткие – но вполне оправданные в тот момент и адекватные остроте ситуации – санкции: «нарушители порядка» должны были «немедля привлекаться к ответственности с передачей суду Военного трибунала», а «провокаторы, шпионы и прочие агенты врага, призывающие к нарушению порядка», расстреливались «на месте». ГКО призвал всех трудящихся столицы «соблюдать порядок и спокойствие и оказывать Красной Армии, обороняющей Москву, всяческое содействие» [см.: Коммунистическая партия в период Великой Отечественной войны (июнь 1941 г.- 1945 г.). Документы и материалы. М.: Госполитиздат, 1961. С. 97-98].

Впоследствии режим осадного положения вводился в ряде других регионов страны. Так, уже через 10 дней после Москвы – 29 октября 1941 года – осадное положение было введено в Севастополе. Приказом Военного совета фронта в полночь 25 августа 1942 г. осадное положение было введено в Сталинграде. Постановление Городского комитета обороны, также принятое в ночь с 24 на 25 августа 1942 г., предполагало «лиц, занимающихся мародерством и грабежами, расстреливать на месте преступления без суда и следствия», а всех других злостных нарушителей общественного порядка и безопасности в городе немедленно предавать суду военного трибунала.

По приказу Наркома обороны СССР И.В. Сталина № 227 от 28 июля 1942 г. «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций» (более известного как приказ «Ни шагу назад!») в армиях были сформированы по 3-5 заградительных отрядов на армию. Вопреки мифологизированным представлениям, заградотряды не имели какого-либо отношения к НКВД, а состояли из бойцов и командиров Красной армии. «Они несли службу на постах и в патрулях, при этом основным видом их деятельности были не мероприятия карательного характера, а выполнение задач по поддержанию порядка и пресечению необоснованного передвижения военнослужащих в ближнем тылу» [см.: Ковыршин Е.В. К вопросу о заградительных отрядах в Красной Армии // Военно-исторический журнал. 2008, № 4. С. 28-29].

Заградительные отряды «ставились в тылу неустойчивых дивизий и обязаны были в случае паники и беспорядочного отхода расстреливать на месте паникеров и трусов. В публицистике последних лет эта мера представлена как неоправданная жестокость, хотя сведений о расстрелах заградотрядами не приводилось. На деле это была мера психологического воздействия. Она была введена после того, как опыт первого года войны показал, что самые большие потери войска несли в случае паники и беспорядочного отхода» [см.: Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Книга 1. Советская цивилизация: от начала до Великой Победы. М.: Алгоритм, 2001 (цит. по URL: http://www.patriotica.ru/books/sov_civ1/s1-13.html)].

По мнению доктора исторических наук, профессора Ю.В. Рубцова, некоторые авторы допускают ошибку, однозначно оценивая приказ № 227 как «проявление крайней жестокости сталинского режима. Нередко они судят о том времени с позиции сегодняшнего дня. Но можно ли при этом игнорировать многоликость тогдашнего политического режима, характер взаимоотношений власти и народа, особенности законодательства 40-х годов, специфику военного времени, законы и порядки которого всегда более суровы в любой стране, неважно – тоталитарной или демократической? Можно ли, наконец, не учитывать конкретную ситуацию, сложившуюся во второй половине 1942 года на советско-германском фронте?» [Рубцов Ю.В. Приказ № 227: ни шагу назад! // НГ. Независимое военное обозрение, 27.07.2012].

Указ Президиума ВС СССР от 22 июня 1941 года «О военном положении» не был автоматически отменен с победой Советского Союза в Великой Отечественной войне. Он был частично заменён последующим законодательством, в частности, Законом СССР от 25 декабря 1958 г. «Об утверждении положения о военных трибуналах».

Конституционные поправки от 1 декабря 1988 года расширили основания для введения военного положения и включили норму не только о необходимости обеспечения «интересов защиты СССР», но и «безопасности его граждан». Также было добавлено требование, что Президиум Верховного Совета СССР - и впоследствии президент СССР - должны были предварительно обратиться к Президиуму Верховного Совета соответствующей союзной республики. [В результате принятия конституционных поправок 1988 года расширенные и пересмотренные нормы, регламентирующие право Верховного Совета СССР на введение военного положения, были перенесены из ст. 121 (15) в ст. 119 (14), а после изменений 1989-1990 гг. – в новую ст. 127 (3) (16) теперь уже как «полномочия президента»]. На практике эти нормы никогда не были применены.

Новый особый правовой режим – «чрезвычайное положение» (ст. 119 (14)) – стал новеллой конституционного права СССР в результате наиболее фундаментальной конституционной реформы в период перестройки.

Та же самая норма также предусматривала возможность введения других «особых форм управления, осуществляемого государственными органами Союза ССР и союзных республик», что можно рассматривать как прообраз конституционного института федеральной интервенции или федерального вмешательства в дела субъектов федерации.

Закон СССР «О внесении изменений и дополнений в Конституцию СССР (Основного Закона)» от 1 декабря 1988 года изменил около трети всего текста Конституции СССР, включая введение постоянно действующего органа законодательной власти [см.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1988, № 49, ст. 727]. Создание конституционного механизма чрезвычайного положения стало неотъемлемой частью этих реформ. Аналогичные изменения были внесены в конституции союзных республик, в том числе в Конституцию РСФСР 1978 года. В результате этой радикальной реформы в декабре 1988 года и последующих изменений, Конституция СССР (как и Конституция России), по сути, перестала быть «брежневской конституцией».

26 декабря 1990 года – т.е. ровно за год до распада Советского Союза – был принят закон СССР №. 1861-1 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР в связи с совершенствованием системы государственного управления». В результате новых конституционных поправок в СССР вводился институт президентства (в РСФСР это произойдет в 1991 году). За Верховным Советом СССР сохранялось право:

- определять «основные мероприятия в области обороны и обеспечения государственной безопасности»;
- вводить военное или чрезвычайное положение «по всей стране»;
- объявлять состояние войны в случае необходимости выполнения международных договорных обязательств по взаимной обороне от агрессии (ст. 113 (13));
- принимать решение об использовании контингентов Вооруженных Сил СССР «при необходимости выполнения международных договорных обязательств по поддержанию мира и безопасности» (ст. 113 (14)).

Полномочия высшего органа законодательной власти в области введения исключительных правовых режимов не были абсолютными и были разделены с соответствующими полномочиями президента.

Согласно ст. 123.3 (14), президенту, как главе СССР, предоставлялось право:

- объявлять общую или частичную мобилизацию;
- объявлять состояние войны «в случае военного нападения на СССР», после чего он должен был «незамедлительно» внести этот вопрос на рассмотрение Верховного Совета СССР;
- объявлять «в интересах защиты СССР и безопасности его граждан военное положение в отдельных местностях».

Следующий пункт касался институтов чрезвычайного положения и временного президентского правления. Более конкретно, президенту предоставлялось право:

- «в интересах обеспечения безопасности граждан СССР» **предупредить** об объявлении ЧП в отдельных местностях, а «при необходимости» и **вводить** его «по просьбе или с согласия» Президиума Верховного Совета или высшего органа государственной власти соответствующей союзной республики;
- при отсутствии такого согласия **вводить** ЧП с «незамедлительным» внесением принятого решения на «утверждение» Верховного Совета СССР; соответствующее постановление ВС СССР могло быть принятым абсолютным большинством голосов, т.е. двумя третями от общего числа его членов;

- **вводить** временное президентское правление «при соблюдении суверенитета и территориальной целостности союзной республики» (ст. 123.3 (15)).

Указанные нормы были отсылочными: порядок введения и режим военного положения, а также режимы ЧП и президентского правления должны были регулироваться отдельными законами.

Закон СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» №. 1407-1 был принят Верховным Советом СССР 3 апреля 1990 года [см.: Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР, 1990, №. 15, ст. 250].

Согласно статье 1 закона, режим ЧП мог быть введен «в интересах обеспечения безопасности граждан СССР» в двух случаях:

- при «стихийных бедствиях, крупных авариях или катастрофах, эпидемиях, эпизоотиях»;
- при «массовых беспорядках».

Судя уже по первой статье закона, очевидно, что советские законодатели спутали разные особые режимы: «чрезвычайной ситуации» и собственно «чрезвычайного положения».

По иронии, в августе 1991 года закон был применен против инициатора его принятия - президента СССР Михаила Горбачева – при создании неконституционного Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП) во главе с Вице-президентом СССР Геннадием Янаевым и введении ЧП в Москве и «отдельных местностях» страны на срок 6 месяцев [подробнее см.: ГКЧП СССР. Сборник опубликованных документов (август 1991 года). М.: Самиздат, 2011. Различная интерпретация событий августа 1991 года содержится, в частности, в следующих источниках: Горбачев М.С. Августовский путч. Причины и следствия. М.: Новости, 1991; Уроки августа 1991 года. Народ и власть. М.: Юридическая литература, 1994; Лебедь А. Спектакль назывался путч // Литературная Россия. 1993. № 34-36; Шенин О., Крючков В., Варенников В. Процесс по делу ГКЧП. Махачкала: «Голос правды», 1995].

Тем не менее, сам факт принятия отдельного законодательного акта, регламентирующего чрезвычайные полномочия и режим ЧП, являлся прогрессивной мерой на пути движения СССР к правовому государству.

Подобно тому, как введение института президента в СССР создало прецедент и привело к введению института президента в РСФСР, за принятием закона СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» 17 мая 1991 года последовало принятие закона № 1253-1 «О чрезвычайном положении» в крупнейшей советской республике [см.: Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР, 1991, № 22, ст. 773]. Эксперты американского «Комитета юристов за права человека» (теперь он называется “Human Rights First”) признали, что «подобно многим другим законам», принятым российским парламентом в 1990-1993 гг., закон «О чрезвычайном положении» «основывался (relied heavily) на международных нормах о правах человека и, в частности,

на Международной конвенции о гражданских и политических правах» [Human Rights and Legal Reform in the Russian Federation. New York: Lawyers Committee for Human Rights, March 1993, pp. 80-81].

Символично, что проект российского закона был подготовлен парламентским Комитетом по правам человека, а не Комитетом обороны и безопасности, КГБ или МВД.

Кратко сравним закон СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» 1990 года и его российский аналог, принятый в 1991 году.

Статья 1 союзного закона определяла **цель** введения режима ЧП «скорейшую нормализацию обстановки, восстановление законности и правопорядка». Другими словами, следуя букве закона, единственными и исключительными целями объявления ЧП в стране могли быть не сохранение государства или конституционного порядка (либо восстановление такого порядка), а «нормализация» некоей абстрактной «обстановки» или «восстановление законности и правопорядка».

Вряд ли сильной стороной статьи 1 закона являлось отсутствие в ней упоминания возможности введения ЧП в случае «**неминуемой угрозы**» (или «неизбежной опасности») «обстановке», законности и правопорядку.

По контрасту, согласно статье 56 Конституции Российской Федерации 1993 года, ЧП может быть введено «для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя». Данная норма, несомненно, является шагом вперед по сравнению с советским законодательством 1990 года. Однако в статье 56 также отсутствует упоминание возможности введения ЧП не только при наступлении чрезвычайных обстоятельств, но и в случае неминуемой угрозы наступления таких обстоятельств.

На первый взгляд, статья 2 закона СССР компенсировала неопределенность и двусмысленность норм, содержащихся в статье 1 закона. Однако данный аргумент был бы более весомым в том случае, если бы в стране в то время существовало реальное разделение властей. На самом деле, в 1990 году вряд ли можно было говорить о том, что Верховный Совет СССР был действительно «независим» от президента Горбачева.

Согласно статье 3 закона, при введении ЧП указываются

- «мотивы принятия такого решения,
- срок и
- территориальные границы его действия».

Органы, наделенные правом введения ЧП, были весьма разнообразны:

- Верховный Совет СССР,
- Президент СССР,
- Верховный Совет союзных республик,
- Верховный Совет автономных республик.

По контрасту, согласно российскому закону, ЧП (на всей территории РСФСР или в отдельных ее местностях) могло быть введено только указами

- Президента РСФСР или
- Президиума Верховного Совета РСФСР

с «немедленным» уведомлением друг друга (ст. 5).

Закон устанавливал механизм сдержек и противовесов.

При введении ЧП указом президента России такой указ подлежал «немедленной» передаче на утверждение Верховного Совета РСФСР, который должен был рассмотреть его в срок, не превышающий 24 часов.

В период между сессиями ВС РСФСР одновременно с решением о введении чрезвычайного положения Президиум ВС РСФСР принимал решение о созыве внеочередной сессии ВС РСФСР, на которой ВС рассматривает указ о введении ЧП в срок, не превышающий 72 часов с момента его принятия.

При объявлении в СМИ о введении ЧП народные депутаты - члены ВС РСФСР были обязаны прибыть к месту заседаний ВС РСФСР в «возможно короткие сроки без специального вызова» (ст. 11).

Указ президента о введении ЧП, не утвержденный постановлением ВС РСФСР в порядке и сроки, установленные статьей 11, автоматически утрачивал силу (ст. 12).

Закон устанавливал максимальные временные пределы действия режима ЧП:

- 30 дней при его введении на всей территории РСФСР или
- 60 дней при его введении на части территории России.

По истечении этого срока ЧП могло быть продлено на такой же срок постановлением ВС РСФСР.

Срок действия чрезвычайного положения, вводимого указом Президиума Верховного Совета республики, входящей в состав РСФСР, не мог превышать 60 дней, но мог быть продлен постановлением ВС этой республики (ст.13).

Начавшаяся в Советском Союзе «война суверенитетов» отразилась и на российском законе 1991 года, согласно которому ЧП на всей территории РСФСР или её части могло быть введено Президентом СССР только «с согласия» Верховного Совета РСФСР.

Не будет преувеличением назвать российский закон 1991 года одним из наиболее либеральных аналогичных актов в мире. Закон содержал нормы, являющиеся гарантией против возможного злоупотребления чрезвычайными полномочиями какой-либо ветви власти, особенно в случае столкновения между ними. Неудивительно, что чрезвычайный режим сентября-октября 1993 года, включающий роспуск высшего органа законодательной власти, приостановлении работы Конституционного суда и частичной отмены норм Конституции РФ, был введен президентом Ельциным не в соответствии с законом 1991 года, а в его нарушение.

Литература

- Ведомости Верховного Совета СССР, 1941, № 29.
- Ведомости Верховного Совета СССР, 1988, № 49, ст. 727.
- Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР, 1990, № 15, ст. 250.
- Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР, 1991, № 22, ст. 773.
- ГКЧП СССР. Сборник опубликованных документов (август 1991 года). М.: Самиздат, 2011.
- Горбачев М.С. Августовский путч. Причины и следствия. М.: Новости, 1991.
- Декреты Советской власти: В 13 т. / Под ред. Д. И. Антонюк, Ю. А. Ахалкин и др. М., 1983.
- Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Книга 1. «Советская цивилизация: от начала до Великой Победы». М.: Алгоритм, 2001.
- Ковыршин Е.В. К вопросу о заградительных отрядах в Красной Армии // Военно-исторический журнал. 2008, № 4.
- Коммунистическая партия в период Великой Отечественной войны (июнь 1941 г.- 1945 г.). Документы и материалы. М.: Госполитиздат, 1961.
- Лебедь А. Спектакль назывался путч // Литературная Россия. 1993, № 34-36.
- Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М.: Политиздат, 1968.
- Рубцов Ю.В. Приказ № 227: ни шагу назад! // НГ. Независимое военное обозрение, 27.07.2012.
- Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. / Под ред. Мандельштам Ю. И. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956.
- СЗ СССР. 1925. № 25. Ст. 167.
- Уроки августа 1991 года. Народ и власть. М.: Юридическая литература, 1994.
- Шенин О., Крючков В., Варенников В. Процесс по делу ГКЧП. Махачкала: «Голос правды», 1995.
- Alexander Domrin. A Lost War on Terror: Forgotten Lessons of the Russian Empire // Michigan State Journal of International Law, Vol. 19, No.1, 2010.
- Human Rights and Legal Reform in the Russian Federation. New York: Lawyers Committee for Human Rights, March 1993.

Ермишина Н.Д., Лопарёв А.В. Распад СССР как геополитическая катастрофа¹

Аннотация. В статье рассматривается геополитическая ситуация в конце XX века и особенности положения России на пересечении цивилизационно-культурных потоков. Распад СССР воспринимается как катастрофа мирового масштаба, что привело к необходимости поиска новой геополитической идентичности России. Распад Советского Союза послужил причиной возникновения очагов напряжённости, породил трансформационные геополитические вызовы, требующие поиска адекватных ответов.

Ключевые слова: геополитика, геоцивилизация, супердержава, интеграция, геополитический вызов, Евразия, очаг напряжённости.

Yermishina N.D., Loparev A.V. The collapse of the USSR as a geopolitical catastrophe

Abstract: the article considers the geopolitical situation in the late twentieth century and the specific situation of Russia at the intersection of civilizational and cultural flows. The collapse of the USSR is perceived as a global catastrophe that led to the necessity of searching for a new geopolitical identity of Russia. The collapse of the Soviet Union caused the emergence of hotbeds of tension, has created transformational geopolitical challenges that require adequate responses.

Key words: geopolitics, geocivilizational, superpower, integration, geopolitical challenge, Eurasia, the hotbed of tension.

Россия испокон веков, начиная со становления Руси, имела особое географическое и геополитическое положение. Её природные ресурсы, творческий потенциал всегда вызывали интерес и неоднозначное отношение как среди соседних государств, так и в мировом масштабе.

Наша страна является великой российской геоцивилизацией - многонациональной и многоконфессиональной общностью народов, на протяжении ряда веков связанных единой исторической судьбой. Россия – центр пересечения, средоточие нескольких цивилизационно-культурных потоков, она расположена на стыке различных локальных цивилизаций. Соседями нашей страны являются государства, входящие в разные геоцивилизации. На западе – это западная и православная цивилизации. На юге – исламская цивилизация. На востоке – конфуцианско-буддистская и японская цивилизации. Ни одна другая страна в мире не граничит с таким количеством геоцивилизаций.

Геополитическую значимость России не раз отмечали классики геополитики, такие, как Х. Макиндер, К. Хаусхофер, Н.Я. Данилевский и др. Данное

¹ **Ермишина Надежда Дмитриевна**, кандидат исторических наук, профессор, кафедра истории и культурологии Национального исследовательского университета «МЭИ», г. Москва; nad-er@eandex.ru; **Лопарёв Анатолий Васильевич**, кандидат философских наук, доцент, кафедра государственного управления и политических технологий Государственного университета управления, г. Электрогорск; aloparev@eandex.ru.

обстоятельство объясняется тем, что Россия, располагаясь в центре Евразии, согласно многим концепциям, занимает срединное, оно же центральное, место на геополитической карте мира, контроль над которым является предметом вожделения на протяжении вот уже многих веков человеческой истории.

Евразийское положение России (а один из главных постулатов классической геополитики – «кто владеет Евразией, тот контролирует весь мир») имеет как позитивные, так и негативные следствия.

Основной причиной возникновения вопроса об определении места России является давнишнее противопоставление Востока и Запада как различных цивилизационных типов. Вполне допустимо, что подобное противопоставление является чисто искусственным, сформулированным для удобства исследований. В каждой науке есть свои условные категории, которые помогают анализировать определенное явление. Таким образом, разделение цивилизаций на западные и восточные дает возможность выделить схожие черты, а также выявить особенности.

Местонахождение России на границе Восточного и Западного миров всегда привлекало внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей. Западноевропейские ученые считали нашу страну, находящейся на восточной границе их мира. Другая точка зрения на место России в геополитике – Россия занимает не окраинное место на востоке Европы, или на западе Азии, а центральное в мире. Правомерно рассуждать: если Россия расположена и в географическом, и в политическом, и в цивилизационном смысле на границе между Западом и Востоком, то есть на стыке цивилизационных потоков, то значит это не окраина, а центр. Этот центр объединяет различные цивилизационные потоки [2, с. 215-216]. От такого взгляда судьба России не становится проще и понятнее. Быть в центре потоков гораздо сложнее и опаснее, чем на периферии. Согласно воззрениям Х. Макиндера, Россия располагается в «осевом регионе» Земли, занимая в нем «центральное стратегическое положение... она может наносить и одновременно получать удары со всех направлений».

Такое понятие в русской цивилизации как бинарность, обусловлена самими географическими условиями формирования русского государства. Русская культура не представляет собой простой синтез западных и восточных черт. Эти черты не только могут органично сливаться, дополнять друг друга, но и существовать одновременно, противореча друг другу [4, с. 252-254]. Два начала – восточное и западное – всегда боролись в русской культуре. Это является одной из причин особенности российской культуры, менталитета русского народа. Но в то же время, это всегда являлось сдерживающим фактором в геополитике. Россия как бы находилась на границе между двумя чашами весов. Она принимала на себя удары и с Востока, и с Запада и гасила их. И каждый раз, когда эта сверхдержава распадалась, это грозило геополитической катастрофой. Так было в начале XVII века, в так называемое смутное время, когда практически перестала существовать та страна, которую создал Иван IV, присоединив к России Казань, Астрахань, Сибирь. Так было в 1917 году, когда была разрушена Российская империя.

В XX веке был взят новый высокий геополитический рубеж – страна, Советский Союз (государственное образование многих народов, объединившихся вокруг России) снова стал супердержавой, глобальным геополитическим центром силы - одним из двух (наряду с США), ставших столпами биполярной модели мирового устройства. Такое положение вещей продолжалось почти полвека.

Однако события последних десятилетий кардинально изменили геополитическое значение России в мировой политике, ее геополитический статус. Россия из сверхдержавы - одного из двух полюсов биполярной международной системы – превратилась в государство второго плана, если не учитывать ее ракетно-ядерный потенциал и геополитическое положение. Сократилась территория России, произошло смещение западных границ на восток. Россия осталась почти без военно-стратегических союзников. Вслед за роспуском ОВД, блок НАТО не только не был распущен, но и увеличил свой боевой потенциал за счет государств Центральной и Восточной Европы, всё более расширяясь на Восток.

Распад СССР поставил нелёгкую задачу поиска геополитической идентичности перед остальными бывшими советскими республиками, многие из которых никогда ранее не были независимыми государствами, либо были недолгое время. Наиболее привлекательным путем представляется интеграция в уже существующие структуры, такие как Евросоюз или НАТО (что в силу объективных причин, как географических, так и социально-экономических, возможно далеко не для всех этих стран), или же откровенная ориентация на Соединенные Штаты. Альтернативными вариантами являются реинтеграция с Россией или создание самостоятельных субрегиональных объединений. Новые независимые государства сталкиваются с необходимостью решать актуальные проблемы, связанные с государственным строительством и укреплением национальной безопасности (внешней и внутренней), развитием национальных экономик и интеграцией в мировой рынок. Несовпадение государственных границ с реальным расселением народов служит причиной межгосударственных и внутренних этнорелигиозных конфликтов.

Распад СССР как сверхдержавы стал катастрофой мирового масштаба. Это обусловлено рядом причин.

Во-первых, геополитическое положение России между Западным и Восточным мирами (причем не только по собственно географическому положению, но и по вектору политического развития) привело к росту очагов напряжения, увеличению «дуги нестабильности», пролегающей, как представляется, в Центральной Азии, на Ближнем Востоке, и в Восточной Европе.

Во-вторых, Советский Союз был мощной скрепой для входивших в его состав национальных республик и их элит, не допуская межэтнических конфликтов. При ослаблении центральной власти Союза и после его распада многие из существовавших в латентной фазе конфликтов были «разморожены».

В-третьих, существование СССР обеспечивало два полюса мировой политики, что делало мировой порядок более уравновешенным. В 90-е годы и в первые годы XXI века Соединенные Штаты доминировали в мире как сверх-

держава. По сути, существовал однополярный мир. Это негативно сказывалось на международных отношениях, поскольку такой порядок вещей делал возможным открытое давление США на страны «третьего мира» и не только. Данное положение дел привело к целой череде геополитических катастроф: распад Югославии, война в Ираке, «арабская весна» в ряде стран Ближнего Востока и Северной Африки, а потом – и в Украине.

Таким образом, подводя итог, уместно отметить, что миро-системные изменения последнего времени породили трансформационные геополитические вызовы, оказывающие значительное влияние на существование и развитие России. Эти вызовы требуют неотложных и адекватных ответов, содержание, быстрое действие и эффективность которых обусловят последующее геополитическое положение страны, ее будущий геополитический статус.

Проблема России и Запада это не устранимый невротический конфликт между реальной действительностью и мифом, между навязчивыми идеями укрыться в прошлом и необходимостью модернизации будущего.

Таким образом, геополитические позиции современной России гораздо менее прочны по сравнению с советской эпохой. Однако российское государство сохранило свой суверенитет, статус великой державы и остается одним из ключевых игроков современной мировой геополитики. Деструктивные последствия распада СССР Россия преодолевает только сейчас, становясь новым центром интеграции как для стран постсоветского пространства, так и для Азиатско-тихоокеанского региона, стран БРИКС и т.д.

Литература

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Delibri, 2015.
2. Ермишина Н.Д., Лопарёв А.В. Современная Россия и проблемы межэтнических отношений // Инновационное развитие социально-экономических систем: условия, результаты и возможности. Материалы III международной научно-практической конференции. 2015. С. 22.
3. Ермишина Н.Д., Лопарёв А.В. Развитие русского национального характера в геополитических, культурных и идеологических условиях // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2013. № 20. С. 213-218.
4. Ермишина Н.Д. Михайлов А.Н. Культурология. Учебное пособие для студентов МЭИ (ТУ). (2-е изд., перераб. и доп.). М., 2009.
5. Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997.
6. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1.

Кочетков А.П. Советское общество как альтернативный проект мирового общественного развития¹

Аннотация. В статье рассматривается историческое значение советского общества, как альтернативного проекта мирового общественного развития. Как показывает настоящее исследование, несмотря на привлекательность и прогрессивность многих положений данного проекта, по мнению автора, он не был осуществлен не только в силу ряда субъективных просчетов советского политического руководства, но и из-за ошибочных оценок генезиса мирового социума.

Ключевые слова: советское общество, советский проект, государство, экономика, социальная защита, номенклатура, централизация, производительность труда, система государственного управления, распределение материальных благ.

Kochetkov A.P. Soviet society as the alternative project of global social development

Abstract. The article considered the historical significance of Soviet society, as the alternative project of global social development. As the present study illustrates, despite the attractiveness and progressiveness of many of the provisions of this project, according to the author, it was not implemented is not only due to a number of subjective miscalculations of the Soviet political leadership, but also because of erroneous assessments of the genesis of world society.

Keywords: soviet society, the soviet project, the state, economy, social protection, nomenclature, centralization, productivity, public administration system, the distribution of wealth.

Сегодня оценки советского общества носят порой диаметрально противоположный характер: от полного отрицания его значения в мировой истории, как аномального исторического зигзага до исключительно позитивного взгляда на период существования СССР, как общества реальной социальной справедливости. Совершенно ясно одно: советское общество было попыткой осуществить альтернативный проект мирового общественного развития.

Какие основные черты данного проекта? В экономической сфере он базировался не на частной, как в странах капиталистической системы, а на общественной собственности на средства производства в двух формах: государственной и коллективной (колхозно-кооперативной). В СССР экономика развивалась в условиях централизованного планового управления, которое охватывало все отрасли народного хозяйства, что давало возможность избегать кризисов перепроизводства, а, следовательно, экономических кризисов в целом, как это было в капиталистическом мире. Данное обстоятельство в большей степени гарантировало экономическую стабильность советской системы по сравнению со странами Запада [13, 15].

¹ Кочетков Александр Павлович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры российской политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Адрес: 119501, Москва; arkoch@mail.ru.

Являясь монополистом во владении средствами производства и получаемой прибыли советское государство действовало как социальное при распределении заработанного. В СССР удалось создать мощную систему социальной защиты населения (отсутствие безработицы, бесплатная медицина, образование, жилье, широкую систему отдыха, во многом датируемую через общественные фонды потребления и т.д.). Право граждан на социальное обеспечение было закреплено Конституцией СССР. Советские социальные программы опережали западные аналоги по стандартам образования, здравоохранения, вообще социального обеспечения, которое охватывало сферу помощи заболевшим, нетрудоспособным и престарелым, семьям и детям. Например, гарантированная социальная пенсия для всех граждан впервые в мире появилась именно в СССР [2, 4, 14].

Общественные фонды потребления располагали огромными средствами за счет гарантированного государственного социального страхования, дополнительные ассигнования государства и отчисления колхозов. Это давало возможность формирования не имевшей аналогов в мире развитой системы социальных гарантий, основными видами которого являлись:

- обеспечение рабочих, служащих, колхозников различными видами пособий (по временной нетрудоспособности, женщин пособиями по беременности и родам и т. д.);
- пенсионное обеспечение инвалидов, престарелых, а также семей, потерявших кормильца;
- содержание и обслуживание инвалидов и престарелых в специально созданных домах-интернатах;
- профессиональное обучение инвалидов и предоставление им сильной по состоянию здоровья работы; обеспечение их протезами, ортопедическими изделиями, колясками, в том числе моторными, а инвалидов войны — также автомобилями с ручным управлением.

Одним из видов социального обеспечения стало также предоставление многодетным и одиноким матерям ежемесячных и единовременных пособий. И многое другое [4, 14].

В СССР были провозглашены принципы равенства и свободы от эксплуатации человека человеком, как фундамент нового общества [1, 8].

Советский проект предусматривал переустройство мира на основе социальной эгалитаризма, формировании нового типа человека, для которого труд был социальной потребностью, осуществлялся на благо всего общества, а всеобщее равенство и дружба между народами (интернационализм) были неотъемлемой частью жизни советского социума [13].

В СССР в отличие от колониальных империй не было эксплуатации национальных окраин. Наоборот, на их развитие предоставлялись основные ресурсы союзного государства, несмотря на то, что только РСФСР и Белоруссия производили больше, чем потребляли [15]. Вместе с тем, в СССР сложилась парадоксальная ситуация, когда государствообразующий русский народ в соот-

ветствии с национально-территориальным делением страны не имел своей государственности, компартии, Академии наук и т.д.

Советское общество оказывало серьезное влияние на социальное развитие мировой капиталистической системы. Под его влиянием, во многом боясь социальных потрясений, правящая западная элита вынуждена была реализовать модель социального государства, которая довольно быстро стала демонтироваться на Западе после краха советского общества.

СССР благодаря своей военной мощи во многом сдерживал агрессивные устремления западных держав. В советский период невозможны были бы события, произошедшие на территории бывшей Югославии, Ливии, Ирака. С исчезновением советского центра силы США открыто перешли к политике установления своего гегемонизма в современном мире [17].

Почему же во многом столь привлекательный и прогрессивный, на первый взгляд, проект мирового общественного развития не был реализован? Многие сторонники СССР объясняют это происками капиталистического Запада. Слов нет, за весь период существования советского общества страны капиталистического Запада вели против него разностороннюю подрывную работу, на которую затрачивались огромные средства и силы. Однако в крахе советского общества, на наш взгляд, решающую роль сыграли не внешние причины, а объективные и субъективные внутренние факторы.

Прежде всего, советский проект имел серьезные теоретические изъяны. Экономической «клеткой» капиталистического общества была, как известно, была формула «товар-деньги-товар». Советское общество не создало ничего принципиально нового, только систему распределения сверху. Следовательно, несмотря на «железный занавес» СССР продолжал оставаться частью мировой капиталистической экономической системы, в которой господствовала указанная выше формула «товар-деньги-товар». Поэтому в сфере внешней торговли СССР вынужден был играть не по своим правилам, а по правилам капиталистического рынка.

Кроме того. Россия к 1917 г. была не в числе самых развитых стран мира. Начиная революцию, В.И. Ленин и другие большевики рассчитывали, что вслед за Россией революция произойдет в других ведущих странах мира и, социалистическое строительство Россия будет осуществлять, опираясь на их помощь. 6 марта 1919 года в заключительной речи при закрытии I (учредительного) конгресса Коминтерна он заявил: «Победа пролетарской революции во всем мире обеспечена. Грядет основание международной Советской республики» [7, с. 511]. Практика показала, что основная часть рабочего класса развитых капиталистических стран пошла не за коммунистами, а за социал-демократами. Капитализм, как общественный строй в начале XX в. еще не исчерпал всех возможностей своего развития.

Поэтому Советская Россия оказалась во враждебном капиталистическом окружении и вынуждена была в целях выживания проводить соответствующую внутреннюю и внешнюю политику, политику «осажденной крепости». Отсюда необходимость в кратчайшие сроки индустриального рывка с огромными человеческими потерями и напряжением всех сил народа в конце 20-х – первой по-

ловине 30-х гг. XX в. Вот почему И. Сталин говорил в 1931 г. «Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» [16, с. 38-39]. Репрессии 30-40-х гг. XX в. также необходимо рассматривать не только как способ решения внутрипартийных разногласий по «большевистски», но и как имевших цель проведения зачистки страны от потенциальных представителей «пятой колонны» на случай возможного военного конфликта с Западом.

В управлении страной прошла максимальная централизация, концентрация всей власти в руках общесоюзных партийно-советских органов, что привело к росту партийно-советского управленческого аппарата, сращиванию партийных и советских аппаратов, бюрократизации их деятельности. На практике произошло искажение советского принципа народовластия. В 30-80-е годы Советы были полностью встроены в вертикаль центральной власти и состояли исключительно из партийно-государственных функционеров. Это позволяло сконцентрировать власть в руках номенклатурной партийно-государственной администрации [10].

Согласно номенклатурному принципу подбора и расстановки кадров руководящих работников, господствовавшему в советское время, ни одно назначение, перемещение или увольнение с любой, даже самой низовой, руководящей должности не могло быть осуществлено без партийного решения. Такой подход обеспечивал персональную зависимость всех руководителей в стране от партийной пирамиды, осуществляющей реальное государственное управление в СССР. Стремление расставить на руководящие должности лояльных партии людей зачастую приводило к отрицательному результату, когда на первое место при отборе кадров ставится не профессионализм или уровень квалификации, а следование аппаратным законам. Критериями отбора управленцев на всех уровнях становились исполнительность, послушность, слепое следование «генеральной линии партии». Именно поэтому номенклатурный принцип в кадровой работе нередко приводил к росту непрофессионализма в системе управления, да и во всех отраслях народного хозяйства [11].

Концентрируя власть, ответственность и даже инициативу только в верхних эшелонах партийно-государственного управления, КПСС, как правящая партия-государство превращало провозглашаемую коллективность руководства в фикцию, да и сам союзный «центр» в стремлении максимально расширить сферу руководства быстро сползал к административной рутине [5, 13].

Однако управлять страной с помощью чрезвычайных мер в течение длительного исторического периода было невозможно. Как показывает опыт других стран мирового сообщества любая авторитарная диктатура, если и может дать импульс экономическому развитию страны (например, в странах Латинской Америки во второй половине XX в.), то только на коротком историческом промежутке времени. В СССР «сталинская» индустриализация также хотя и создала основы экономической мощи страны, но не могла в дальнейшем обеспечить развитие экономики исключительно командно-административными методами, бесконечно эксплуатируя трудовой энтузиазм народа. Граждане СССР

в послевоенный период хотели не только работать на благо всего общества, но и стремились к повышению личного благосостояния, к получению не на бумаге, а на практике реальных политических свобод [12].

Между тем система государственного управления оставалась жестко централизованной, осуществляющей тотальный контроль, как в сфере экономики, так и социально-политической жизни. Попытка осуществления экономических реформ в 60-е гг. была провалена партийно-государственным руководством СССР, не желавшим никакого ослабления своего контроля над экономикой. Любое инакомыслие в политической сфере, проявления диссидентских настроений пресекались властями на корню [6].

Одновременно, СССР не удалось достичь более высокой производительности труда по сравнению с ведущими странами Запада и обеспечить высокое благосостояние своим гражданам. Экономическое соревнование СССР проигрывал странам Запада. Более того. Втягивание страны в гонку вооружений, сомнительные военные операции (например, в Афганистане), оказание многим развивающимся странам Азии и Африки часто безвозмездной экономической помощи в рамках экономического соревнования двух систем, достаточно широкие масштабы экономической поддержки странам мировой системы социализма изматывали экономику СССР и негативно влияли на уровень жизни его граждан [3, 13].

За весь период существования СССР в системе распределения материальных благ сверху постепенно формировался партийно-чиновничий социальный слой, который стал бесконтрольно присваивать себе определенную долю государственной собственности. Началось снижение технологического уровня производства, т.к. отсутствие гибкости, характерное для централизованного управления, незаинтересованность советской бюрократии в результатах внедрения научно-технических достижений в производство (за исключением предприятий ВПК) не позволяли использовать значительный научный потенциал СССР в реформировании народного хозяйства. В то же время Запад активно внедрял новую технику во все виды производства. Появились все признаки стагнации производства, все больше производилось сырья, увеличивался парк устаревшего оборудования. Необходимость радикальных реформ становилась очевидной [9].

Все это вызывало недовольство не только населения, но значительной части правящей партийно-советской номенклатуры, которая в период 70-80-х во многом утратила веру в построение нового общества не только во всемирном масштабе, но и в собственной стране. Постепенно она все больше стала склоняться к смене общественного строя в СССР и сговору с правящими элитами Запада с целью проведения обмена социалистического строя СССР на деньги и вхождение в мировую элиту. В результате советское общество, как альтернативный проект мирового общественного развития перестал существовать.

Советский проект многое дал миру и всем трудящимся. Русская революция вынудила представителей западного капитала задуматься об условиях труда рабочих, о повышении качества их жизни. Опасения повторения сценария

антикапиталистических революций в странах западной цивилизации побудили правящие круги западных капиталистических стран развивать демократию и содействовать становлению социального государства в своих странах, как института социальной защиты своих граждан.

В целом, можно заключить, что советское общество было серьезным альтернативным, хотя не удачным проектом мирового общественного развития.

Литература

1. Азовкин И.В., Загайнов Л.И., Лукашева Е.А., Васильев А.М. Политическая система развитого социалистического общества. М., 1984.
2. Дмитриев Г.А. Проблемы социальной политики КПСС. М., 1971.
3. Гетманец М.З. Советский союз и страны Азии и Африки: очерк экон. и техн. сотрудничества. М., 1977.
4. Ермолаев Н.М. Общество социальной справедливости. Киев, 1984.
5. Каушик Девендра. Советская политическая система: впечатления и перспективы. М, 1983.
6. Короева Инга Давидовна. КПСС и трансформация общественно-политической системы СССР (1985-1991 гг.). Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2004.
7. Ленин В.И. Заключительная речь при закрытии I (учредительного) конгресса Коминтерна // Полн. собр. соч. Т. 37. С. 511.
8. Марченко М.Н. Политическая организация советского общества. М., 1979.
9. На пороге кризиса: нарастание застойных явлений в партии и обществе (Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Под общей редакцией В. В. Журавлева). М., 1990.
10. Мохов В.П. Номенклатура как политический институт в истории советского общества второй половины XX века // Управленческое консультирование. Научно-практический журнал Северо-Западной академии государственной службы. 2005. № 1. С. 41-53.
11. Мохов В.П. Политическая повседневность номенклатуры как научная проблема // Повседневность номенклатуры. Сборник статей / Под ред. В.П. Мохова и Н.А. Фролова. Пермь: ПНИПУ, 2013. С. 4-17.
12. Мусатов И.М. Советское общество в условиях перестройки СССР на рубеже 1980-х-1990-х гг. Диссертация ... кандидата исторических наук. 07.00.02. М., 2007.
13. Олыштынский Л.И. Советское общество. История строительства социализма в России. М., 2015.
14. Платонов Р.П. Социальная политика КПСС. Рост народного благосостояния, развитие науки и культуры. Минск: [б. и.], 1971.
15. Плышевский Б.П. Советское общество неуклонно растущей экономики. М., 1977.

16. Сталин И.В., Выступление на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г. Сочинения, 1951. Т. 13. С. 38 -39.

17. Ушакова Д.К. СССР и внешняя политика. М., 1999.

Шатилов А.Б. Дифференциация советской партийной элиты как пролог к свертыванию коммунистического проекта в СССР¹

Аннотация: Доклад посвящен анализу внутриэлитного раскола в КПСС в послевоенный период как одной из главных причин общего крушения советского государственного проекта. Автор выделяет четыре течения внутри компартии, которые достаточно жестко конкурировали друг с другом за административные ресурсы и идеологическое влияние. Автор приходит к выводу о том, что именно внутри КПСС возникли идея "реформирования сверху" советского общества, получившая политическое оформление в период "перестройки".

Ключевые слова: КПСС, раскол, течения, конкуренция, кризис.

Shatilov A.B. Differentiation of the Soviet party elite as a prologue to the curtailment of the communist project in the USSR

Abstract: The paper is devoted to the analysis of intra-elite split in the Communist Party after the war, as one of the main reasons for the total collapse of the State Council-sky project. The author identifies four streams within the Communist Party, are tough enough to compete with each other for administrative resources and ideological influence. The author concludes that it is inside the Communist Party emerged the idea of "reforming the top" of Soviet society, to get political clearance of the period of "perestroika".

Keywords: Party, split flow, competition, crisis.

Несмотря на декларируемое единство КПСС, отсутствие в ней официально существующих фракций и групп, наличие унифицированной точки зрения по всем базовым вопросам истории и современного бытия, реального единства как такового не было. После Великой Отечественной войны и особенно после смерти И.В. Сталина происходит идеологическая дифференциация в компартии, связанная с образованием внутри нее четырех условных течений – "консерваторов", "либералов", "сталинистов", "почвенников". Каждое из них имело своих представителей в Политбюро, обладало поддержкой части партийного аппарата, контролировало отдельные популярные СМИ.

Особенно мощной была группировка, склонная к сохранению статус-кво, ориентированная на поддержку идей «развитого социализма» т.н. застойного периода. Лидеры: Л.И. Брежнев, М.А. Суслов, А.А. Громыко, М.В. Зимянин. Основные СМИ: "Правда", "Известия". «Консерваторы» активно противостояли различным уклонам, одинаково подозрительно относясь и к «либералам», и к

¹ Шатилов А.Б., кандидат политических наук, профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

«державникам», и к «сталинистам». Отличительной чертой этого клана была формальная приверженность "букве" коммунистической идеологии при реальном понимании ее исчерпанности. Большинство из "консерваторов" уже не верило в старую партийную догму, но в то же время опасалось пересмотра государственной идеологии, так как это могло угрожать стабильности их власти.

Острую конкуренцию «старым коммунистам» оказывали т.н. «новые» коммунисты, стремившиеся реформировать советскую действительность в соответствии с «реалиями эпохи», модернизировать коммунистическую идею, а то и перевести ее в "социалистическое" русло. Отсюда их ориентация на «еврокоммунизм», на социал-демократический опыт европейских стран, на идеи конвергенции. Также они выступали за проведение некоторых ограниченных реформ внутри страны, связанных с большей свободой слова и печати, развитием плюрализма, возможностью создания внутрипартийных групп и фракций. Среди адептов данной модели развития страны можно назвать А.Н. Яковлева, Е.М. Примакова, консультантов ЦК КПСС Г.А. Арбатова, Г.Х. Шахназарова, Ф.М. Бурлацкого, А.Е. Бовина и др. Отчасти к этой группе можно отнести и Ю.В. Андропова, который, будучи на высших постах в партии и госбезопасности, активно продвигал "наверх" будущих "могильщиков" СССР (М.С. Горбачева, Б.Н. Ельцина, Э.А. Шеварднадзе, Г.А. Алиева). Из периодики "либерального" направления можно выделить журналы «Новый мир», «Юность», «Литературную газету».

Сплоченную внутрипартийную группу составляли приверженцы «железной руки», в качестве рецепта по выходу из кризиса предлагавшие возврат «к Сталину», к административно-командной системе управления 1930-40-х гг. Они полагали, что в период правления Хрущева и Брежнева страна отказалась от «построения социализма», от борьбы с империализмом Запада, от «развития революционных завоеваний», что в свою очередь привело к утрате духовного и идеологического лидерства СССР в мире. Особую опасность они видели в наличии либерального крыла КПСС, ориентированного в своем большинстве на западную традицию. Идея жесткой авторитарной власти была популярна как в партийных кругах, так и у населения, поэтому руководство Компартии регулярно было вынуждено отдавать дань подобным настроениям «высокой оценкой достижений 1930-1940-х гг.». С малыми оговорками сталинский курс поддерживали А.Н. Шелепин, С.П. Павлов, Д.Ф. Устинов и др. Именно их усилиями в начале правления Л.И. Брежнева, в 1965 г. была предпринята попытка реабилитировать Сталина – при подготовке проект доклада Генерального секретаря к XXIII съезду КПСС были внесены положения «о волюнтаристских извращениях Хрущевым истории КПСС и социалистического строительства в СССР», а также «о субъективном отношении Хрущева к Сталину». Однако "утечка" информации об этой инициативе "сталинистов" привела к резко негативной реакции советской либеральной интеллигенции (обращение протеста подписали академики П.Л.Капица, И.Е.Тамм, писатели В.П.Катаев, К.Г.Паустовский, народные артисты О.Н. Ефремов, И.М. Смоктуновский, Г.А. Товстоногов и др.), противодействию со стороны как либерального, так и "кон-

сервативного" лагерей (к противникам пересмотра идеологических "раскладов" примкнули М.А. Суслов, Н.В. Подгорный, Б.Н. Пономарев), предостережениям со стороны "братских" (югославской, чехословацкой и др.) компартий. В итоге доклад был "купирован" и из него были исключены "проблемные" фрагменты. Тем не менее, и позже данная проблема оставалась актуальной в связи с активизацией в брежневский период «сталинской партийной когорты». Поэтому центральное руководство КПСС в течение 1960-1980-х гг. было вынуждено балансировать между различными внутривнутрипартийными группами. В частности, в этот период был снят запрет на упоминание имени И.В.Сталина в книгах, кинофильмах, статьях. Известно, что начальник Политуправления Советской Армии генерал А.А. Епишев оставался "открытым сталинистом" и в «хрущевскую» оттепель. Культ Сталина был настолько распространен среди советских партийных функционеров (особенно среднего и низшего звена), что даже М.С. Горбачев, инициатор либерализации политической и экономической жизни в стране, в своем докладе на совместном торжественном заседании ЦК КПСС и Верховного Совета РСФСР 2 ноября 1987 г., обозначив основные направления преобразований, был вынужден отметить «огромную волю, целеустремленность и настойчивость, умение организовывать и дисциплинировать людей, проявленные И.В. Сталиным».

Наконец, важную роль в партийных структурах играли т.н. «почвенники», стремившиеся к построению «русского социализма», к доминации русских этнических ценностей в советском государстве, к борьбе с влиянием в партии и руководстве страной «пятой колонны» и «космополитов». По мнению одного из партийных функционеров, писателя и одновременно активного деятеля "почвенников" А.И. Байгушева в КПСС существовала т.н. "Русская партия", которая стремилась к "патриотическому перерождению" советского режима. С "почвенниками" в КПСС блокировались также некоторые творческие союзы, в частности, ВОООПиК и Союз писателей РСФСР. Одновременно по отдельным вопросам (прежде всего, "державного" плана) данное течение находило поддержку у ментально близких им "сталинистов".

Таким образом, уже к середине 1970-х гг. КПСС превратилась из единой "направляющей и руководящей силы советского общества" в достаточно рыхлую и идеологически дифференцированную партийную структуру, что несколько позже привело не только к ликвидации 6-й статьи Конституции СССР, но и к общему поражению коммунистического проекта в стране и мире.

СЕКЦИЯ IV. ЦЕННОСТИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Шаповалов В.Л. Репрезентация ценностных ориентиров советского периода в сознании российской молодежи: по результатам социологического исследования¹

Аннотация. В статье представлены результаты Всероссийского исследования ценностных ориентаций молодежи и их соответствия духовным ориентирам советского периода. Для получения данных использованы методы киберметрии и глубинного интервью. В качестве основного заключения обосновывается репрезентация в сознании российской молодежи ценностей приоритета державности и политической мощи государства, достижительных ориентаций, доминирование индивидуализма и прагматизма.

Ключевые слова: молодежь, ценностные ориентации, духовные ориентиры советского периода, киберметрия, глубинное интервью.

Brodovskaya Elena Victorovna, Dombrovskaya Anna Yrievna, Shapovalov Vladimir Leonidovich. Representation value orientations of the soviet period in the minds of russian youth: on results of sociological research

Abstract. The article presents the results of the All-Russian research of value orientations of young people and their compliance with the spiritual guidance of the Soviet period. To obtain the data used cybermetric techniques and in-depth interviews. As a main conclusion is substantiated representation in the minds of Russian youth the priority values of statehood and political power of the state, the dominance of individualism and pragmatism.

Keywords: youth, values, spiritual guidance of the Soviet period, cybermetric, in-depth interview.

Формирование ценностных ориентиров современной российской молодежи до настоящего времени остается нерешенной научно-практической задачей. Период «морального испарения» и «духовного вакуума» переходного пе-

¹ **Бродовская Елена Викторовна**, доктор политических наук, доцент, зав. лаборатории социального компьютеринга Института перспективных исследований Московского педагогического государственного университета; brodovskaya@inbox.ru; **Домбровская Анна Юрьевна**, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник лаборатории социального компьютеринга Института перспективных исследований Московского педагогического государственного университета; an-doc@yandex.ru; **Шаповалов Владимир Леонидович**, кандидат исторических наук, доцент, декан факультета прикладной политологии Института истории и политики Московского педагогического государственного университета; hispol@mpgu.edu.

риода конца XX века – XXI века в России обусловил распад ценностной концепции советского периода, вместе с тем, новая ценностная концепция до сих пор не сформирована.

Осмысление данной концепции предполагает вначале диагностику существующих ценностных ориентиров современной российской молодежи, поскольку формирование духовных ориентиров возможно исключительно на основе механизма интериоризации. Необходимо понять, насколько современные ценности российской молодежи коррелируют с советскими ориентирами, которые следует рассматривать как фундамент так называемых «традиционных российских ценностей», на формирование которых Правительство РФ провозгласило курс.

Ценностная проблематика, в том числе, ценностные ориентации и стратегии поведения российской молодежи, представлена в исследованиях М.К. Горшкова [1], Н.И. Лапина [4, 5], Ю.А. Зубок [2, 8], В.И.Чупрова [8], Е.В. Бродовской [9-12], А.Ю. Домбровской [9-11], Ильинского И.М. [3], Т.В. Хриенко [7] и мн. др.

Материалы статьи основаны на результатах киберметрического анализа сообщений молодых россиян, представленных в русскоязычном сегменте Интернета и глубинных интервью с молодыми россиянами.

Киберметрия включала анализ 1 млн. сообщений трех наиболее популярных в России социальных медиа «ВКонтакте», «Одноклассники» и «Facebook», период выгрузки с 01.01.2012 г. по 01.01.2014 г. Методика киберметрии предполагала применение сервиса для мониторинга социальных сетей IQBuzz. В качестве ключевых слов использованы словоупотребления, репрезентирующие ценностные ориентиры молодых россиян. Киберметрия позволила проанализировать большой объем сообщений, содержащих неспровоцированные данные о ценностных предпочтениях молодежи России и выявить удельный вес представленности различных духовных ориентиров в сообщениях молодых пользователей русскоязычного сегмента глобальной сети;

Глубинное интервью осуществлено в 2013-2014 г.г. с 80 респондентами в возрасте от 17 до 26 лет. В выборке присутствуют представители всех федеральных округов, различных национальностей, гендеров, профилей обучения. Глубинное интервью позволило проанализировать субъективные смыслы и значения, объясняющие ценностный выбор представителей российской молодежи.

Задачи исследования включали анализ степени взаимосвязи ценностных ориентаций современной российской молодежи с духовными ориентирами советского периода по следующим параметрам:

- жизненная позиция, выраженная в личностном слогане;
- выбор великих исторических личностей;
- выбор значимых писателей и художественных персонажей;
- специфика национально-государственной идентификации;
- жизненные планы и стратегии достижения целей.

Репрезентация советских ценностей прослеживается в нескольких темах глубинного интервью с молодыми россиянами.

Прежде всего, некоторые аспекты духовных ориентиров советского периода представлены в жизненных девизах российской молодежи.

Модальным концептом названных информантами слоганов служат советские идеи целеустремленности, активного и позитивного настроения на достижение успеха. Данный концепт четко прослеживается в таких девизах, как «1000 миль начинается с первого шага», «Под лежащий камень вода не течет», «Кто хочет – ищет способы, кто не хочет – ищет причины», «Двигаться только вперед», «Добиться цели любой ценой», «Всегда двигайся к цели», «Все к лучшему», «Никогда не сдавайся!» и т.п.

Такое культивирование достижения цели предопределяет выбор персоналий (исторических, политических, литературных) – ориентиров для подражания. В числе данных фигур доминируют личности, добившиеся значимого результата (возрождения и процветания России – Иван Грозный, Петр I, Екатерина II, Столыпин, Владимир Путин; военные успехи в защите государственных рубежей – Александр Невский, Александр Суворов, Михаил Кутузов, Иосиф Сталин).

Подтверждение популярности данных персоналий в среде российской молодежи получено в ходе киберметрического анализа. На рис. 1 представлено количественное распределение упоминаний этих имен в релевантных предмету исследования сообщениях социальных медиа.

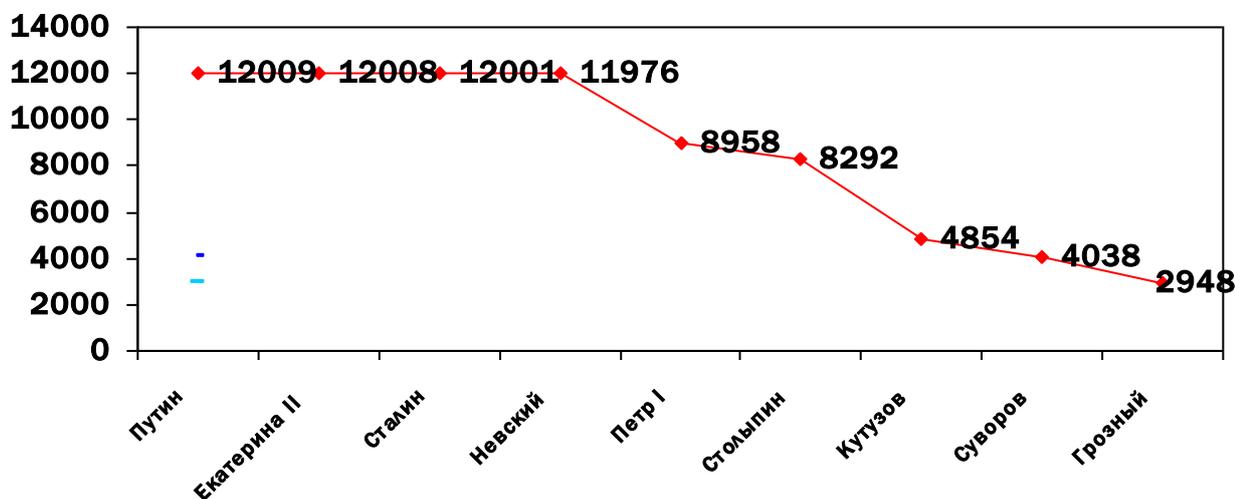

Рис. 1. Авторитетные для российской молодежи исторические и современные персоналии, репрезентированные в сообщениях социальных медиа, в абс. зн.

В ходе глубинных интервью были выявлены смыслы и значения, вкладываемые молодежью в их понимание великих исторических личностей. В ре-

зультате установлено, что заметное доминирование Иосифа Сталина в категории «Великие исторические личности» свидетельствует об интериоризации молодежи идеи оправданности любых средств для достижения значимой цели. Все упомянутые в рисунке 1 имена оцениваются молодыми россиянами с точки зрения их вклада в величие и мощь России. Политические и военные победы на благо государства рассматриваются молодежью как приоритетные ориентиры, морально-нравственные составляющие образа исторической личности, достойной почитания, на взгляд российской молодежи, имеют второстепенное значение. Эмпирическими свидетельствами этих заключений служат фрагменты интервью «Ну, какой бы ни был Сталин, наверное, Сталин, он смог собрать страну и сделать так, чтобы мы победили» (молодой человек, СКФО, 21 год), «Великая историческая личность ... Сталин...кто же еще?!» (молодой человек, СФО, 19 лет), «Петр I... прям сказал и так сделали... мне нравится его желание «делать страну» и изменять Россию к лучшему» (девушка, 22 года, ЦФО), «Конечно, Столыпинские реформы...это реальный прорыв» (девушка, 21 год, ПФО).

Еще одним подтверждением данного вывода служит высокая оценка информантами литературных и кинематографических героев, преодолевших большие трудности на пути к высокой цели (герои фильма «Побег из Шоушенка», хоккеист Харламов в фильме «Легенда №17», герой фильма «Область тьмы» и т.д.).

Анализ молодежного рейтинга великих личностей установил закономерность тяготения к выбору фигур – патриотов. Обосновывая свое отношение к этим персонам, информанты подчеркивают важность достижения великими людьми патриотических целей. Другими словами, личный успех молодежь связывает с возможностью принести пользу Родине. В выборе великих бизнесменов у информантов нет единства позиций. Упоминание Генри Форда связывается с высокой оценкой способности оставаться скромным человеком в условиях огромного богатства. Вербализация имени Ходорковского связана с выражением уважения к смелости противостоять власти. Стерлигова уважают как человека, решившегося на природосообразную жизнь и отказавшегося от современного «чистогана». Но чаще всего предпринимателей молодые россияне оценивают с позиций их социальной ответственности. В качестве иллюстрации следует привести фрагмент интервью «Величие предпринимателя заключается не в количестве заработанных денег, а в том, что он для людей сделал... » (молодой человек, ДВФО, 23 года).

В каждом из этих случаев прослеживается высокая оценка сильной, самодостаточной, самобытной личности. Стремление к этим качествам красной нитью проходит через тексты интервью тех информантов, которые затруднились назвать какого-либо исторического, политического или литературного персонажа. Свою неготовность вербализировать конкретное имя они объясняли нежеланием быть на кого-то похожим. Эта часть молодежи стремится думать и действовать самостоятельно, делать собственные выводы и не ориентироваться на образцы.

Отсутствие в фокусе сознания данной части информантов конкретных имен литературных или исторических героев помимо указанной ими самими причины все же в первую очередь детерминирована игнорированием значительной долей современной молодежи книг как основного источника информации. Данное обстоятельство сами информанты объясняют отсутствием времени. Эта декларируемая причина с точки зрения психологии восприятия является формой рационализации, с помощью которой молодежь оправдывает свое предпочтение графически визуализированной и удобной в поиске электронной информации большим печатным текстовым массивам книги (клиповое сознание).

То же самое объяснение проясняет ситуацию с отсутствием вербализации имен литературных антигероев. В отдельных случаях в качестве осуждаемых персонажей называются литературные или кино- образы, которые характеризуются качествами подлости, лживости, ненависти (негативный персонаж, сыгранный В. Меньшовым в кинокартине «Легенда № 17», старуха Шапокляк, собирательный образ коварной разлучницы), либо качествами «никчемности и бестолковости» (Раскольников, Обломов). Такое восприятие качеств этих персонажей, абсолютно разных по глубине интеллектуальных и душевных изысканий говорит о довольно поверхностном анализе частью молодежи литературных образов и в целом произведений писателей. Таким образом, с одной стороны, в сознании молодежи нет доминанты «образа врага», что свидетельствует о позитивном мышлении и жизненном настрое, с другой стороны, осуждению подлежат человеческие качества, негативно оцениваемые с позиций морали и нравственности.

Довольно заметный сектор смысловых конструкций анализируемых транскрибов принадлежит концепту «почитания классики». Этот фокус весьма тесно связан с советскими ценностями, предусматривающими опору на русскую классику в процессе воспитания подрастающего поколения. Художественную классику информанты выражают в именах Гоголя, Достоевского, Пушкина, Л. Толстого, Тургенева. В трудах этих великих молодежь ценит глубокую человеческую мысль, гуманность, любовь к русскому народу. Примером выражения этих убеждений служит фрагмент интервью: «Я люблю читать, я очень люблю читать классику: Достоевского, Лермонтова, Толстого,... вообще я люблю читать книги, которые мне что то дают в личностном плане, то есть простые романы какие то я никогда не читаю мне это ничего не дает, ну я считаю это бесполезным» (девушка, УФО, 24 года),

Особенно явно прослеживается высокая оценка (ставшего классикой жанра) советского кино, особенно комедийного жанра. Свои предпочтения информанты объясняют позитивной насыщенностью фильмов, гениальностью режиссеров и актеров «старого кино», неповторимостью передаваемой кинокартиной атмосферы того периода. Показательны фрагменты интервью «Старое советское кино самое лучшее... в нем какая-то душевность, сердечность...» (девушка, СЗФО, 20 лет), «Советское кино – гениальное, его можно смотреть хотя каждый день...» (девушка, 19 лет, ЦФО).

Продолжая анализ включенности молодежи в Internet-коммуникацию, исследуем отношение информантов к демотиваторам. Важность этой переменной определяется тем, что в ней в значительной степени проявляются уже выявленные ранее ценностные приоритеты молодежи, тем самым подтверждая полученные результаты исследования. Прежде всего необходимо констатировать безусловно позитивное отношение информантов к явлению демотиваторов в целом. Комментируя свое мнение о данном явлении, молодые россияне акцентируют внимание на потенциале демотиваторов как остроумного способа заставить людей задуматься над привычным и увидеть обыденное в новом свете, как способ развенчать стереотипы. В этом магистральном для информантов мнении прослеживается ранее выделенная ценностная доминанта личностной уникальности, возможности высказать свой особый взгляд на мир.

В выборе молодежью одобряемых или неподдерживаемых ими демотиваторов явно доминируют две темы: о Президенте и о национальных отношениях. Информанты подчеркивают неприемлемость распространенных в сети низкокачественных демотиваторов, критикующих В. Путина и, напротив, одобряют демотиваторы высокого профессионального уровня в защиту и поддержку Президента. Что касается националистических демотиваторов, то участники интервью выражают умеренно этноцентрированную позицию, присоединяясь к концепту «Россия для русских» (цитата, звучащая в интервью молодых россиян из ЦФО, СЗФО, ПФО), при этом признавая многонациональность государства, а также не приемля национальный экстремизм.

Развивая данную тему, перейдем к анализу самоидентификационных особенностей российской молодежи. Изучение транскрибов интервью показывает единство информантов в позитивной национальной самоидентификации. Ощущение себя русским у молодежи напрямую связано с чувством гордости за свою страну, стремлением работать на ее процветание. Проиллюстрируем эти выводы цитатами из транскрибов интервью: «...хочу жить и работать в России, здесь мой дом, здесь всё понятное, родное» (девушка, 19 лет, ЦФО), «Я буду стараться сделать что-то значимое для своей страны...» (молодой человек, 20 лет, СЗФО). Такие патриотические установки во многом могут объясняться ситуацией глубинного интервью, проводимого во время молодежного форума, усиливающего патриотические чувства. С другой стороны, никакие мероприятия патриотической направленности не могут за короткое время сформировать такой осмысленный, зрелый, устойчивый патриотизм, проходящий красной нитью практически через все ответы на вопросы национального свойства.

Заметим, что национальное чувство информантов имеет некоторые особенности, диктуемые социально-психологическими эффектами. В частности, выявлены сегрегационные установки молодежи по отношению к «нерусским» мигрантам. Эти установки проявляются в эффекте большего осуждения за преступления людей из числа нероссийских народов. Другими словами, складывается впечатление «декларируемого права на преступление только представителей народов России». При этом информанты все же не придерживаются жестких и категоричных позиций в отношении зарубежных мигрантов, тем более яркий акцент большинства интервью делается на осуждении экстремистских

методов решения межнациональных вопросов. Эти выводы об отсутствии экстремистских установок у современной российской молодежи подтверждаются результатами массового опроса в рамках настоящего исследования, а также данными исследований социально-политической активности данной социальной группы, осуществленных Ю.А. Зубок и В.И. Чупровым [2], [8].

Весьма существенную корреляцию с советскими ценностями патриотизма и желания работать на благо страны имеет содержание транскрибов, указывающее на отсутствие у молодежи ярко выраженных внешних миграционных установок. Желание совершить территориальную мобильность в основном ограничивается пределами страны. Как правило, информанты тяготеют к более крупным городам, но, что характерно, не к столице. Формирование внутренних миграционных установок участников интервью определяется как минимум двумя факторами:

- представлением о России как наиболее желательной стране для жизни;
- предпочтением тех городов, в которых есть возможность профессиональной и личностной самореализации, но не имеющих масштаб столицы и уровень интенсивности ее жизни.

Переходя к интегральному по отношению ко всем предыдущим темам направлению анализа – жизненной стратегии информантов, рассмотрим доминирующие ценностные ориентации молодежи, ее жизненные цели и способы их достижения.

Прежде всего, отметим, что данные глубинного интервью несколько заостряют исследовательское внимание на достижительных установках молодежи. Если количественный срез анализа с помощью киберметрии (см. рис. 2) указал на первостепенность ценностей семейных отношений, то транскрибы интервью свидетельствуют о приоритетности жизненного успеха, понимаемого как триединство карьеры, материального благополучия и семейного счастья.

Семья служит главной ценностью российской молодежи, о чем свидетельствует распределение удельного веса социально-медийных сообщений молодых россиян, в которых репрезентированы семейные ценности (см. рис. 2).

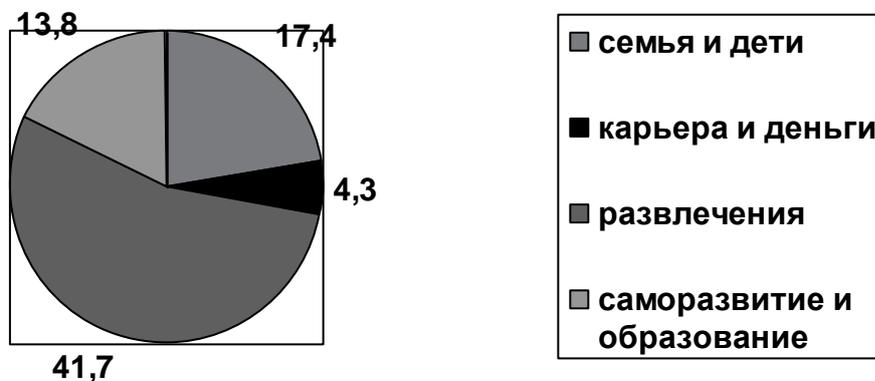

Рис. 2. Доминирующие ценностные ориентации российской молодежи, репрезентированные в социальных медиа, в %.

Для современной молодежи не характерно понимание любви и семьи по принципу «с милым рай и в шалаше». Этот романтический настрой, характерный для старшего поколения, воспитанного на советской киноклассике, практически полностью заменен у молодых россиян на социально ответственную позицию «для создания семьи необходима материальная платформа». Поэтому, размышляя о жизненных целях, полностью соответствующих ценностным ориентирам, информанты указывают на получение образования, желаемой работы и достойного дохода как необходимых условиях семейного благополучия. Говоря о семье как о значимой ценности и жизненной цели, участники интервью обеих гендерных групп демонстрируют определенный прагматизм. Девушки свою позицию в семье не сводят к традиционным ролям и функциям, а ориентированы на полноценное участие в экономическом обеспечении семьи, что свидетельствует об их стремлении к построению эгалитарной семьи. Отражение таких установок можно увидеть в цитатах из интервью: «Я планирую открыть свой бизнес, не хочу зависеть от денег мужа» (девушка, 22 года, СКФО), «Хочу быть профессионалом в своем деле...найти себя и быть востребованной...» (девушка, 20 лет, ПФО). Молодые люди расценивают наличие семьи как важное условие карьеры и профессионального успеха, зачастую вербализируя немного утилитарную по отношению к женщинам позицию «за спиной у великого мужчины всегда стоит великая женщина» (известная цитата, воспроизведенная молодым человеком 19 лет из ЦФО).

Переходя к анализу стратегий достижения важных жизненных целей информантов, подчеркнем некоторое преобладание патерналистических установок. Молодежь убеждена, что для получения достойного образования, желаемого места работы, жилья и прочих благ необходима мощная государственная поддержка. Патерналистические взгляды, как показывают исследования ВЦИОМ, характерны для всего населения России и в несколько меньшей степени для молодежи, чем для остальных граждан [6]. Действительно, патерналистические установки молодежи сочетаются с позицией самоотдачи. В частности, многие информанты утверждают, что готовы реализовать социально значимые проекты, однако, им не хватает необходимой государственной поддержки. Эта позиция выражена в цитате «...вы мне помогите встать на ноги, тогда я принесу социальную пользу...» (молодой человек, 23 года, ЦФО). Другими словами, современные молодые россияне настроены на сотрудничество с государством: добросовестный труд на благо отечества при наличии достойной оплаты труда, жилья и необходимой инфраструктуры для жизни.

Таким образом, общие контуры духовных приоритетов молодежи, выявленных в ходе киберметрии и уточненных в процессе глубинного интервью описываются в терминах слияния прагматичных, достигательных и традиционных ценностей на фоне патриотических установок и ориентиров на социальное признание.

Резюмируя основные результаты исследования, отметим, что для современной российской молодежи характерны следующие советские ценности, которые могут служить ресурсом интериоризации молодыми россиянами традиционных российских ценностей:

– активно-позитивная жизненная позиция, обусловленная удовлетворенностью существующим положением дел и наличием перспектив для достижения желаемого;

– высокая субъективная оценка исторических личностей, сумевших увеличить мощь и геополитический статус страны;

– достаточно высокий уровень патриотизма, имеющий сущностную взаимосвязь с позитивной национальной самоидентификацией и отсутствием установок на внешнюю миграцию;

– высокая оценка исторического, литературного наследия страны, выражение гордости за духовное богатство России.

Вместе с тем, сложностью в процессе формирования у молодежи России традиционных российских ценностей является замена такой советской ценности, как коллективизм, индивидуализмом, что проявляется в доминировании стремления молодых россиян к достижению *личного* жизненного успеха, карьерного роста и материального благополучия.

Литература

1. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ИС РАН, 2010. 592 с.

2. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежный экстремизм. сущность и особенности проявления // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 37-47.

3. Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория. М.: Голос, 2001. 696 с.

4. Лапин Н.И. Базовые ценности населения и российская либерализация // Общество и экономика. 2002. № 12. С. 93-106.

5. Лапин, Н.И. Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России // Социологические исследования. 2003. № 6. С. 78-87.

6. Профилактика экстремизма и радикализма в молодежной среде Республики Татарстан: Сб. научно-методических и информационных материалов / Мин-во по делам молодежи, спорту и туризму РТ, Респ. Центр молод., инновац. и проф. программ. Казань: РЦМИПП, 2011. 180 с.

7. Хриенко Т.В. Динамика мировоззренческих ценностей студенческой молодежи в процессе социализации (на примере автономной республики Крым): дисс. ... д-ра социол. наук. М., 2005.

8. Чупров В.И. Социология молодежи. М.: НОРМА, 2011. 335 с.

9. Brodovskaya E., Dombrovskaya A. The impact of involvement in Internet communication on the formation of orientations and socio-political profiles of young Russians // Life Science Journal. 2014. № 11 (12 s.).

10. Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A.Y., Ivanov I. S. The sociopolitical profiles of young Internet users in Russia // 2nd the International Conference on the Transformation of Education. Printed and Bound by Berforts Information Press Ltd, UK / Held by SCIEURO in London, 24-25 April 2014. L., 2014, P. 126-141.

11. Brodovskaya E. Typical features of Internet activity of Russian people // 2nd International Scientific Conference "European Applied Sciences: modern approaches in scientific researches": Volume 1. Papers of the 1st International Scientific Conference (Volume 1). February 18-19 2013, Stuttgart, Germany. P. 189-191.

12. Brodovskaya E., Dmitrieva O. The values of the Moscow youth // Science, Technology and Higher Education: materials of the II international research and practice conference, Vol. I, Westwood, April 17th, 2013 / Publishing office Accent Graphics communications. Westwood, Canada, 2013. P. 633-639.

Селезнева А.В. Представления о советском прошлом в сознании российской молодежи¹

Аннотация. В докладе представлены результаты авторского исследования политических представлений российской молодежи и их интерпретация в качестве оснований для формирования национально-государственной идентичности. Автор акцентирует внимание на советском периоде в системе представлений о России.

Ключевые слова: молодежь, политические представления, советский период, политическая психология, национально-государственная идентичность.

Selezneva A.V. Representations of the Soviet past in the minds of Russian youth

Abstract. The article presents the results of the author's research of the political representations of Russian youth. We interpret the data as bases of forming national-state identity. The author draws attention to the Soviet period in the System of representations about Russia.

Key words: youth, political representations, Soviet period, political psychology, national-state identity.

Изучение политических представлений молодежи в рамках политико-психологического подхода имеет важное научно-теоретическое и практическое политическое значение.

Во-первых, исследование политических представлений в контексте исторической памяти важно само по себе, поскольку позволяет выстроить когнитивную карту политического сознания молодежи, определить иерархию поли-

¹ Селезнева Антонина Владимировна, кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова; ntonina@mail.ru.

тических событий, обладающих наибольшей значимостью для молодых людей, выявить уровень когнитивной сложности их политических представлений.

Во-вторых, подобные исследования важны сегодня в контексте практического поиска ценностей и смыслов как оснований для формирования общенациональной государственной идентичности россиян. Как известно, в ситуации социокультурного кризиса, сопровождающегося потерей идентификационных ориентиров, поиск новой идентичности, осуществляется, как правило, в «героическом» прошлом отдельной личности, группы или общества в целом. В ситуации непонятого настоящего и неопределенного будущего ответ на вопрос "Откуда мы?" становится единственным основанием для ответа на вопрос "Кто мы?". Отношение к прошлому становится, таким образом, единственной доступной массовому сознанию формой самоидентификации.

Представления о прошлом с точки зрения политической психологии являются элементами исторической памяти и основаниями для конструирования идентичности сообщества. Несмотря на то, что современная молодежь социализировалась в постсоветский период, в ее политическом сознании представления о советском прошлом занимают особое место. Они зачастую выступают той призмой, сквозь которую молодые люди воспринимают современные политические процессы. Поэтому представления о советском прошлом во многом отражают отношение к широкому спектру вопросов (от оценок политических лидеров до конструирования образа будущего).

Советский период является наиболее неоднозначным в оценках молодых людей, начиная с прихода к власти большевиков и заканчивая распадом СССР. Как сожаление, так и чувство гордости вызывают и отдельные события данного периода, и вся «советская эпоха». В целом, из множества событий советского периода молодые люди сожалеют о революции 1917 г. (9,7%), гражданской войне (9,7%), поражении в холодной войне (2,7%), перестройке (1,3%). Чувство же гордости у школьников вызывают победа в Великой Отечественной войне (46,4%) и полет Ю. Гагарина в космос (16,7%).

Оценивая метро нашей страны в мире, молодые люди считают, что Советский Союз занимал более высокие и прочные позиции на мировой арене, и современной России еще долго придется возвращать себе утраченные позиции.

Среди российских исторических деятелей в тройку наиболее значимых для молодежи политических лидеров вошли два политика советского периода – И. Сталин (50%) и В. Ленин (34,7%). Полученные данные свидетельствуют о том, что интересными и значимыми для молодых людей являются противоречивые личности, сильные, а главное, внесшие существенный вклад в развитие нашей страны. Достижение высокого уровня экономического развития, значительное повышение роли России на мировой арене, укрепление обороноспособности, территориальные приращения, военные победы – вот неполный перечень заслуг этих политических лидеров.

Радикальная форма реформаторства – революция и умение ее организовать (выработать идею, собрать и повести за собой народ) – критерий, который позволил молодым людям оценить лидерский вклад В.И. Ленина в историю

нашей страны. К политическим лидерам, обладавшим умением «сплотить массы и выиграть войну», молодые респонденты относят в первую очередь И. Сталина. Часть молодых россиян восхищается И. Сталиным, симпатизируют ему или уважают его, другие сограждане дают «высокие» оценки его личным качествам, а кто-то отмечает, что он привел нашу страну к могуществу и процветанию.

Напомним, что данные персоналии вошли в первую десятку рейтинга «Имя Россия», проведенного в 2008 году. Во всероссийском опросе в рамках данного проекта приняли участие граждане всех возрастных категорий, а в результате И. Сталин занял третье место, Петр I – пятое место, В. Ленин – шестое место.

К категории советских политических деятелей, являвшихся сильной личностью, молодые люди относят и Ю. Андропова («*сильная личность, очень большой интеллект*»).

Современная молодежь – это политическое поколение, не отягощенное бременем воспоминаний о советской эпохе, не пережившее перелома сознания и крушения надежд в период перестройки. Молодежь – это люди, для которых демократия и свобода также естественны как Интернет и мобильный телефон. В политическом сознании молодежи представления о советском прошлом занимают особое место, отличаются противоречивостью, стереотипностью и когнитивной бедностью. С одной стороны, молодые люди склонны рассматривать советский период сквозь призму демократических свобод, поэтому их критические оценки связаны преимущественно с «несвободой» людей и жестким контролем государства за жизнью общества. С другой стороны, присутствует идеализация советского периода, основанная на представлениях о сильном государстве, выигранной войне и лидерской позиции на мировой арене. При этом, в обоих случаях представления о советском прошлом имеют важное идентификационное значение для конструирования идентичности молодежи национально-государственного типа.

Тимофеева Л.Н. Политическая социализации молодежи в советский и постсоветский периоды¹

Аннотация. Доклад посвящен проблеме политической социализации российской молодежи в современных условиях. Исследования указывают на разрыв единства поколения, на неоднозначность идейно-политических ориентиров молодежи, наличие антипатриотических настроений в этой среде. Речь идет о ряде упущенных возможностей, среди которых и невнимание к советскому опыту идейно-политического воспитания молодежи.

¹ Тимофеева Лидия Николаевна, профессор кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; Timofeeva-lidiya@inbox.ru.

Ключевые слова: молодежь, политическая социализации, идейная дезориентация, консциентальная война, советский опыт политической социализации.

Timofeeva LN The political socialization of youth in the Soviet and post-Soviet periods

Annotation. The report focuses on the issue of political socialization of the Russian youth in modern conditions. Studies indicate break the unity of generations, the ambiguity of the ideological and political orientations of young people, the presence of anti-patriotic sentiments in this environment. We are talking about a number of missed opportunities, among them the lack of attention to the experience of the Soviet ideological and political education of young people.

Keywords: youth, political socialization and ideological Dezor-entation, konstsientalnaya War, the Soviet experience of political socialization.

Молодежь является стратегическим ресурсом социального и политического развития любого государства. Если государство занимается политической социализацией молодежи, значит, оно думает о своем будущем.

Политическая социализация – это процесс приобщения молодежи к политической системе и ее ценностям, обучения политическим нормам и правилам, изучение политических идей, которые есть в обществе, получение опыта деятельности в политических организациях. Для молодежи политическая социализация обещает быстрое вхождение не только в мир взрослых общественных отношений, но и освоение политического пространства, в котором для нее открываются возможности участия в принятии политических решений, влияющих на судьбы страны и общества, а также построения собственной политической карьеры. Полноценная политическая социализация молодого поколения способствует стабильному развитию любого государства без потрясений и коллизий.

Сегодня в условиях политики санкций, развернувшихся консциентальной войны против России, мы имеем дело с обострившимися проблемами политической социализации молодежи, которые выражаются в том, что ценностное самоопределение нации крайне противоречиво.

Причин тому много: это и разрушение прежней советской системы ценностей, отсутствие ведущей идеологии или национальной идеи, авторитетных молодежных и детских организаций, где могли бы пройти свои политические университеты юноши и девушки, невнимание к идейно-воспитательной работе молодежи со стороны государства.

После распада СССР компартия как единый инструмент социализации и политизации молодежи прекратила свое существование. Государство о своей функции социализации забыло и главными «социализаторами» стали спортивные клубы, секции, банды и неформальные радикальные объединения. Появилось много партий, но у них в ситуации президентской, а не парламентской республики нет того стимула, которым подпитывала молодежь КПСС – государственной гарантии политического роста индивида.

Иными словами у молодежи нет реального инструмента вертикальной мобильности. Необходимо заново создавать конструкции, которые способствовали бы возможности политической социализации.

Молодежь обладает недостаточным жизненным опытом и несформировавшимся мировоззрением, что делает ее неустойчивой к влиянию экстремистских и популистских сил. «Оранжевая революция» в ряде стран СНГ, погромы, устроенные молодежью в Кишиневе в апреле 2009 г. после парламентских выборов, беспорядки во Франции, Германии и других европейских странах показали значение и мощь молодежного ресурса в современных условиях.

Именно на молодежи зарубежные подрывные центры отработывают тактику борьбы с легальными режимом так называемыми «ненасильственными методами». Для этого используют всевозможные современные технологии типа флеш-моба, цепи и сети в организации протестного поведения.

Необходимо научиться работать с молодежью в новых условиях с учетом поколенческих особенностей в этой стране. Дело в том, что сама молодежь делится на поколения. Возраст в молодости значительно более ощутимая субстанция, нежели в старости. Разница между поколениями в молодости составляет не более 6 лет. (Поколения – сходные по строению, образу жизни и другим признакам модификации одного вида, закономерно сменяющие друг друга в процессе жизненного цикла).

При работе с молодежью этого поколения необходимо учитывать психологическую неустойчивость, ранимость, личностные факторы, низкий уровень конформизма. Позитивные моменты – высокая социальная активность, бескорыстие, инициативность. Необходимо особо учитывать ситуацию в семье. В условиях резкого расслоения общества семья стала самой политизированной его ячейкой.

Сегодня с учетом наших рассуждений о поколенческой разнице в среде современной молодежи в России наблюдаются две диаметрально противоположные тенденции: с одной стороны, это стремление участвовать в политической жизни страны, с другой – апатия ко всем политическим процессам, происходящим в России.

Необходимо обратить особое внимание на мотивацию политического участия молодежи. «Ребята идут в партию на не очень рациональной основе, – считает руководитель аналитического департамента Центра политических технологий Алексей Макаркин – Это некая эмоция, от которой они быстро отходят, получив опыт политической гонки и полезные связи»¹.

Какова же мотивация их вступления в партию? Большинство из них мотивируют этот факт тремя причинами: 1) чтобы отстоять свою гражданскую позицию, 2) сделать карьеру и 3) заработать денег. Второй и третий фактор при проигрыше их партий на думских выборах не осуществимы, поэтому либо их интерес угасает, либо они переходят в ряды «партии власти», либо молодые-фанатики альтруисты остаются работать за идею, но их немного. После пора-

¹ Иваницкая Н. «Он пробьется в президенты без всяких стимулов» // Известия.ru. 5 апреля 2004 г.

жения их партий на выборах часть из них радикализируется, а часть пытается совмещать свои радикальные настроения с вполне рациональной политической деятельностью.

У непартийной молодежи еще меньше монолитности в мировоззрении. Убеждения нетвердые, на что, кстати, указывают различные социологические исследования. Довольно низок процент молодежи, готовых работать на выборах без оплаты во имя определенных политических убеждений. Большинство студентов МГУ, опрошенных Центром исследований политической культуры России в период с октября 2005 по февраль 2006, в ответ на вопрос о том, если бы им заплатили больше организаторы выборной кампании другой партии, согласились бы они сменить направленность своей агитации, ответили утвердительно.

Отдельно необходимо сказать *о важности последовательной государственной молодежной политики*. В современной России понятие "государственная молодежная политика" раскрыто в "Основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации", утвержденных Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 3 июня 1993 г. № 5090-1. В соответствии с этим документом государственная молодежная политика это "деятельность государства, направленная на создание правовых экономических и организационных условий и гарантий для самореализации личности молодого человека и развития молодежных объединений, движений и инициатив".

Исходя из этого определения, можно сделать вывод о том, что государственная молодежная политика олицетворяет собой единство социальной и правовой составляющих. Однако сегодня еще до конца не сформирована правовая составляющая государственной молодежной политики. Тревожит отсутствие базового федерального закона, устанавливающего общие правовые принципы осуществления государственной молодежной политики в Российской Федерации, который бы определял идейный и правовой вектор работы с ней и постоянно действующие структуры работы с молодежью.

Кроме того, следует внимательно отнестись к советскому опыту политической социализации молодежи через различные формы общественно-полезного труда, научно-технического творчества молодежи, работу специализированных медиа и издательств для молодежи и многое другое.

Шатров И.В. Советский период российской истории как этап развития российской цивилизации¹

Аннотация: В статье советский период российской истории характеризуется как этап развития российской цивилизации

Ключевые слова: советское общество, российская цивилизация.

¹ Шатров Игорь Владимирович, Национальный институт развития современной идеологии; igor.shatrov68@gmail.com.

Csatrov I.V. The Soviet period of Russian history as the stage of development of the Russian civilization.

Abstract: The Soviet period of Russian history is characterized as the stage of development of the Russian civilization.

Keywords: Soviet society, Russian civilization.

То, что выглядело в прошлом веке как историческое противостояние капитализма и социализма, являлось фазой многовекового противостояния двух ценностных комплексов. Этот подход соответствует цивилизационной концепции исторического развития. Согласно альтернативной формационной концепции социализм рассматривается как сменяющая капитализм ступень развития человеческого общества. Согласно цивилизационной же концепции различия объясняются различиями западного и восточного цивилизационных типов.

К. Маркс и Ф. Энгельс задавались вопросом: почему восточные общества не вписываются в стройную схему, разработанную на базе европейской истории- античность, феодализм, буржуазное общество? Они называли это азиатским способом производства, определяя его как систему сельских общин, объединение которых происходит за счет государства. Воздействие капиталистической системы, западной цивилизации в целом активизировало другие страны и цивилизации. Однако часто, даже в основном это приводило не к прогрессу, а к разрушению цивилизационных основ.

Россия, цивилизация которой сформировалась на стыке других цивилизаций, оказалась более устойчивой именно потому, что представляла из себя симбиоз восточных и западных ценностных комплексов. Именно потому Россия и возглавила исторический ответ незападным стран. Именно потому в России пустила глубокие корни идеология социализма. Социалистический, или советский период российской истории, стал этапом закрепления российской идентичности, которая в настоящий момент только открывается миру.

Щукин Д.В. Детское (пионерское) движение как феномен, проект и часть социальной реальности советского общества¹

Аннотация: В статье рассматривается и анализируется феномен пионерского движения в СССР как части социальной реальности советского общества. Пионерское движение обладало своим цветом, языком, жестами, формами, ритуалами, мифами т.е. собственным набором идентичности отдельной культурной среды советского человека. Пионер – это один из главных символов «эпохи СССР». Советская власть не только активно поддерживала данный символ, но и настойчиво предпринимало попытки к его тиражированию и распространению на всём мировом пространстве.

¹ **Щукин Денис Васильевич**, кандидат исторических наук, доцент Елецкий государственный университет им. И.А.Бунина, г. Елец; dionysios@yandex.ru.

Ключевые слова: история, СССР, пионер, пионерское движение, символ, атрибут, советское общество.

Shchukin D.V. Children (pioneer) movement as a phenomenon, project, and part of the social reality of the Soviet society

Abstract: This article discusses and analyzes the phenomenon of the movement pioneer in the USSR as part of the of social reality of the Soviet society. The movement pioneer had its color, language, gestures, forms, rituals, myths, i.e., its own set of identity of individual cultural environment of the Soviet person. The pioneer is one of the main symbols of "an era of the USSR". The Soviet power not only actively supported this symbol, but also persistently made attempts to its replicate and distribution on all world space.

Key words: history, USSR, pioneer, pioneer movement, a symbol, an attribute of Soviet society.

Понимание места «советского» в мировом историческом процессе, восприятие и осмысление его наследия во всём многообразии и многоликости невозможно без истории детского и юношеского движения в СССР, ставшее социальной реальностью жизненной практики «человека советской эпохи».

Пионерское движение в СССР – что это такое с позиции сегодняшнего дня отечественной исторической науки? Как сегодня следует рассматривать и «подавать» это «историческое явление», феномен и неотъемлемую часть социокультурного пространства советского общества? Особые вопросы которые настойчиво требуют сегодня диалога советского прошлого и российской современности. Причинами здесь как нам думается выступают следующие:

- процесс развития детского и юношеского движения на современном этапе в РФ, его роль и место в новых социальных условиях;
- схожесть «экспериментального» характера развития детского и юношеского движения в современной России с аналогичными процессами становления советской действительности;
- возможность учёта достижений и ошибок советского прошлого в построении современного российского проекта модели развития детского и юношеского движения в стране;
- современные вызовы времени к отечественной системе образования и профессиональному историческому сообществу.

Кроме того, по нашему убеждению, обращение сегодня к истории «комсомола и пионерии» в СССР является оправданным не только с точки зрения «историко-исследовательской оптики», но и с «полей» поиска и восприятия собственной идентичности поколением «не рождённым в СССР».

В СССР организация детского и юношеского движения осуществлялась на общегосударственной основе и с позиции заинтересованности самой власти в свете партийно-идеологических задач. На официальном уровне решение о создании пионерского движения в Советской России было принято II Всерос-

сийской конференцией РКСМ (16-19 мая 1922 г.) [1, с. 18]. В её резолюции от 19 мая 1922 г. (эта дата считается днём рождения пионерской организации в Советском государстве) значились следующие слова: «Принимая во внимание настоятельную необходимость самоорганизации пролетарских детей, Всероссийская конференция поручает ЦК разработать вопрос о детском движении и применении в нем реорганизованной системы «скаутинг».....» [2, с. 54]. Интересно привести обычаи юных пионеров, закреплённые во «Временном уставе организации детских групп «Юные пионеры» имени Спартака» 1922 года:

1. Пионер не валяется в постели утром, а поднимается сразу, как ванька-встанька;
2. Пионеры стелют постели своими, а не чужими руками;
3. Пионеры моются тщательно, не забывают мыть шею и уши, чистят зубы и помнят, что зубы – друзья желудка;
4. Пионеры точны и аккуратны;
5. Пионеры стоят и сидят прямо, не горбясь;
6. Пионеры не боятся предлагать свои услуги людям;
7. Пионеры не курят; курящий пионер уже не пионер;
8. Пионеры не держат руки в карманах, ибо пионер, держащий руки в карманах, не всегда готов;
9. Охраняют полезных животных;
10. Помнят всегда свои обычаи и законы. [3, с. 71].

Отметим, что в дальнейшем они претерпят свои изменения. После января 1924 г. началось объединение всех детских коммунистических групп в единую организацию. Существующие в СССР детские коммунистические группы пионеров имени Спартака были переименованы в «Детские коммунистические группы юных пионеров имени товарища Ленина». Устанавливалось повсеместно единое название детской коммунистической организации. В течение 1924 г. был также принят ряд документов регламентирующих деятельность пионерской организации.

Пионерское движение в историческом пространстве «советской эпохи» обладало своим цветом, языком, жестами, формами, ритуалами, мифами т.е. собственным набором идентичности отдельной культурной среды, погружение в которую осуществлялось каждым «советским человеком». В связи с этим представляется необходимым рассмотреть данный «набор» пространства «пионерской культурной среды» советского общества.

Основную символику и атрибутику пионерского движения в СССР определяло «Положения о Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина». [4, с. 105]. К ним относились: Красное знамя, красный пионерский галстук и пионерский салют, пионерский значок. Пионеры отдавали пионерское приветствие – салют (рис. 1).

Рис. 1. – Эмблематика пионерского движения

Атрибутами пионерского движения выступали: знаки различия пионерского актива, форма вожатых и пионеров, памятные эмблемы, вымпела, наградные значки пионерских слетов, фестивалей, конкурсов, соревнований, игр всесоюзного и республиканского значения. Кроме того, сюда также относились знамя дружины, флаги отрядов, горн и барабан, сопровождавшие все без исключения пионерские ритуалы (рис. 2).

Особую роль несла в себе «пионерская комната» пионерской дружины каждой школы, где находилась специально оформленная стойка с пионерскими атрибутами, ленинский уголок и уголок интернациональной дружбы. В ней также проходили заседания совета пионерской дружины школы.

Рис. 2. Советская пионерская форма и атрибутика

В каждой школе и классе пионеры выпускали своего рода рукописно оформленные дружинные и отрядные пионерские стенгазеты, которые несомненно имели воспитательно-идеологическую нагрузку. (рис. 3)

Отметим, что у пионеров была и своя «правда» - «Пионерская правда», главная советская газета для детей в СССР и печатный орган ЦК ВЛКСМ и Центрального совета Всесоюзной пионерской организации им. В.И. Ленина. Советская песня, написанная в 1922 г. двумя комсомольцам: пианистом Сергеем Кайдан-Дешкиным и поэтом Александром Жаровым «Марш юных пионеров» стала гимном пионерского движения в СССР. [3, с. 102] Своеобразным символом детского (пионерского) движения как неотъемлемой части социальной реальности советского общества стали существовавшие в каждом городе Дворцы пионеров. После роспуска в 1991 г. Всесоюзной пионерской организации им. В.И. Ленина они были перепрофилированы в Дома детского и юношеского творчества, а потом и в Дома школьников, продолжая существовать и сейчас.

Рис. 3. Советский плакат эпохи «пионерского движения»

Отметим, что все данный набор символов и атрибутов пространства «пионерской культурной среды» советского общества был призван не только подчеркнуть единонаправленность и «единение духа» деятельности организации юных пионеров с «правлящей коммунистической партией» страны, но и идейно-идеологическую связь с символами самого Советского государства, становясь при этом одним из них.

Таким образом, можно говорить на наш взгляд о некоем феномене «концепта» детского движения в СССР и его «роли предназначения» в истории построения человека «нового типа» – «человека советского». Это даёт историческому профессиональному сообществу возможность широкой дискуссии сегодня на тему «встроенности» детского (пионерского) движения в архи-

тектуру социальной реальности советского общества в рамках его (т.е. пионерского движения):

- целей и задач с позиции «государственных дел и интересов»;
- отражения социальных интересов и «маркеров», имеющих в пространстве повседневности советского человека»;
- общепедагогических, образовательных и воспитательных основ.

На наш взгляд нет сомнений в том, что изучение положения молодого поколения в политической системе «эпохи СССР», его социализации, содержания работы молодежных и детских организаций, их взаимоотношения с различными политическими партиями, а также самой молодежной политики Советского государства сегодня востребовано и актуально как никогда.

Данный апробированный на практике многолетний опыт «советских строителей счастливого детства» уже применяется в российской действительности с тем или иным переменным успехом. Некоторые элементы «пионерии» (с модификацией и поправкой на текущее время и политическую ситуацию в стране) интегрированы и в современную систему работы власти с будущим «молодым электоратом».

Сегодня существует большое количество форм организации детского движения (в том числе и современная «пионерия») которые выступают прямой альтернативой «советского (пионерского) проекта» работы с детским движением. Тонкий лёд дискуссии представляет здесь постановка следующего вопроса: «На сколько это хорошо или нет?» При этом использование термина «альтернатива» выводит на пространство диалога оценку российской и советской модели организации детского движения с позиции задач государственного дела.

В заключении отметим, что пионер – это один из главных символов «эпохи СССР». При этом советская власть не только активно поддерживала данный символ, но и настойчиво предпринимало попытки к его тиражированию и распространению на всём мировом пространстве (по крайней мере в «контролируемой Советами части земного шара»).

Сегодня детское (пионерское) движение в пространстве повседневности советской эпохи следует на наш взгляд рассматривать сквозь призму следующих триад:

1. «Пионерия» как пространство повседневности жизни «маленького» и «большого» советского человека. Советской власти удалось (используя желание членов социума быть вместе в рамках значимого дела) через организацию детского и юношеского движения (пионерия, комсомол) воплотить на практике «отдельный проект» собственного мира «маленького» советского человека на орбите «Большой Советской Вселенной».

2. «Пионерия» как практика формирования идеологичности «идентичности» сознания советских масс. Необходимость создания собственной организации для управления развитием детского и юношеского движения в стране возникла в свете организационного становления самой Советской власти и новых подходов к процессу образования и воспитания «нового человека» в Советском государстве. Т.о. юношеские и детские организации в СССР выступ-

пали ещё и как средство удержания части молодежи, подростков в кругу определенных идеологических и политических воззрений.

3. «Пионерия» как особая система социального воспитания в Советском (светском) государстве. Участие в жизни и работе детских, юношеских организаций – это ступень, готовящая детей и подростков к следующей, более зрелой деятельности в иных общественных и социальных движениях. При этом понятно, что не все и не всегда социальные движения «мира взрослого» бывают «полезными» и «положительными» для здоровой во всех смыслах этого слова жизни общества. Т.о., накопленный всей историей пионерского движения педагогический опыт работы в сфере воспитания будущего поколения, создания умной атмосферы и среды для внутреннего роста безусловно практичен и крайне полезен сегодня на предмет своего применения.

Литература

1. Басов Н.Ф. История Всесоюзной пионерской организации, имени В. И. Ленина (Вопросы методологии и теории): учебное пособие. М., 2007.
2. Басов Н. Ф. Практикум по истории ВЛКСМ и Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. М., 1984.
3. Всесоюзная пионерская организация им. В.И. Ленина: Документы и материалы: 1920-1974. М., 1981.
4. Кабуш В.Т. Пионерские символы, ритуалы, традиции. Минск, 1985.
5. Материалы исследования становления и развития системы деятельности пионерской организации СССР / Под ред. З.Н. Егошиной. М., 1983.

Черныш А.М. Автомобиль в СССР: историко-культурологический аспект¹

Аннотация. В статье предпринимается попытка осмыслить феномен владения легковым автомобилем в Советском Союзе, понять и оценить его роль и место в системе советских ценностей.

Ключевые слова: легкой автомобиль, советский быт, дефицит, ценности советской жизни.

Chernysh A.M. the car in the USSR: historical and cultural aspect

Abstract. The paper attempts to understand the phenomenon of car ownership in the Soviet Union, to comprehend and appreciate its role and place in the system of Soviet values.

Keywords: car, the Soviet way of life, the deficit, the values of Soviet life.

Россия поздно «включилась» в мировую автомобильную гонку. Робкие попытки создать отечественное автопроизводство в первые десятилетия XX ве-

¹ **Черныш Алексей Михайлович**, кандидат философских наук, доцент кафедры истории МПГУ, г. Москва; alchernysh@yandex.ru.

ка не дали ощутимых результатов. Страна в основном покупала и использовала автомобили иностранных марок. В то время как в Европе и Америке производство автомобилей было поставлено на конвейер, и он перестал быть диковиной игрушкой для западного обывателя, в России автомобиль был редкостью. Иметь легковой автомобиль здесь мог себе позволить только весьма состоятельный человек, либо высокопоставленный чиновник. Отметим особо этот факт – он своеобразно «аукнулся» и в постсоветское время.

Советская власть поставила цель: организовать производство собственных автомобилей, используя помощь и опыт западных автопроизводителей. Можно говорить о становлении к концу 30-х годов XX века отечественного автомобилестроения. Наряду с грузовым (специальным, военным, пассажирским) автотранспортом начинается производство легковых автомобилей. В то же время они были практически недоступны для рядовых граждан. Свободная продажа легковых автомобилей населению начинается только в конце 40-х годов XX века [1]. Именно с этого времени в «триаде» советских потребительских ценностей, наряду с квартирой и дачей, автомобиль стал занимать важное и почетное место. Иметь в собственности машину для советского человека было олицетворением успеха в жизни («жизнь удалась!») и определенной статусности. Как и в имперской России, где автомобиль был исключительно атрибутом жизни богатых, успешных людей, так и в России советской он становится символом власти, состоятельности, определенного государственно-административного положения владельца.

Отношение «безлошадных» граждан к владельцам машин в советское время было сложным и противоречивым, где явно преобладали зависть и неприязнь. Вопросы о соседе (родственнике, друге, коллеге и т.п.), владевшего машиной, варьировались от «где он нашел деньги?», до «где и как смог купить?». Заметим попутно и то как русский язык чутко отражает особенности советского общества: например, широкое использование слов *взять*, *достать*, вместо купить; *найти* (деньги) вместо заработать, а также получка вместо зарплата и т. п.

В массовом сознании советских людей было налицо парадоксальное раздвоение: с одной стороны, было непонятно, где и как можно было заработать пять и более тысяч рублей на покупку машины, а, с другой, где и как вообще можно купить машину.

Легковой автомобиль в СССР стал одним из главных дефицитов со всеми вытекающими из этого обстоятельствами. Легковых машин не было в свободной продаже, они распределялись по предприятиям и организациям, где были свои списки (очередь) из желающих стать автомобилистами. Автомобиль становится в СССР объектом перепродажи, спекуляции т.п.

Таким образом, дефицит легковых машин, их большая стоимость, широкое распространение служебного автотранспорта, породили особое отношение граждан к автомобилю. Легковая машина в советское время становится олицетворением богатства, достатка, наличия и связей в торговых организациях и, наконец, свидетельством статуса в советской административно-хозяйственной

иерархии. Так, например, фильм режиссера Э.А. Рязанова «Берегись автомобиля» (1966) помимо того, что поднял тему современного советского *робингудства*, прозрачно намекал на то, кто и как мог стать в СССР владельцем легковой машины.

Автомобиль долгие десятилетия был в центре материальных вожделений рядовых советских граждан. Таким он во многом продолжает оставаться и в наши дни: легковой автомобиль по-прежнему высоко котируется в России как подарок, например, победителям Олимпийских игр, молодоженам и т.п.

В советское время люди и семьи, имеющие автомобиль, становились объектами внимания и зависти. С теми, кто владел машиной, хотели дружить – всегда в жизни возникает много ситуаций, когда нужно кого-то (или что-то) подвезти, перевезти и т.п. Это в полной мере относилось и к тем, кто работал на служебных машинах, вплоть до грузовых. При этом, заметим, что жизнь отечественного автолюбителя была далеко не безоблачной – он постоянно сталкивался с проблемой ремонта машины, отсутствием запасных частей, нехваткой бензина, поборами инспекторов ГАИ и т.п.

Все это не могло не сформировать у советских людей определенное отношение к автовладельцам, которое варьировалось от нейтрально-завистливого до критически-возмущенного. Отражением этих настроений может служить, например, «Песня автозавистника» В.С. Высоцкого:

Произошел необъяснимый катаклизм:
Я шел домой по тихой улице своей –
Глядь, мне навстречу прет капитализм,
Звериный лик свой скрыв под маской «Жигулей»!

Я по подземным переходам не пойду:
Визг тормозов мне – как романс о трех рублях, –
За то ль я гиб и мерз в семнадцатом году,
Чтоб частный собственник глумился в «Жигулях»!

Он мне не друг и родственник –
Он мне – заклятый враг, –
Очкастый частный собственник
В зеленых, серых, белых «Жигулях»!

Отдельно следует сказать и о «гаражной теме», проблемы которой хорошо показаны, например, в другом фильме Э. Рязанова «Гараж» (1979).

Человек в автомобиле был главным на дорогах СССР. Отечественная привычка не пропускать пешехода – яркое тому свидетельство. В той системе «координат» человек за рулем всегда был «главным». Подобная ситуация стала меняться лишь в последнее время. «Люди на колесах» – то есть та немногочисленная армия владельцев машин и тех, у кого автомобиль был в служебном пользовании, – стали особой группой, которая свысока смотрела на всех остальных. Все это не могло не породить пренебрежение с их стороны ко всем

остальным – прежде всего к пешеходам. У граждан даже не было сомнения в том, кто кого должен пропускать на дороге!

Приобретение легкового автомобиля значило для рядового советского гражданина (и его семьи) возможность подняться в глазах соседей, родственников и сослуживцев на более высокую «ступень» своего существования, стать более уважаемым и т.п.

Главными на дороге, конечно, были владельцы (водители) иномарок. Машины иностранного производства были редки в Советском Союзе. Их могли иметь дипломаты, работники внешнеторговых организаций, моряки, деятели культуры и искусства. Стоящие на улицах иностранные легковые машины всегда вызывали неподдельный интерес граждан, их обступали, рассматривая снаружи и внутри.

Следующими по «рангу» шли обладатели «Волг» и «Жигулей». Владельцы «Москвичей» и «Запорожцев» в среде автомобилистов рассматривались как «братья меньшие». По мере выпуска новых моделей «Жигулей» шло также негласное соперничество владельцев разных модификаций этой марки машины – от первой модели («копейки») до девятой («девятки»), и, разумеется, более новая модель подразумевала более высокий статус ее владельца.

Говорить о появлении в эти годы особой советской культуры вождения, на наш взгляд, по большому счету не приходится. Это в первую очередь связано с малой распространенностью индивидуального легкового автотранспорта. С достаточной определенностью можно сказать лишь о том, что владелец легкого автомобиля рассматривался в советском обществе как человек богатый и состоятельный. Это имело свои «последствия»: нигде, начиная от учреждений автотехобслуживания и заканчивая правоохранительными органами не возникало сомнений в том, что владелец машины готов (и, главное, может) заплатить за все и всем: от запчастей, ремонта, и заканчивая инспекторами дорожного движения.

Таким образом, ко времени заката советской системы в общественном сознании и культуре сложилось четкое восприятие автомобилиста как особого члена общества, обладавшего определенным статусом, который подразумевал достаток, связи и свободу передвижения. Машина для советского человека была в первую очередь не средством передвижения, а предметом гордости. Удивительным образом многие особенности отечественной автомобилизации советского периода в преобразованном виде остались и сегодня.

Литература

1. Твердюкова Е.Д. Личный автомобиль как предмет потребления в СССР: 1930-е – 1960-е годы // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 166-177.

КРУГЛЫЙ СТОЛ. ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННЫХ ВУЗОВСКИХ И ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ

Глухарев Н.Н. Проблема отражения «трудных» вопросов истории советского общества в современных школьных учебниках на примере освещения причин массовых репрессий 1930-х гг.¹

Аннотация. Цель исследования состоит в определении характера освещения причин репрессий 1930-х гг. в действующих сегодня учебниках истории для российской школы. Результаты исследования позволяют считать, что освещение вопроса в школьных учебниках, как старых, так и (в меньшей степени) новых линеек, нельзя считать полностью удовлетворительным. Несмотря на устранение в новых книгах наиболее спорных трактовок, освещение причин репрессий не получило принципиального улучшения.

Ключевые слова: школьный учебник, И.В. Сталин, репрессии, «войны памяти».

Glukharev N.N. The problem of reflection "difficult" questions of the history of Soviet society in modern textbooks on the example of lighting the causes of the mass repressions of the 1930s.

Abstract. The purpose of the study is to determine the nature of the coverage of reasons repression of the 1930s. existing today in the history books for the Russian school. Results of the study suggest that the coverage of the issue in school textbooks, both old and (to a lesser extent) of new lines, cannot be considered entirely satisfactory. Despite the elimination of the new books in the most controversial treatments, lighting the causes of repression has not received fundamental improvement.

Keywords: school textbook, I.V. Stalin, Stalinism, repression, the "war of memory."

Утвержденная в 2014 г. концепция учебно-методического комплекса по отечественной истории для школы, призванная, согласно замыслу разработчиков, выступить в качестве общественного договора, предлагающего взвешенные точки зрения на дискуссионные вопросы истории, содержит перечень так называемых «трудных вопросов истории России», преподавание которых в рамках школьного курса сопряжено с целым рядом трудностей и требует разработки специальных методических пособий.

В последней редакции концепции выделено 20 таких вопросов, половина из которых относятся к советскому периоду. Среди них одними из наиболее политизированных, а значит и сложных для преподавания в школе, представляются вопросы, связанные с практикой политических репрессий в СССР. При-

¹ Глухарев Николай Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, кафедра новейшей отечественной истории, исторический факультет, Московский педагогический государственный университет, Москва; gluharevnn@mail.ru.

чины репрессий 1930-х гг., а в особенности их наиболее «массовой» фазы 1937-1938 гг., имеют неоднозначные трактовки в исторической литературе. В советский период данная тема сначала замалчивалась, а затем освещалась крайне упрощенно с позиций XX съезда КПСС.

После распада СССР в условиях широкого плюрализма мнений по вопросам советской истории, в школьные учебники начали проникать разнообразные версии, зачастую основанные на заимствованных за рубежом концепциях. Прежде всего, наиболее дискуссионным считался вопрос о масштабах репрессий в СССР, который сегодня, после открытия советских архивов, уже не является предметом столь острого научного обсуждения. В современные учебники истории большинство авторов помещают документально обоснованные цифры.

Что же касается вопроса о причинах репрессий и их обострений, то он продолжает оставаться дискуссионным, причем в большей степени в политико-публицистической плоскости. Особенно это относится к «тридцать седьмому году», ставшим своеобразным «символом» как репрессивной политики советского государства, так и собственно сталинского периода. Проблема репрессий активно используется в «войнах памяти» внутри страны и за ее пределами. В бывших советских республиках все активнее популяризуется концепция «советской оккупации», «советского геноцида». Антироссийски настроенные политические силы стремятся к утверждению в общественном мнении своих стран представлений об СССР как о преступном государстве, уничтожавшем своих граждан, под которые подводится соответствующая правовая база.

Речь идет, в частности, об объединении под формулой «тоталитаризма» режимов гитлеровской Германии и сталинского СССР, из чего зачастую вытекает стремление приравнять в свою очередь нацизм и коммунизм. Так, одним из последних событий на фоне многолетней борьбы с советским прошлым в странах Восточной Европы стало принятие 9 апреля 2015 г. Верховной Радой Украины закона «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрет пропаганды их символики», ставшего одним из четырех законов так называемого «антикоммунистического пакета». Закон основывается на ряде резолюций Парламентской Ассамблеи Совета Европы, которые приравнивают и равно осуждают коммунистический режим в СССР и режим в гитлеровской Германии, используя термин «тоталитаризм»¹.

В этом случае, тема репрессий становится центральной в изложении советской истории, служащей для создания «демонического» образа СССР. Не случайно разработчики новой концепции истории России поместили вопрос о причинах репрессий в число «трудных» (рядом с вопросом о причинах, последствиях и оценках установления однопартийной диктатуры и единовластия И.В. Сталина) [9, с. 83]. Отметим, что в Едином историко-культурном стандар-

¹ Несмотря на то, что концепция «тоталитаризма» применительно к политической системе СССР 1930-х гг. в том виде, в котором она была представлена в 90-е гг., покинула страницы школьных учебников по истории России, данная концепция продолжает сохраняться в образовательной программе и учебниках по обществознанию.

те весь период конца 1920-х – 1930-е гг. обозначен как противоречивый [9, с. 55]. Сложности как в данном, так и в других случаях, сопряжены, помимо дискуссионности самого вопроса, с разнообразным профессиональным уровнем учителей, недостаточным знакомством большинства из них с новейшими достижениями историографии, различиями в их политических предпочтениях, а также в целом с нехваткой часов для более подробного и вдумчивого изучения отдельных дискуссионных тем в рамках школьного курса. Поэтому «навигатором» в этих условиях, как правило, и выступает учебник. От трактовок, отраженных в нем, во многом зависит как адекватность освещения вопроса на уроке, так и понимание его учениками.

До разработки Новой концепции причины репрессий в российских учебниках последних лет освещались с совершенно разных позиций. В учебнике А.А. Левандовского и Ю.А. Щетинова в качестве центрального используется термин «Большой террор», введенный в научный оборот англичанином Р. Конквестом в разгар холодной войны в 1968 г. Авторы совершенно определенно высказываются о причинах репрессий 1930-х гг., объясняя их неограниченной жадностью власти И.В. Сталина, уничтожавшего лучшую часть советской интеллигенции: «Сейчас совершенно ясна главная цель массовых репрессий тех лет. Они должны были нанести удар не только по тем коммунистам, которые отказывались признать правоту сталинских методов строительства социализма или просто сомневались в них, - таких людей было особенно много среди большевистской гвардии, и она почти полностью сгорела в огне государственного террора. Посредством террора из общественно-политической и культурной жизни страны устранялась лучшая, свободомыслящая часть нации, способная критически оценивать действительность и происходящие в ней процессы и потому уже одним фактом своего существования представлявшая препятствие на пути окончательного утверждения личной власти И.В. Сталина» [10, с. 169].

Н.В. Загладин с соавторами в своих учебниках вместо термина «большой террор» используют менее спорную формулировку «политический террор», утверждая, что «теоретическим обоснованием политики репрессий стал выдвинутый И.В. Сталиным тезис о неизбежности обострения классовой борьбы в процессе социалистического строительства», а также то, что «глубинной предпосылкой массовых репрессий 1936-1938 гг. были противоречия, возникшие в ходе социалистической модернизации» [5, с. 185, 187; 6, с. 174]. Репрессии в армии, «наиболее катастрофичные по последствиям», связываются с критикой М.Н. Тухачевским наркома обороны К.Е. Ворошилова, что было воспринято И.В. Сталиным как заговор. Упоминается также о предоставлении германской разведкой фальсифицированных данных об этом заговоре, усугубившие подозрения вождя [6, с. 176].

В учебнике В.С. Измозика и соавторов используется концепция «сталинизма», важнейшей составной частью которого авторы называют учение о непрерывном обострении классовой борьбы как внутри страны, так и во всем мире. Это учение «служило для создания “образа врага”, внутреннего и внешнего, а также для проведения массовых репрессий», говорится в учебнике [7, 169-170].

В наиболее популярном учебнике для 9 класса А.А. Данилова и Л.Г. Косулиной при описании политического режима 1930-х гг., в разделе «массовые репрессии», подробно повествуется, как, найдя повод и создав «правовой фундамент», «Сталин приступил к физическому устранению всех недовольных режимом». [3, с. 176] Причина репрессий кроется в жестокости личности вождя, стремящегося, по сути, свалить личную вину за просчеты на других: «С помощью большого террора Сталин пытался ликвидировать социальную напряженность в стране, вызванную его собственными экономическими и политическими ошибками... Надо было всеми средствами устрашения отучить людей думать и сомневаться, приучить их видеть то, чего на самом деле не было» [3, с. 177-178].

В учебнике системы «Школа 2100» (издательство «Баллас») в разделе «Маховик Большого террора» подробно и в красках рассказывается о проведении репрессий, тогда как их причинам уделяется мало внимания. Здесь также подчеркивается, что репрессии были направлены против всех «недовольных» режимом, а 1937-38 гг. называются пиком репрессий против «среднего и низшего государственно-партийного аппарата», «секретарей райкомов и крайкомов, которые ранее верно исполняли сталинские распоряжения» [4, с. 176-179].

Учебник Л.Н. Алексашкиной, А.А. Данилова и Л.Г. Косулиной «Россия и мир» содержит раздел, знакомящий школьников с дискуссиями о политической системе 30-х годов среди историков. Учащиеся узнают, что характеристика эпохи 30-х гг. в СССР не ограничивается концепцией «тоталитаризма» или «сталинизма». Упоминается термин «государственный социализм», приводятся рассуждения о зависимости политической системы в СССР от конкретной обстановки в стране и мире в 20-30-е гг., точка зрения о влиянии на советскую систему «многовековых российских традиций», «антилиберализма» массового общественного сознания и др. При этом вопрос о собственно репрессиях, их причинах и количестве репрессированных не поднимается [1, с. 200-201].

Таким образом, в наиболее популярных на сегодняшний день учебниках вопрос о причинах политических репрессий нельзя назвать удовлетворительно освещенным. Авторы не имеют согласованной позиции, причины репрессий либо не раскрываются вовсе, либо в большинстве случаев показываются односторонне и сводятся к возможной мотивации И.В. Сталина. При этом ученики, работающие с разными учебниками, могут сформировать для себя совершенно разные представления об этих событиях.

На этом фоне заметно выделяется учебник В.А. Шестакова и соавторов, в котором предпринята попытка выделения комплекса причин репрессивной политики сталинского периода в духе особенностей сложившейся в СССР государственной системы. При этом само слово «причины» избегается, но описание репрессий сопровождается подробным аналитическим разбором задач, которые могли решаться с их помощью. К ним авторы отнесли стремления власти: «устрашить недовольных политикой “затягивания поясов”»; поддержать «хорошее настроение у народа», репрессировав «врагов», отрицавших «безгрешность» советского руководства и социалистического строя; «заставить работать в интере-

сах общества партийно-государственных чиновников», которые, «располагая огромной властью, стремились использовать ее в личных целях»; в преддверии войны уничтожить «сторонников иностранных государств, а также тех, кто мог ими быть», поддержать беспрекословную исполнительскую дисциплину внутри крайне централизованной хозяйственной системы [12, с. 146-147].

Насколько изменилась ситуация после утверждения единого историко-культурного стандарта, в соответствии с которым в 2015 году подготовлены учебники нового поколения, призванные в скором времени заменить ранее изданные книги?

В учебнике издательства «Просвещение» предпринята попытка взвешенного освещения причин репрессий. Указывается, что репрессии применялись для «стимулирования промышленного строительства», упоминаются «установки Сталина об усилении классовой борьбы по мере продвижения к социализму» [8, с. 127]. Авторы отмечают, что после 1933 г. наступил период затишья в репрессиях, а возобновление их и переход в «массовую фазу» в 1937 г. связаны с нарастанием военной угрозы для СССР. Далее воспроизводится взгляд известного исследователя сталинского периода О.В. Хлевнюка (являющегося членом авторского коллектива учебника): «Сталин принял решение о генеральной чистке советского общества от потенциальной “пятой колонны”» [8, с. 144; 11, с. 25]. Данная точка зрения, однако, не объясняет собственно причины «массовости» репрессий и их «равномерной» направленности на совершенно разные слои советского общества, но связывает корень репрессий исключительно со «злой волей» вождя. Авторы отдельно выделили репрессии в армии, объясняемые ненавистью И.В. Сталина к Л.Д. Троцкому, популярному в высшей командной среде, сформированной еще во время его руководства армией. К расправе над командным составом, как утверждается, привела «подозрительность Сталина» [8, с. 145]. Таким образом, для учебника характерен ряд недостатков прежней литературы: как акцент на особенностях личности И.В. Сталина и его межличностных отношениях, так и общее выстраивание материала о 1930-х гг. вокруг «стержня» репрессивной политики.

В учебнике для 10 класса, подготовленном издательством «Дрофа», наоборот, материал о репрессиях сокращен до минимума (пять абзацев под заглавием «машина террора»). Репрессии объясняются лишь тезисом об обострении классовой борьбы, а 1937-1938 гг. упоминаются лишь как пик репрессий, обострение которых связано с «загадочным убийством Кирова». Иные причины не раскрываются вовсе [2, с. 114-115].

Мы видим, что в учебной литературе продолжается схематично-одностороннее изображение репрессий 1930-х гг., которое нельзя признать удовлетворительным¹. В новых учебниках авторы либо продолжают выстраи-

¹ Отметим также, что, приводя данные о жертвах репрессий 1937-1938 гг., авторы новых учебников с легкостью манипулируют десятками тысяч, то увеличивая, то уменьшая итоговые цифры. В учебнике изд-ва «Просвещение» указывается, что из 1,5 млн. арестованных в этот период более 700 тыс. чел. расстреляно [8, с. 145], а в учебнике изд-ва «Дрофа» говорится о 1,6 млн. арестованных, из которых 680 тыс. чел. приговорено к расстрелу [2, с. 115].

вать материал на основе темы репрессий, предлагая новые авторские взгляды на их причины, при этом пытаясь сочетать с ними прежние крайне упрощенные подходы к освещению «сталинизма», либо стараются вовсе избежать достаточно подробного освещения столь острой темы.

Естественно, что адаптация исторического материала для школьного образования требует определенной доли упрощения, однако тем более важным становится выбор объяснительной модели исторических событий, особенно наиболее дискуссионных. Проблема заключается, во-первых, в степени научной обоснованности той или иной модели с точки зрения последних достижений науки и, во-вторых, в ее соответствии с актуальными задачами школьного исторического образования (в частности, воспитанием общегражданской идентичности). Возможности ценностных уроков и воспитательного воздействия, которые можно извлечь из темы советских репрессий далеко не однозначны и требуют отдельного изучения, а что касается научности трактовок, предлагаемых школьными учебниками, то они не всегда соответствуют достижениям современной историографии.

В данном случае практически всегда освещение репрессий 1930-х гг. укладываются в модель «жестокий режим и невинно страдающие массы». Используется интенциональное объяснение причин репрессивной политики, по-прежнему, в духе XX съезда КПСС, сводящее их к «параноидальной» личности И.В. Сталина. Принципиального улучшения освещения репрессий в новых школьных учебниках, подготовленных на основе Единого историко-культурного стандарта, не произошло, что оставляет актуальным разработку дополнительных аналитических пособий для учителей по «трудным вопросам» истории советского общества. Формирование адекватного исторического сознания молодого поколения связано с необходимостью выработки более обоснованной позиции относительно каждого из трудных вопросов истории советского периода, учитывая как многообразие оценок, так и их прямое использование в «войнах памяти», разворачивающихся сегодня вокруг советского прошлого.

Литература

1. Алексашкина Л.Н., Данилов А.А, Косулина Л.Г. История. Россия и мир в XX – начале XXI века. 11 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений: баз. уровень. М.: Просвещение, 2011.
2. Волобуев О.В., Романов П.Н., Карпачёв С.П. История России. Начало XX – начало XXI века. 10 класс. М.: Дрофа, 2016.
3. Данилов А.А, Косулина Л.Г., Брандт М.Ю. История России, XX – начало XXI века: учеб. для 9 кл. общеобр. учреждений. М.: Просвещение, 2012.
4. Данилов Д.Д., Лисейцев Д.В., Клоков В.А и др. Российская история. XX – начало XXI века: Учебник для 9-го класса основной школы. М.: Баллас, 2009.

5. Загладин Н.В., Козленко С.И., Минаков С.Т., Петров Ю.А. История России XX – начало XXI века: Учебник для 11 класса общеобразоват. учреждений. М.: Русское Слово, 2007.
6. Загладин Н.В., Петров Ю.А., Минаков С.Т., Козленко С.И. История России. Конец XIX – начало XXI века: учебник для 11 класса общеобразоват. учреждений. Углубленный уровень. М.: ООО «Русское слово-учебник», 2014.
7. Измозик В.С., Рудник В.С. История России: 11 класс: учебник для учащихся общеобразовательных учреждений / под общ. ред. Р.Ш. Ганелина. М.: Вентана-Граф, 2013.
8. История России. 10 кл. Учеб. для общеобразоват. организаций. В 3 ч. Ч. 1 / [М.М. Горинов, А.А. Данилов, М.Ю. Моруков и др.] под ред. А.В. Торкунова. М.: Просвещение, 2016.
9. Концепция нового учебно-методического комплекса по Отечественной истории / [электронный ресурс:] URL: http://www.apkpro.ru/doc/konceptn_umk.pdf (дата обращения 01.11.2015)
10. Левандовский А.А., Щетинов Ю.А., Мироненко С.В. История России, XX – начало XXI века. 11 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений: базовый уровень. М.: Просвещение, 2010.
11. Хлевнюк О.В. И.В. Сталин: портрет на фоне эпохи: пособие для учителей общеобразоват. организаций. М., Просвещение, 2015.
12. Шестаков В.А., М.М. Горинов, В.Е. Вяземский. История России, XX – начало XXI века: 9 класс: учебник для общеобразоват. учреждений / под ред. А.Н. Сахарова. М.: Просвещение, 2011.

Дзялошинский И.М. Молодежь России: фантомы исторической памяти¹

Аннотация. В излагаются результаты социологического исследования знания городской молодежью современной России ее основных исторических событий.

Ключевые слова: молодежь России, история России, знания.

Dzyaloshinsky I.M. Youth of Russia: ghosts historical memory

Abstract. The study presents the results of sociological knowledge of urban youth of modern Russia of its main historical Sobard.

Keywords: youth of Russia, Russian history and knowledge.

XX век был чрезвычайно богат значимыми для истории России событиями. Список таких событий, составленный историками, насчитывает несколько тысяч фактов. Понятно, что список историков и перечень событий, хранящихся в памяти наших современников должны различаться. Однако важно не только

¹ Дзялошинский Иосиф Михайлович, доктор филологических наук, профессор факультета коммуникаций, медиа и дизайна Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва; imd2000@yandex.ru.

констатировать эти различия, но и увидеть логику выделения обычными гражданами событийных комплексов, представляющихся им настолько важными, чтобы удерживать их в оперативной памяти. Выявление, анализ и систематизация значимых в контексте общероссийской идентичности дат и событий играет важную роль для понимания проблем формирования и развития идентичности российской молодежи.

В качестве *объекта исследования* в данной работе выступает историческая память российской молодежи.

Предмет исследования – процессы темпоральной самоидентификации молодежи в условиях масштабного использования российскими элитами масс-медиа для распространения милитаристско-изоляционистской идеологии.

Исходя из особенностей объекта и предмета исследования, был сформулирован *исследовательский вопрос*: что представляют собой образы прошлого в сознании российской молодежи в ситуации массированного использования российскими элитами масс-медиа для распространения милитаристско-изоляционистской идеологии.

Общие задачи исследования:

- обобщение и систематизация современных подходов к изучению исторической памяти и актуализация этих подходов;
- выявление и анализ роли образов прошлого в процессах темпоральной самоидентификации молодежи в условиях масштабного использования российскими элитами масс-медиа для распространения милитаристско-изоляционистской идеологии;
- выявление отношения молодежи к ключевым событиям истории России XX века.

Методики. В качестве основных методик, которые были использованы для получения эмпирического материала, были использованы массовое анкетирование и фокус-групповое интервьюирование и др. В процессе анкетирования респонденты должны были – не прибегая к каким-либо дополнительным материалам и подсказкам – назвать 10 важнейших событий, которые, по их мнению, потрясли Россию в XX веке.

Опрос проходил в 12 городах, репрезентирующих все федеральные округа России (кроме Крыма). Всего было опрошено 1548 человек.

Результаты. Характеризуя полученные результаты, следует, прежде всего, отметить, что в целом по массиву опрошенными были выделены 146 событий отечественной истории XX века. Из дальнейшего анализа были исключены: события, набравшие менее 1% от суммарного количества событий, упомянутых всеми респондентами (это 9,5% от всех респондентов); а также упомянутые респондентами события, которые не относятся к XX веку (крещение Руси, татаро-монгольское иго, отмена крепостного права, присоединение Крыма, экономический кризис 2008-2010 гг. и пр.). Таким образом, для дальнейшего анализа были отобраны 29 событий.

Однако если выделить события, о которых вспомнили наибольшее количество участников опроса, то в первую десятку попадут: Великая Отечествен-

ная война (9,1 процента от суммарного количества событий, упомянутых респондентами); Октябрьская революция (8,8 процента); распад СССР (8,7 процента); полет в космос Ю. Гагарина (8,1 процента); Первая мировая война (7,0 процента); Вторая мировая война (4,1 процента); холодная война (4,0 процента); перестройка (3,7 процента); создание атомного/ядерного оружия (3,2 процента); взрыв на Чернобыльской АЭС (3,1 процента).

Во вторую десятку попали такие события, как Гражданская война (3,0 процента); Сталинские репрессии (2,9 процента); Образование СССР (2,7 процента); Февральская революция (2,6 процента); дефолт 1998 г. (2,5 процента); ввод войск в Афганистан (2,4 процента); Олимпийские игры 1980 г. (2,3 процента); смерть Сталина (2,1 процента); Русско-японская война (2,1 процента); расстрел царской семьи (2,1 процента).

Еще несколько событий набрали от 2 до 1 процента: заявление Б.Н. Ельцина о досрочной отставке с поста Президента РФ; приход к власти Путина (2,0 процента); буржуазная революция 1905-1907 гг. (1,8 процента); Первая Чеченская война (1,7 процента); осуждение культа личности на XX съезде КПСС (1,50 процента); смерть Ленина (1,4 процента); Карибский кризис (1,2 процента).

Размышляя над причинами, стимулировавшими закрепление тех или иных событий в памяти участников исследования, можно констатировать, что в кажущейся хаотичности выделенных событий прослеживается весьма отчетливая закономерность: в исторической памяти молодых современников закрепились факты, связанные либо со значительным количеством вовлеченных людей, либо с масштабом последствий для дестабилизации социальной системы. Под дестабилизацией мы понимаем не только разрушительные процессы (хотя большинство выделенных событий именно таковы); но и события, которые стимулируют социальное развитие, но в форме резкого переворота. Именно таковы полет в космос Юрия Гагарина, осуждение культа личности на XX съезде КПСС и некоторые другие исторические факты. Иногда оба фактора сливаются в одно целое.

Выполненное исследование дает основание для формулирования нескольких проблем, нуждающихся в глубоком анализе.

Первая в этом ряду: понимание роли исторической памяти и её носителей для формирования национальной, этической, гражданской идентичности. Циркулирующие в обществе представления о прошлом занимают ключевое место в структуре идентичности. Образы прошлого участвуют в конструировании и осмыслении, постоянной интерпретации сегодняшних событий, способствуя ориентации человека в этом мире.

В качестве второй проблемы целесообразно выделить мифологию истории, как фактор формирования идентичности. Социально сконструированные исторические мифы, представления о прошлом, воспринимаемые как достоверные "воспоминания" (как "история") и составляющие значимую часть данной картины мира, играют важную роль в ориентации, самоидентификации и поведении индивида, в формировании и поддержании коллективной идентичности и трансляции этических ценностей.

В сети интерактивных коммуникаций происходит постоянный отбор событий, в результате чего некоторые из них подвергаются забвению, в то время как другие сохраняются, обрастают смыслами и превращаются в символы групповой идентичности. Идет процесс реинтерпретации прошлого, продуктами которого являются новые мифы. Особый интерес представляет исследование мифологической составляющей современного исторического сознания, как и возможностей сознательного конструирования/деконструкции исторической памяти.

И, конечно, следует поразмышлять по поводу того:

– под влиянием каких образовательно-медийных воздействий в головах молодых людей «всплывают» именно те десять событий, которые они включают в свой список;

– почему одни молодые люди фиксируют те очевидные события, которые и составили в конечном итоге три десятка самых популярных, а другие – малые числом – вспоминают Серебряный век, творчество Булгакова, Тарковского и т.д.);

– каким образом надо выстраивать медиадискурс, для того чтобы многогранная и объемная история России не сводилась к трем десяткам событий.

Научное издание

ИСТОРИЧЕСКОЕ МЕСТО СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Материалы Всероссийской научной конференции
г. Москва, 6 ноября 2015 г.

Под общей редакцией А.Б. Ананченко

Статьи публикуются в авторской редакции

Оригинал-макет – М.В. Астахов

ISBN 978-5-4263-0308-9

9 785426 303089

Усл. печ. л. 13,88. Уч. изд. л. 14,4 л.
Управление издательской деятельности
и инновационного проектирования МПГУ
119571, Москва, Вернадского пр-т, д. 88, оф. 446.
Тел.: (499) 730-38-61
E-mail: izdat@mpgu.edu

Подписано к публикации 11.01.2016 г.

Заказ № 480